

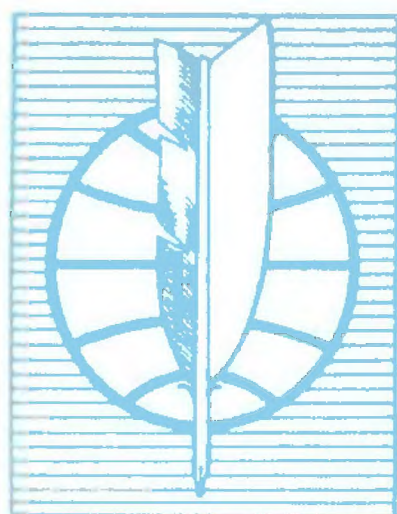
БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

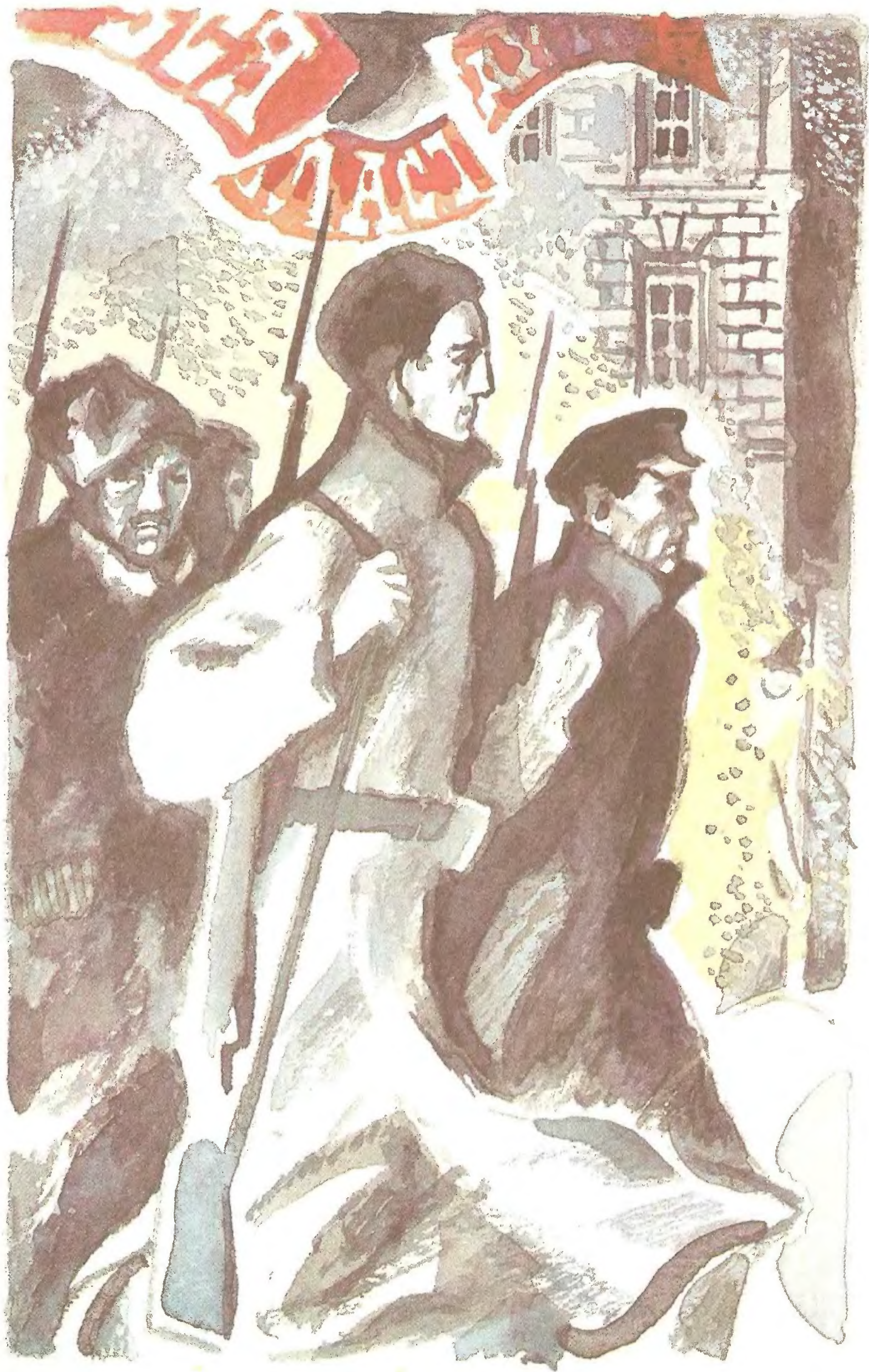
ГРАЖДАНСКАЯ
ЛИРИКА
СОВЕТСКИХ
ПОЭТОВ

Scan Kreyder - 14.06.2016
STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ГРАЖДАНСКАЯ
ЛИРИКА
СОВЕТСКИХ
ПОЭТОВ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1982

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.	Думбадзе Н. В.	Мотяшов И. П.
Алексин А. Г.	Коржев Г. М.	Мустай Карим
Барабаш Ю. А.	Леонов Л. М.	Новожилова Э. Г.
Благой Д. Д.	Лихачев Д. С.	Пешеходова Г. К.
Верейский О. Г.	Ломунов К. Н.	Прилежаева М. П.
Виноградов А. А.	Марков Г. М.	Свиридов Н. В.
Гамзатов Расул	Межелайтис Э. Б.	Столетов В. Н.
Гончар Олесь	Миршакар Мирсайд	Стукалин Б. И.
Дехтерев Б. А.	Михалков С. В.	Танк Максим
		Шолохов М. А.

*

Составление, вступительная статья и комментарии
А. М. ТУРКОВА

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Иллюстрации и оформление тома
Л. П. ДУРАСОВА

Г 4803010102—548
М101(03)82 Подп. изд.

© Состав. Вступительная статья. Комментарии. Оформление. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ»

Чуткость к жизни народа, насущным потребностям Родины, неуклонному движению истории, горячая сердечная потребность сделать свое перо, свое слово полезными в борьбе за благо людей — качества, издавна присущие русской литературе, и в частности поэзии.

Высокие гражданские мотивы зарождаются в ней еще со времен «Слова о полку Игореве», раскаляются в поэтической лаборатории великого Ломоносова и бурно вскипают у Державина, Радищева, Рылеева, Пушкина.

Отчизна, свобода, вольность — это, можно сказать, красный угол русской поэзии. Примечательно, например, в каком прекрасном соседстве с самыми лучшими, естественными, неистребимыми движениями человеческого сердца находятся они в знаменитых пушкинских строках:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Свобода, честь, отчизна, души прекрасные порывы, упованье (надежда), вольность, любовь — все сплетено здесь воедино, как пылкие руки «любви и дружества» людей декабристского круга.

На мощных крыльях поэзии Лермонтова и Некрасова эти великие заветы переносятся от поколения к поколению, чтобы уже в начале нового, двадцатого века прозвучать в стихах и поэмах Блока и Брюсова, Маяковского и Демьяна Бедного.

Неудивительно, что именно этим поэтам принадлежат и первые взволнованные отклики на огромное событие всемирной истории — Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Они пришли к ней разными, непохожими дорогами.

Кто в ореоле всероссийской славы, так что, казалось бы, ему, окруженному любовью и поклонением, не было нужды в переменах. Но этот знаменитый поэт был Александр Блок, который писал в дневнике: «...(человеческая) совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но *умирающего и разлагающегося* в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь».

Он еще не знал, откуда придет эта «свежая жизнь», но его чуткая, как сейсмограф, душа ловила глухой подземный гул приближавшейся революции, поднимающийся над миром ветер, который потом победоносно и грозно запел со страниц поэмы «Двенадцать».

Другой поэт вошел в революцию, казалось бы, из самой гущи литературной богемы, из атмосферы литературного скандала, которым ознаменовалось рождение футуризма — течения, к которому он в начале творческого пути примыкал. И мало кто тогда знал, что до этого Маяковский прошел короткую, но наполненную событиями школу революционного подполья и что «стихи и революция как-то объединились в голове» у него еще со времен 1905 года. Недаром из шедших на Зимний цепей красногвардейцев, как граната, летела в окна притаившегося дворца взрывчатая частушка поэта:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

Третий поэт обладал уже многолетним опытом участия в большевистской печати, прижившейся кличкой Демьяна Бедного — мужика вредного и был сопровождаем добрым ленинским напутствием. Грубоватая, едкая, прямая манера его поэтической речи, быть может, в ту пору была особенно по душе рабочим, солдатам, крестьянам своей простотой, безыскусственностью, ясностью мнений и оценок.

Сергею Есенину революция помогла выбраться из душноватого мирка салонных литераторов, видевших в талантливом самородке всего лишь пикантную новинку, занятную игрушку (любопытно, что и журнал-то, где печатались едва ли не первые стихи юного автора, назывался «Мирок»).

Поэма Блока «Двенадцать», вызвавшая лютое озлобление в стане врагов Октября, была закономерно воспринята наиболее чуткими современниками как драгоценное продолжение благороднейших традиций великой русской поэзии.

«...С Блоком, — писал впоследствии Константин Федин, — отошла прежняя, старая эпоха, та, которая, дожив до революции, сделала шаг в ее владения, как бы показав, куда надо идти...»

Сбылись вещие строки другой, более ранней блоковской поэмы «Возмездие» о русской жизни:

Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова...

Грохот этого долгожданного ледохода и отдался в послеоктябрьской блоковской поэме, в ее грозных ритмах, в ее драматическом конфликте, где буря бушует и в природе, и в истории, и в глубине человеческих сердец, изобиженных вековыми страданиями и накопивших яростную жажду расплаты.

«Другом,— заметил Блок однажды,— называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. Врагом — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (или — что ему кажется дурным)».

И сам поэт, как автор «Двенадцати», закономерно избрал позицию друга, который стремится понять, что «может и должно быть» с грозными и яростными героями его поэмы. Он верил, что, каким бы стихийным ни казался порой разлив «вешней реки» революции, объективно он направлен к осуществлению великих идеалов справедливости, и дерзко пытался воплотить эту мысль в том, что его героев — столько же, сколько апостолов, некогда возвестивших миру новое учение, и в том, что впереди них в финале поэмы оказывается Христос.

Великий поэт революции Маяковский однажды, уже в конце жизни, назвал себя заводом, вырабатывающим счастье. В годы революции и гражданской войны этот завод целиком работал на оборону. Из его бессонных цехов выходила то «Советская азбука» для красноармейцев, то сотни агитационных плакатов «Окна сатиры РОСТА», то первая советская пьеса «Мистерия-буфф», то энергичный «Левый марш», написанный для балтийских моряков и обошедший всю страну. Поэт по праву гордился своей продукцией этих лет. «Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла», — писал он впоследствии.

Переход «к мирному производству» нелегко дается и заводам, и поэтам. Многие писатели долго и мучительно осваивались в непривычной обстановке нэповских лет, когда пламенные лозунги «Все на разгром Юденича!» или «Даешь Перекоп!» сменились внешне прозаическим, лишенным романтической окраски призывом: «Учитесь торговать!»

Маяковский и в это время правильно определил «место поэта

в рабочем строю». «Надо в каждой пылинке будить уметь большевистского пафоса медь!» — эти крылатые слова не оставались для него только словами. Он бросил «своих страниц войска» в новые, жестокие бои.

Поэт верил в торжество новой жизни, несмотря на все трудности, испытываемые революцией и новорожденным социалистическим государством. Верил не потому, что закрывал глаза на препятствия, на горькие утраты, на живучесть старья и его ловкие попытки приспособиться к новой жизни, чтобы потом приспособить ее к себе. Нет, Маяковский видел в строительстве социализма «чернорабочий, ежедневный подвиг», а не увеселительную прогулку в чудодейственной машине времени с щедрыми командировочными в кармане, которая соблазняла героя его пьесы «Баня» — чванливого бюрократа Победоносикова. Он понимал, что великое дело, творимое в нашей стране, — это трудная ноша, а не праздничный транспарант.

Он был верным солдатом революции, и его стих, как рядовой боец великой армии, прокладывал дорогу в будущее — в «коммунистическое далеко». Маяковский всем сердцем ощутил, что особое величие исторического рубежа Октября — в приобщении миллионов людей к новым интересам, в невиданном расширении их духовных горизонтов. Лирическое «я» поэта с его жадным любопытством к тому, что делается в Житомире и Детройте, в Париже и Новочеркасске, с его готовностью живо вмешаться во все, начиная с Генуэзской конференции и кончая ухабами на московской улице, во многом олицетворяет рвущуюся наружу энергию, любознательность, природный ум «простого» человека с его недюжинными задатками.

Своеобразие содержания определило и оригинальность формы.

Рассказывающий о «весне человечества», стих поэта и сам звучит «будто бы весна — свободно и раскованно».

В афишах публичных выступлений поэта, кроме названий стихов, которые будут прочитаны, обычно значилось: «Разговор-доклад». Определяя так свои импровизированные речи, Маяковский мог бы дать собственно поэтической части вечера не менее подходящее название: «Разговор-стихи», ибо послереволюционные стихи его — это и впрямь разговор с читателем-другом, чьи интересы совпадают с интересами самого поэта.

«Для него не было далеких стран и чужих дел, — писал об одном донбасском комсомольце писатель Борис Горбатов. — Все было свое, кровное: и хлебозаготовки в Сибири, и урожай хлопка в Узбекистане, и казнь коммунистов в Италии. Разгром стачки рурских горняков он переживал, как личную драму». Таков был герой и читатель стихов поэта, заполнявший многочисленные аудитории на его вечерах.

Этому читателю по нутру была партийная поэзия Маяковского — поэзия наступления на старый мир, стремительная атака вражеских позиций по всему фронту, поэзия самоотверженного отстаивания и умножения всего нового, социалистического, что появлялось в жизни и в людях.

Бесспорно, что подобный читатель был создан самим временем, в какой-то мере и поэзией Маяковского; и в то же время он оказал на нее обратное воздействие своей реакцией, своим восторженным отношением, укрепив в поэзии Маяковского ее особые черты.

Все это придало отношению поэта к революции неповторимый, почти интимный оттенок.

Творческие силы, раскованные революцией, действовали во всех областях жизни. И в литературе революция не только придала новую силу многим и ранее звучавшим голосам, но и вызвала к жизни дотоле неизвестные таланты, обуреваемые желанием рассказать о только что пережитом героическом времени.

...Отряд с огромным трудом прорвался сквозь вражеское кольцо, прошел преградившую путь топь:

«В просветы в деревьях проступали яркие клочки голубого неба,— чувствовалось, что там, за лесом, встает солнце. Люди побросали горящие головни, которые они до сих пор несли почему-то в руках, увидели свои красные изуродованные руки, мокрых, измученных лошадей, дымившихся нежным тающим паром,— и удивились тому, что они сделали в эту ночь».

Так передавал только что вошедший в литературу Александр Фадеев в ставшей знаменитой повести «Разгром» чувства своих героев — дальневосточных партизан; и эта картина кажется символическим выражением мироощущения всей страны, победившей в гражданской войне.

Естественно, что эта эпоха «неслыханной борьбы», по словам Ленина, которую народ выдержал за четыре года, породила огромную литературу. Кажется, все роды и жанры соперничали между собой: кому удастся лучше, рельефнее, глубже выразить смысл этой эпохи и величие ее героев.

И среди поэтов почти невозможно отыскать такого, который бы прошел мимо событий и участников революции и гражданской войны.

Многообразны эпические произведения советской поэзии на эти темы — поэмы Маяковского и Эдуарда Багрицкого, Николая Асеева и Бориса Корнилова, но, пожалуй, еще богаче отобразилась героика эпохи в более «мелких» жанрах.

Ощущение неисчислимой силы, великой энергии, которую пробудила революция, широчайших горизонтов, распахнувшихся перед людьми, пронизывает стихи и баллады Николая Тихонова, собранные в его первых книгах «Орда» и «Брага»:

И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Недаром поэт взял эпиграфом к «Браге» слова Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится...» В стихах Тихонова слышался гул того же октябрьского ветра, что и в «Двенадцати»; откровенно звучало восторженное «да!», сказанное автором своей трудной и напряженной эпохе:

Не заглушить, не вытоптать года,—
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.
Владеть крылами ветер научил...

Эти строки возвещают о непреходящести событий, об огромности воздвигаемого «необъятного сруба». «Разрезаны бессмертные страницы», — скажет поэт и в другом стихотворении.

Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,—

говорится в балладе «Перекоп». Перед нами не верность военному приказу вообще. Вовсе не с истовостью старых служак «мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». И на другой из сражавшихся сторон действовала сила приказа, но там к ней не присоединялась страсть великих справедливых идей:

За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.
За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: отдай! —
Урагана сильнее оно.

Эти строки неотделимы от времени, когда они написаны. Штурм Перекопа слился здесь со штурмом прежнего общественного уклада вообще. Великая энергия революционного взрыва запечатлена в них, в этом порыве к будущему так же, как в «Левом марше» Маяковского («Там за горами горя солнечный край непочатый. За голод, за мора море шаг миллионный печатай!»).

Михаил Светлов написал однажды, что лучше сам кинется под паровоз, чем бросит туда героя. Но он жил в суровое время и не скрывал от читателей этой суровости. Его герои часто погибали, как ставший любимцем многих поколений украинский хлопец, мечтавший принести счастье не только своему собственному народу, но и в далекую «гренадскую волость». Погибали — и оставались жить в стихах поэта.

Светлов грустно шутил, что, хотя он написал великое множество стихов, его все-таки в основном знают как автора «Гренады». Действительно, бывают такие знаменитые произведения, что все остальное, созданное их авторами, как бы попадает в тень. Существуют хроникальные кинокадры, как Светлов в начале шестидесятых годов читает свою бессмертную балладу на вечере в Политехническом музее и его, затаив дыхание, слушает весь зал — и седые ровесники поэта, и зеленые юнцы, порой озорно наскакивающие на авторитет того или иного маститого автора.

Но и впрямь ведь — не одной «Гренадой» богат Светлов! Вспомним хотя бы стихи «Рабфаковке» — о молодой женщине, впервые открывающей для себя огромный мир знаний, приобщающейся к знаменитым страницам мировой истории. Перед ней проходит подвиг Жанны д'Арк, события французской революции... И за этой картиной подготовки к сдаче зачета вдруг начинает проступать иной, уже современный смысл:

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

И этот образ скромно разошедшихся по домам звезд — не просто пейзаж города на рассвете. В воспоминаниях рабфаковки проносится пережитое недавно страной, а вероятно, и ею самой, тоже «неслышно» отступившей в тень, и ничуть не уступающее громкой славе минувших времен:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.
.
В каждом братстве больших могил.
Похоронена наша Жанна.

Как по-новому читается это давнее стихотворение, из которого впоследствии словно бы возникла популярнейшая «Песня о Каховке», о «девушке нашей в походной шинели», — как по-новому читается оно теперь, когда вспоминаешь не только Каховку или Триполье, но и Петрищево, и Краснодон...

В русской поэзии издавна существовала благородная традиция восславления человеческого труда и творчества. Так, Кольцов и Некрасов обессмертили крестьянский труд, продолжив традиции, заложенные еще в народных песнях.

Освобожденный труд — и как этический идеал нового обще-

ства, и во множестве своих разнообразных конкретных проявлений — сделался одним из любимейших героев советской поэзии.

Примечательно, что уже на заре ее существования появились такие стихи о труде, которые пережили долгие годы и поныне радуют чистотой и ясностью красок и дерзостью творческой фантазии. Таковы, например, стихи Василия Казина «Рабочий май», где весь мир как бы увлеченно подражает празднику человеческого труда, творится заново, или о «ручном лебеде» — рубанке и о «шумном водопаде» льющихся из-под него стружек.

И впоследствии многим советским поэтам посчастливилось открыть поэзию там, где большинство видело грубую, «деловую» прозу. Прекрасно охарактеризовал эту примечательную черту творчества Михаила Исаковского его младший современник Александр Твардовский, говоря о том, что «новшества, причудливо и непривычно, а то и вовсе грубо и аляповато вторгавшиеся в жизнь деревни, взламывая ее вековой уклад, традиции и навыки, отнюдь не отпугивали его, сына старой деревни, но были ему милы и дороги, и он с истинным душевным волнением отмечал их, вводил, так сказать, в поэтический обиход».

Более чем полувековое расстояние, отделяющее нас от тех лет, несколько приглушает для современного читателя смысл самого названия первой книги Исаковского — «Провода в соломе»: вторжение нового, прежде небывалого в традиционный сельский быт, в мир крытых соломой хат, «чудеса будних дней», как определил пафос стихов поэта Максим Горький.

Вдоль деревни от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда...

В нашем современном восприятии многие стихи Исаковского уже неотделимы от написанной впоследствии к ним музыки. Так и тут, читая стихотворение «Вдоль деревни», трудно отрешиться от праздничных переборов гармонии и от звонкого ликования в голосе Александры Прокошиной — запевалы знаменитого хора имени Пятницкого. И все-таки эта праздничность, динамика были воплощены уже в самих стихах поэта. В «шагающих» столбах проглядывает явственное сходство с людьми, обуреваемыми стремлением, «чтобы радость подружилась с мужиком», и провода уже как бы сами «играют» песню, прежде чем она будет распознана и записана композитором.

В ту пору по дорогам и полям шел трактор, встречаемый где радостно, а где с недоверием и опаской. Шел как агитатор за новую жизнь, за коллективное хозяйство. Шел завоевывать крестьянские сердца.

В старинных былинах конь героя-богатыря становился его

другом и сподвижником, обретая почти человеческие черты. Так и стук тракторного мотора вскоре как бы слился с биением сердца страны, его железный гром оказался сродни страстным речам пропагандистов. Закономерно, что в сборнике стихов Ярослава Смелякова стихи о тракторе соседствуют с другими — о трибуне революции Маяковском: оба они из племени «агитаторов железных» за новую жизнь.

Незаметно перерастает в обобщение картина встречи героя известной поэмы Твардовского «Страна Муравия» с молоденьким трактористом. Зримы, вполне реалистичны детали, при помощи которых поэт рисует облик «кучерявого паренька», но одновременно этот образ в чем-то символизирует новую жизнь, молодую советскую новь.

В другой главе поэмы нарисована тоже примечательная картина:

...над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Трактор здесь — зачинщик новых, «хоровых» форм труда, запевала новой песни.

В поэзию Михаила Лукоцина трактор входит как лирическое воспоминание о начале жизни, о детстве паренька, выросшего возле первенца советской индустрии — Сталинградского тракторного завода: детство героя сидело на тракторном крыле, «как на плече отца» («Рабочий день»). А гибель трактора, этого железного «партийца», от вражеских рук подобна смерти человека-бойца (поэма «Признание в любви»).

Сердечные и точные слова для изображения «шумного первенца пятилетки», «младшего братца броневика, утвердившего власть Советов», нашел Ярослав Смеляков.

Этот поэт вообще своеобразно воплотил в своем творчестве романтику целого поколения комсомольских орлят, энтузиастов новостроек, волонтеров индустриальных армий. Характерен сам образ смеляковской музыки:

В те дни в заводской стороне,
у проходной, вблизи столовой,
встречаться муза стала мне
в своей юнгштурмовке суровой.
.
Рукою властной
паренька
она манила за собою,
и красный цвет ее платка
стал с той поры моей судьбою.

Служить такой музе нелегко. Вспоминается, как великий русский художник Валентин Серов говорил ученикам: «Красный цвет — особый цвет, и с ним нужно обращаться очень тонко, иначе — грубость, диссонанс, дешевка».

Красный цвет у Смелякова никогда не был крикливым. «Нами сотканное знамя», как сказал поэт однажды, из «красных лозунгов снежной земли» и «красного шитья» родной рябины. Его муза, подобно изображенной им пряже,

...не устала сучить
и нитку, намокшую кровью,
и красного знамени нить.

Такой красный цвет не меркнет и не потухает в любом соседстве. «Смерть. Заря» — эти слова стоят рядом и в стихах тридцатых годов «Про товарища», и во всей поэзии Смелякова.

В стихах Смелякова запечатлелась волнующая летопись времени — «клятвы, даты и завещанья, резко выбитые штыком». Последние слова сказаны поэтом о надписях, сделанных героями Брестской крепости, но, право, их можно отнести и к творчеству самого автора, в котором так удивительно соседствуют почти прозаическая точность, яростная одержимость работой и боем и внезапные взлеты высокой романтики.

Ярослав Смеляков принадлежал к тому же поколению энтузиастов, что и безвременно погибший в начале тридцатых годов поэт Сергей Чекмарев, с которым происходило то же, что с уже упоминавшимся выше героем Бориса Горбатова: «...он все слова окрашивал своею страстью, и с ними свершалось чудо: неуклюжие слова хорошили».

Унаследовав «динамитный язык прокламаций» и обстоятельный слог «дедовских медленных писем», Ярослав Смеляков сплавил его в своеобразный стиль, парадоксально определенный им самим: «Чугунный голос, нежный голос мой».

Такого не бывает! — скажут некоторые. Но вспомним хотя бы описание трактора или обращение к «Магнитке»:

Я просто счастлив тем, что помню
как праздник славы и любви,
и очертанья первой домны,
и плавки первые твои.

Кажется, автор здесь намеренно сблизил звучание этого гимна юной советской индустрии со знаменитой блоковской картиной «нищей России»: «Мне избы серые твои, твои мне песни ветровые — как слезы первые любви». Подобная подчеркнутая полемичность, «непреклонная прямота» вообще в духе Ярослава

Смелякова, всегда выступающего с поднятым забралом в защиту своих жизненных и творческих принципов:

Кому — на смех, кому — на зависть,
я утверждать не побоюсь,
что в самом главном повторяюсь
и — бог поможет — повторяюсь.

Как память о всенародном подвиге, о перенесенных испытаниях, о героизме миллионов в годы Великой Отечественной войны, горит у Кремлевской стены Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата.

Но еще за четверть века до того, как был он зажжен, на пожелтевших ныне страничках газет и журналов военных лет загорелся свой, поэтический вечный огонь, восславляющий великий подвиг советского народа.

Где начинался этот великий подвиг советской поэзии?

Даже не в первый день войны, хотя и он уже вызвал к жизни первые искры поэтических удач.

Он зарождался порой в тех студенческих аудиториях, где бурлили молодые и дерзкие поэты, павшие в первые же месяцы войны, ничего не успевшие сложить о ней самой, но уже на учебной скамье, как принято говорить, трубившие тревогу, звавшие своих сверстников взглянуться и вдуматься в ближайшее будущее.

Они были не столько первыми жертвами войны, сколько первыми ее бойцами; сбылось пророчество одного из них — Николая Майорова:

...Пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячий, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

И чем дальше шла война, чем выше поднималась волна народной боли, народной скорби, народного гнева и воли к победе, тем сильнее звучали эти ноты в творчестве поэтов самого разного склада.

И многие из поэтов до того слились с этой драматической порой, что при одном их имени она сразу встает перед глазами.

У солдатской души нет уральской брони,
Ни кольчуги, ни рыцарских лат, ни забрала,—

писал в те годы Алексей Сурков. И сам поэт — не кудесник, способный заговорить война от пули. «Фронтовой бродяга-газетчик», кочующий из блиндажа в блиндаж, из окопа в окоп,

месящий, как и его читатели, грязь в непогоду, — что он, казалось бы, может сделать, чем облегчить тяжкий солдатский труд?

Оказывается, может. Может, если стих его прямо подключен к душе бойца и в нем звучит биение человеческого сердца, если стих этот, как занявшийся огонек, бежит по всей бесконечной линии фронта, если его подхватывают, как песню, что будто сама собой сложилась, вырвалась из солдатской груди, как «Жди меня» Константина Симонова или знаменитая сурковская «Землянка»:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

Настоящая поэзия всегда на диво многозначна. Так все, кажется, просто в этих стихах: виданная-перевиданная в те годы картинка фронтового быта. Но нет, устами поэта говорит сама горестная и гневная поздняя осень, почти зима сорок первого года, сама армия, еще прижатая натиском врага к Москве, но уже накопившая яростную жажду, огонь возмездия, готовая внезапно распрямиться, как тугая пружина, и в первый раз мощно отбросить врага.

И в следующих строках песни слышится уже не просто тоска по далекой женщине, но и некий вызов царящей вокруг смерти и дерзкая удаль:

Пой, гармоника, вьюге назло!

У Суркова тут объявился великий, хотя и безымянный соавтор — это, если воспользоваться словами самого поэта, сказанными по другому случаю, «реальный солдат, которому обстоятельства еще не дали возможности показать себя... на вспаханных бомбами страницах военной истории».

В одном чеховском рассказе говорится, что «от печальной песни потянуло свободной жизнью». Так и от грустно-раздольной «Землянки» веет силой, «негасимой любовью» к женщине, к родной земле, к жизни. Как будто в лютый мороз первой военной зимы слышалось дыхание еще далекой, но неизбежной победной весны.

Автор «Землянки» и многие другие поэты «к героям тех годин в землянки запросто входили, и ели с ними хлеб один, и из одной баклажки пили». А вот Михаил Исаковский по болезни был далеко от фронта и все же был целиком устремлен туда, чутко угадывая, чем там живут и в каком песенном боезапасе нуждаются.

Есть определенная закономерность в том, что грознейшее советское оружие тех лет получило имя Катюши — героини песни Исаковского, бывшей у всех на устах еще с довоенных времен.

Вряд ли кто знает историю возникновения этого прозвища, но думается, что это какой-нибудь разнофамильный Василий

Теркин, с уважительным интересом и радостью глядя на внезапное появление и грозную работу ракетных установок, к месту припомнил строки о том, как Катюша «выходила, песню заводила»...

А Исаковский создавал все новые виды своего поэтического оружия: в строй вступили и быстро сделались вездесущими и знаменитыми «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца...») и «В лесу прифронтовом».

Я не знаю, что драгоценнее в последней песне. Может быть, естественная некрикливая готовность к подвигу («И что положено кому, пусть каждый совершит»). Или горьковатая мужественная шутка, разряжающая суровый драматизм военных будней («А коль придется в землю лечь, так это ж только раз»).

Из осажденного Ленинграда доносились мужественные голоса Анны Ахматовой, Николая Тихонова, создавшего в эту пору поэму «Киров с нами», Веры Инбер, написавшей поэму «Пулковский меридиан», и Ольги Берггольц, чей «Февральский дневник» сделался ее подлинным рождением как поэта со своим сильным, драматическим голосом, полным беспощадной искренности и захватывающей любви к своим родным ленинградцам.

Торопился в бой, «как за огненным валом идущий боец», стих белоруса Аркадия Кулешова. Негасимым пламенем сопротивления врагу даже в плену, в застенках Моабита, горела песня татарского поэта Мусы Джалиля.

Среди множества эпических произведений, созданных на войне и о войне, совершенно исключительное место по своему гражданскому, патриотическому звучанию занимает «Василий Теркин» Александра Твардовского. Казалось, что с каждым номером газеты, где вновь возникал обаятельный образ этого бывалого солдата, в окопы и землянки заглядывал чудесный собеседник, умеющий шуткой поднять упавших духом, внушить веру в победу и разделить печаль о погибших, тоску о родном доме, тревогу о судьбе близких. Лев Толстой писал про «чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине». Так и теркинский героизм на чистом лишен какой-либо претензии на эффект:

Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б! А нет — ну что ж...

И в этой «Книге про бойца», и в завершенной уже после войны поэме «Дом у дороги», и в лирике Твардовский с редкостной силой запечатлел подлинно народный характер Великой Отечественной войны, призвал хранить вечную «гордую» память о миллионах людей, отдавших свою жизнь ради победы.

Этой гордой памятью исполнена и вся послевоенная лирика самого поэта. Незабываемы его «реквиемы» — стихотворения «Я убит подо Ржевом» и «В тот день, когда окончилась война». И даже в час космического триумфа Твардовский спешит напомнить «разведчику мирозданья» о тех «новичках из пополнения», которые бесстрашно поднимались в небо навстречу вражеской армаде грозной осенью сорок первого года:

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

Благодарная память о скромных бугорках солдатских могил, этих горестных вехах на тяжком пути к победе, — вообще примечательная и драгоценная черта советской поэзии. Ею порождены многие замечательные стихотворения: «Его зарыли в шар земной...» Сергея Орлова, «Современная баллада» украинца Андрея Малышко, «Журавли» аварца Расула Гамзатова, «У родника-памятника» армянина Геворга Эмина, «Могила неизвестного солдата» эстонки Деборы Вааранди...

Послевоенное время, особенно со второй половины пятидесятых годов, стало эпохой, когда осуществилось высказанное Маяковским пожелание: «Чтоб больше поэтов — хороших и разных!»

Если мысленно выстроить рядом лучшие появившиеся за этот период книги стихов, то перед нами окажется как бы шкала превосходного радиоприемника, где, чуть сдвинув рычажок, вы уже услышите новый голос, непохожий на только что звучавший в эфире.

Братский союз наций и племен, населяющих нашу страну, привел к своего рода «перекрестному опылению» их культур, взаимно обогащающих друг друга.

В первые годы Советской власти многим малым народам еще приходилось делать первые шаги по новому пути так же осторожно, как альпинист вырубает для себя ступеньки во время труднейшего восхождения. А нынешним поколениям эти ступеньки часто напоминают те зарубки, которыми прежде порой обозначали на дверном косяке рост ребенка.

Известный аварский поэт Расул Гамзатов однажды уподобил свои строки юношам, которые должны исходить сто дорог, не теряя при этом своих горских папах. И действительно, его стихам знакомы «сто дорог» современности с острейшим ощущением всех ее радостей и тревог, и в то же время они остались в «горской папаше» — сохранили свой неповторимый национальный отпечаток.

Чуткость, «открытость» навстречу живейшим впечатлениям действительности, конечно, не просто индивидуальная особенность того или иного автора, но и естественное следствие бурного развития национальных культур в нашей стране.

Происходит удивительное соревнование культур, в котором нет побежденных и все — в выигрыше. Об этой атмосфере творческого содружества прекрасно сказано в стихах грузинского поэта Симона Чиковани:

Нет, одному невесело поется!
Прошу я жизнь, чтоб друга мне дала.
Мне песня в одиночку не дается.
Мне для полета нужно два крыла.
...Дай мне крыло! И от меня потребуй
мое крыло... И — вместе в вышину!

Эта устремленность «вместе в вышину» очень ощутима в поэзии высокого гражданского накала, в обращении к ответственным темам современности.

Я себя
 под Лениным чищу,
чтобы плыть
 в революцию дальше.

Кажется, это не только Маяковский, но и вся наша многонациональная поэзия говорит! Ленинская жизнь, его мысли и дела так многообразны, что почти каждый поэт нашел в них что-то особенно созвучное своему собственному складу души, таланту, поэтическому темпераменту. А подчас обращение к ленинской теме открыло новые, неведомые нам дотоле грани поэтических дарований.

Какие неожиданно приглушенные, глубоко лирические строки родились в «Снежинках» у громкого, митингового оратора Демьяна Бедного! И какое поистине всенародное звучание обрел в стихах о смерти Ленина мягкий, вроде бы камерный голос Веры Инбер!

Своеобразен поворот сюжета в стихах литовца Альгимантаса Балтакиса «Ленин в Вильнюсе» и молдаванина Иосифа Балцана «Ильич и дети». И даже такие поэты, которым сравнительно редко случалось обращаться к теме истории в ее крупномасштабных проявлениях, обретали новое дыхание, обращаясь к образу Ленина («Ходоки» Николая Заболоцкого).

Живое биение ленинского сердца, ленинской мысли, его высокий революционный пафос воскресают в самых разных изображаемых поэтами жизненных ситуациях — в переживаниях крестьянского мальчика при вести о смерти вождя («Памяти Ленина» Александра Твардовского) или в подвиге «молодень-

кого политрука» в дни Великой Отечественной войны («Баллада о ленинизме» Ильи Сельвинского).

Советские поэты никогда не забывали о судьбах своих зарубежных братьев, создавали романтические образы борцов, сражавшихся за свободу и независимость народов («Генерал» Константина Симонова, «В Миссолунгской низине...» Ярослава Смелякова, «Три минуты молчания» Евгения Евтушенко), воспитывали отвращение к национальной розни (вспомним знаменитые стихи Самуила Маршака о мистере Твистере), призывали сохранить славные традиции борьбы с фашизмом («Костер» Сергея Наровчатова, «Кто свинец добывает в поте лица?..» Геворга Эмина и др.).

Поистине «багряный парус» поднят не только над стихами самого автора этих слов, белоруса Петруся Бровки, но и над всей многонациональной советской поэзией, и его отсвет ложится на все, о чем в ней говорится.

Замечательный немецкий поэт-антифашист Иоханнес Бехер как-то заметил, что «писать о мире — это не значит делать исключительно только такие стихи, в которых требуют мира, превозносят мир или в которых клеймят поджигателей войны. Очень хорошо пишут о мире также и тогда, когда пишут обо всем, что делает жизнь стоящей. Поэт, который учит нас любить жизнь, учит нас защищать ее и сохранять мир. Если мы хотим учиться служить делу мира, мы должны одновременно учиться жить и наполнять жизнь новым чудесным содержанием — для всех».

Поэзия так же неисчерпаема, как народная жизнь, ее породившая. Это в особенности чувствуется во времена, богатые крутыми историческими поворотами, гигантскими переменами в жизни общества.

«...Легли пласты — веков огромней — от октября до октября», — сказал поэт Петр Незнамов в первое пятилетие революции. Тем более справедливы эти слова сейчас.

Один из современных русских поэтов — Николай Рыленков писал:

«Что есть гражданственность?» — не надо вопрошать,
А надо ею жить — как воздухом дышать.

Высокая гражданственность — это и впрямь воздух, которым дышит наша поэзия.

А. ТУРКОВ

ГРАЖДАНСКАЯ
ЛИРИКА
СОВЕТСКИХ
ПОЭТОВ

Александр Блок

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...
Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстаёт и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как, бывало,
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!
Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...

И слова доносит:
...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катка с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Каткою летит —
Электрический фонарик

На оглобельках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,

С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Вводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправляюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?

— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!

— Поддержи свою осанку!

— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то выюга,
Ой, выюга́, ой, выюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль....

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

...Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? Выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный.
 — Кто в сугробе — выходи!..
 Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощекочу!
 Старый мир, как пес паршивый,
 Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстает —
 Пес холодный — пес безродный...
 — Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
 — Приглядись-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
 Лучше сдайся мне живьем!
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
 Откликается в домах...
 Только вьюга долгим смехом
 Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
 Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома́ лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою

Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

Владимир Маяковский

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двулика?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава»
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус заливчатский закручен в форсе.

Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское:
— О, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово:
— О, четырежды славься, благословенная!

1918

ЛЕВЫЙ МАРШ

(МАТРОСАМ)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синемлузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть, оскалась короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горáми гóря
солнечный край непочатый.

За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой,—
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

1918

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?

Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраничный
грохотать
набатный
ленинский язык.

Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!

Нет!

не ослабеет ленинская воля
в миллионносильной воле РКП.

Разве жар

такой

термометрами меряется?

Разве пульс

такой

секундами гудит?!

Вечно будет ленинское сердце
клокотать

у революции в груди.

Нет!

нет!

не-е-т...

Не хотим,

не верим в белый бюллетень.

С глаз весенних

сгинь, навязчивая тень!

1923

Б Л Е К Э Н Д У А Й Т

Если

Гавану

окинуть мигом —

рай-страна,

страна что надо.

Под пальмой

на ножке

стоят фламинго,

цветет

колларио

по всей Ведадо.

В Гаване

все

разграничено четко:

у белых доллары,

у черных — нет.

Поэтому
Вилли
 стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитейд».
Много
 за жизнь
 повымел Вилли —
одних пылинок
 целый лес,—
поэтому вóлос у Вилли
 вылез,
поэтому
 живот у Вилли
 влез.
Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
 вор,
 портовóй инспектор,
кинет
 негру
 цент на бегу.
От этой грязи скроешься разве?
Разве что
 стали б
 ходить на голове.
И то
 намели бы
 больше грязи:
волосьев тыщи,
 а ног —
 две.
Рядом
 шла
 нарядная Прадо.
То звякнет,
 то вспыхнет
 трехверстный джаз.
Дурню покажется,
 что и взаправду
бывший рай
 в Гаване как раз.
В мозгу у Вилли
 мало извилин,
мало всходов,
 мало посева.

Одно
единственное
вызубрил Вилли
тверже,
чем камень
памятника Масео:
«Белый
ест
ананас спелый,
черный —
гнилью моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу — черный».
Мало вопросов Вилли сверлили.
Но один был
закорюка из закорюк.
И когда
вопрос этот
влезал в Вилли,
щетка
падала
из Виллиных рук.
И надо же случиться,
чтоб как раз тогда
к королю сигарному
Энри Клей
пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пардон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам,—
она для негра
с черными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,

то сахар
 извольте
 делать сами». Такой вопрос
 не проходит даром. Король
 из белого
 становится желт. Вывернулся
 король
 сообразно с ударом, выбросил обе перчатки
 и ушел. Цвели
 кругом
 чудеса ботаники. Бананы
 сплетали
 сплошной кров. Вытер
 негр
 о белые подштанники руку,
 с носа утершую кровь. Негр
 посопел подбитым носом,
поднял щетку,
 держась за скулу. Откуда знать ему,
 что с таким вопросом надо обращаться
 в Коминтерн,
 в Москву?

5/VII — Гавана. 1925

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ, ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я не даром вздрогнул.
 Не загробный вздор. В порт,
 горящий,
 как расплавленное лето,

разворачивался

и входил

товарищ «Теодор

Нетте».

Это — он.

Я узнаю его.

В блюдечках-очках спасательных кругов.

— Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,

канатов

и крюков.

Подойди сюда!

Тебе не мелко?

От Батума,

чай, котлами покипел...

Помнишь, Нетте,—

в бытность человеком

ты пивал чай

со мною в дип-купе?

Медлил ты.

Захрапывали сони.

Глаз кося

в печати сургуча,

напролет

болтал о Ромке Якобсоне

и смешно потел,

стихи уча.

Засыпал к утру.

Курок

аж палец свел...

Суньтеся —

кому охота!

Думал ли,

что через год всего

встречусь я

с тобою —

с пароходом.

За кормой лунища.

Ну и здóрово!

Залегла,

просторы нáдвое порвав.

Будто нáвек

за собой

из битвы коридоровой

тянешь след героя,
 светёл и кровав.
В коммунизм из книжки
 верят средне.
«Мало ли
 что можно
 в книжке намолоть!»
А такое —
 оживит внезапно «бредни»
и покажет
 коммунизма
 естество и плоть.
Мы живем,
 зажатые
 железной клятвой.
За нее —
 на крест,
 и пулею чешите:
это —
 чтобы в мире
 без Россий,
 без Латвий,
жить единым
 человечьим общежитьем.
В наших жилах —
 кровь, а не водица.
Мы идем
 сквозь револьвёрный лай,
чтобы,
 умирая,
 воплотиться
в пароходы,
 в строчки
 и в другие долгие дела.
Мне бы жить и жить,—
 сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
 других желаний нету —
встретить я хочу
 мой смертный час
так,
 как встретил смерть
 товарищ Нетте.

15 июля, Ялта. 1926

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетинка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.
Должно быть,
 под ним
 проходят тысячи...
Лес флагов...
 рук трава...
Я встал со стула,
 радостью высвечен,
хочется —
 идти,
 приветствовать,
 рапортовать!
«Товарищ Ленин,
 я вам докладываю
не по службе,
 а по душе.
Товарищ Ленин,
 работа адская
будет
 сделана
 и делается уже.
Освещаем,
 одеваем нищ и оголь,

ширится
 добыча
 угля и руды...
А рядом с этим,
 конечно,
 много,
много
 разной
 дряни и ерунды.
Устаешь
 отбиваться и отгрызаться.
Многие
 без вас
 отбились от рук.
Очень
 много
 разных мерзавцев
ходят
 по нашей земле
 и вокруг.
Нету им
 ни числа,
 ни клички,
целая
 лента типов
 тянется.
Кулаки и волокитчики,
подхалимы,
 сектанты
 и пьяницы,—
ходят,
 гордо
 выпятив груди,
в ручках сплошь
 и в значках нагрудных...
Мы их
 всех,
 конечно, скрутим,
но всех
 скрутить
 ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
 по фабрикам дымным,
по землям,
 покрытым
 и снегом
 и жнивьям,

вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!»

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

1929

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.

Это
 господин чиновник
 берет
мою
 краснокожую паспортину.
Берет —
 как бомбу,
 берет —
 как ежа,
как бритву
 обоюдоострую,
берет,
 как гремучую
 в 20 жал
змею
 двухметроворостую.
Моргнул
 многозначаще
 глаз носильщика,
хоть вещи
 снесет задаром вам.
Жандарм
 вопросительно
 смотрит на сыщика,
сыщик
 на жандарма.
С каким наслажденьем
 жандармской кастой
я был бы
 исхлестан и распят
за то,
 что в руках у меня
 молоткастый,
серпастый
 советский паспорт.
Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.
К мандатам
 почтения нету.
К любым
 чертям с матерями
 катись
любая бумажка.
 Но эту...

Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

1929

ВО ВЕСЬ ГОЛОС (ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ)

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств

поэзии —

бабы капризной.

Засадил садик мило

дочка,

дача,

воду

и гладь.

«Сама садик я садила,

сама буду поливать».

Кто стихами льет из лейки,

кто кропит,

набравши в рот,—

кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки —

кто их, к черту, разберет!

Нет на прорву карантина —

мандолинят из-под стен:

«Тара-тина, тара-тина,

т-эн-н...»

Неважная честь,

чтоб из этаких роз

мой изваяния высились

по скверам,

где харкает туберкулез,

где б.... с хулиганом

да сифилис.

И мне

агитпроп

в зубах навяз,

и мне бы

строчить

романсы на вас,—

доходней оно

и прелестней.

Но я

себя

смирял,

становясь

на горло

собственной песне.

Слушайте,

товарищи потомки,

агитатора,

горлана-главаря!

Заглуша

поэзии потоки,

я шагну
 через лирические томики,
как живой
 с живыми говоря.
Я к вам приду
 в коммунистическое далекó
не так,
 как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
 через хребты веков
и через головы
 поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так,—
не как стрела
 в амурно-лировой охоте,
не как доходит
 к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
 трудом
 громаду лет прорвет
и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
как в наши дни
 вошел водопровод,
сработанный
 еще рабами Рима.
В курганах книг,
 похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
 с уважением
 ощупывайте их,
как старое,
 но грозное оружие.
Я
 ухо
 словом
 не привык ласкать;
ушку девическому
 в завиточках-волосках
с полупохабщины
 не разалеться, тронуту.

но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поправки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,

ПОЭТ

ВЫЛИЗЫВАЛ

ЧАХОТКИНЫ ПЛЕВКИ

ШЕРШАВЫМ ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА.

С ХВОСТОМ ГОДОВ

Я СТАНОВЛЮСЬ ПОДОБИЕМ

ЧУДОВИЩ

ИСКОПАЕМО-ХВОСТАТЫХ.

ТОВАРИЩ ЖИЗНЬ,

ДАВАЙ

БЫСТРЕЙ ПРОТОПАЕМ,

ПРОТОПАЕМ

ПО ПЯТИЛЕТКЕ

ДНЕЙ ОСТАТОК.

МНЕ

И РУБЛЯ

НЕ НАКОПИЛИ СТРОЧКИ,

КРАСНОДЕРЕВЩИКИ

НЕ СЛАЛИ МЕБЕЛЬ НА́ ДОМ.

И, КРОМЕ

СВЕЖЕВЫМЫТОЙ СОРОЧКИ,

СКАЖУ ПО СОВЕСТИ,

МНЕ НИЧЕГО НЕ НАДО.

ЯВИВШИСЬ

В ЦЕ КА КА

ИДУЩИХ

СВЕТЛЫХ ЛЕТ,

НАД БАНДОЙ

ПОЭТИЧЕСКИХ

РВАЧЕЙ И ВЫЖИГ

Я ПОДЫМУ,

КАК БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПАРТБИЛЕТ,

ВСЕ СТО ТОМОВ

МОИХ

ПАРТИЙНЫХ КНИЖЕК.

1929—1930

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в
пятилетку 1 000 000 вагонов строитель-
ных материалов. Здесь будет гигант
металлургии, угольный гигант и город
в сотни тысяч людей.

Из разговора

По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат.
Под старою
 телегою
рабочие лежат.
И слышит
 шепот гордый
вода
 и под
 и над:
«Через четыре
 года
здесь
 будет
 город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик,
 толст, как жгут;
сидят
 в грязи
 рабочие,
сидят,
 лучину жгут.
Сливеют
 губы
 с холода,
но губы
 шепчут в лад:
«Через четыре
 года
здесь
 будет
 город-сад!»

Свела
 проmozглость
 корчею —
неважный
 мокр
 уют,
сидят
 впотьмах
 рабочие,
подмокший
 хлеб
 жуют.
Но шепот
 громче голода —
он кроет
 капель
 спад:
«Через четыре
 года
здесь
 будет
 город-сад!
Здесь
 взрывы закудахтают
в разгон
 медвежьих банд,
и взроет
 недра
 шахтою
стоугольный
 «Гигант».
Здесь
 встанут стройки стенами.
Гудками,
 пар,
 сипи́.
Мы
 в сотню солнц
 мартенами
воспламенем
 Сибирь.
Здесь дом
 дадут
 хороший нам
и ситный
 без пайка,

аж за Байкал
 отброшенная
попятится тайга».
Рос шепоток
 рабочего
над темью
 тучных стад,
а дальше
 неразборчиво,
лишь слышно —
 «город-сад».
Я знаю —
 город
 будет,
я знаю —
 саду
 цвести,
когда
 такие люди
в стране
 в советской
 есть!

1929

Демьян Бедный

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

1917

ТРУД

Связь потеряв с обычной обстановкой,
Отдавшись весь работе фронтовой,
Ищу я слов, рифмующих с «винтовкой»,
Звучащих в лад с командой боевой.
Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оно горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упование в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

3 октября 1920

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

ПОЭМА

1917—7/XI-1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,—
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут?
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..

— Слышите?..
— Вот они!.. Видите?.. Вот они, тут!
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье,—
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье,—
Это — мое!..

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ошетились штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилась воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прыснули злобные, пьяные шайки
Из полицейских жандармских засад.

— Рысью... в атаку!

— Бери их в нагайки!

— Бей их прикладом!

— Гони их назад!

— Шашкою, шашкой, который с флагами.

Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!!

— В мире подобного нет безобразия!

— Темная масса!..

— Татарщина!..

— Азия!..

— Хамы!..

— Мерзавцы!..

— Скоты!..

— Подлецы!..

— Вышла на Главную, рожа суконная!

— Всыпала им жандармерия конная!

— Славно работали тоже донцы!

— Видели лозунги?

— Да, ядовитые!

— Чернь отступала, заметьте, грозя.

— Правда ль, что есть среди рабочих убитые?

— Жертвы... без жертв, моя прелесть, нельзя!..

— Впрок ли пойдут им уроки печальные?

— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные,

Всюду кровавые смывы следы.

Улица злого полна ликования,

Залита светом вечерних огней.

Чистая публика всякого звания

Шаркает, чавкает снова на ней,

Чавкает с пошло-тупою беспечностью,

Меряя срок своих чавканий вечностью,

Веруя твердо, что с рабской судьбой

Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,

Что не вернется разбитый, отброшенный,

Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...

Снова.

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— Ha!..

— На!..
— Раз-два,
Сильно!..
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
Грянул семнадцатый год!

— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»?
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?
К чорту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!..
— Е-ще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!
.
Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

ЭПИЛОГ

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщением уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Гролом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний всемирный редут!..

1922

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень,

И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно — суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок.
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(22 апреля 1870 года)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске,—
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала по плацу.

К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный!»

.
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... **Л е н и н** р о д и л с я !

22 апреля 1927

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирали ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, нелегка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир stravляющим смертельною отравой!»

1941

Джамбул Джабаев

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра.

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандалный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил,

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел турок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна
Катилась еврейских погромов волна.

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымилась горячая братская кровь.

Восстали миллионы забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душевной тюрьмы.

Два сказочных двадцатилетья прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус,

Таджик, и татарин, туркмен и якут,
Дружа, не враждуя, как братья живут.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток:
Там — синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу великую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под солнцем Советов навек, навсегда!

Бедны и бессильны слова у певцов,
Пред ними одиннадцать стран-близнецов.

На черную злобу и зависть врага —
Священная дружба народов крепка,

Как клятва над ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка,

Как наши Кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка,

Как сила прибоя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды!

И помните ленинские тома —
Там мудрость сама и правда сама!

Сулейман Стальский

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Служить лишь истине, поэт,
И честь беречь необходимо.
Того, кто молод и кто сед,
Стихом увлечь необходимо.

Пусть будет мысль в стихах твоих.
Весомым быть обязан стих.
Он твой векиль. От слов пустых
Предостеречь необходимо.

Осмыслен, незамысловат,
Стих должен быть предельно сжат.
Пусть все слова в стихе блещут.
Так — не перечь! — необходимо!

Жизнь стихотворцы знать должны.
Не всякие слова нужны:
Вот эти для строки важны,
А те отсечь необходимо.

Писать стихи — не легкий труд,
Нас одержимыми зовут.
Словам, чтоб каждый стих был крут,
На место лечь необходимо.

Учись, чтоб в зрелые года
Былое вспомнить без стыда.
Вести о знаниях всегда
Такую речь необходимо.

Я, Сулейман, шаир прямой,—
Мои стихи перед тобой.
Поэт — как факел путевой,—
Его зажечь необходимо.

1935

Валерий Брюсов

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ ИНВЕКТИВА

Еще недавно всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица;
Уэллс, Джек Лондон, Леру́ и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа, —
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность».
И в новых ликах живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упиться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль — март 1919

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел далекий,
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

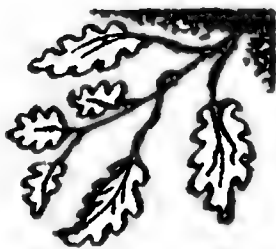
Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновение
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

ГОД ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

На заре сюда вошли солдаты
В серых шлемах, каждый со звездой...
И боец, усталый, бородатый,
Напоить просил его водой.

По двору, из дальнего похода,
Сапоги тяжелые пылят...
Пил солдат из медной кружки воду,
Черствым хлебом закусил солдат.

И сказал:

— Весна, а будто лето.

Значит, солнце щедрое у вас...
Городок, видать по всем приметам,
Для хорошей жизни в самый раз.

Прошагали годы чередую...
Жив ли он, мой добрый друг и брат,
В островерхом шлеме со звездой,
Славный революции солдат?

Кто он был — мудрец или кудесник,
Тот, что слов десяток произнес?
Те слова запомнились, как в песне,
И, как в сказке, каждое сбылось!

Он поднялся, город мой. И быстро
В рост пошел — душа его жива!..
Точными словами коммуниста
Были те солдатские слова.

Вот и помню:

шел солдат когда-то,

Напоить просил его водой.
Пил из кружки. Был простым солдатом
В островерхом шлеме со звездой.

1952

Аветик Исаакян

* * *

Когда ты тесней
Приникнешь ко мне —
Я снова в моей
Родной стороне.

Твой смех молодой
Так чист и летуч,
Как там, под скалой,
Чуть плещущий ключ.

Твой шепот нежней,
Чем легкий листок,
Чем наших полей
Ночной ветерок.

Волос ты моих
Коснешься шутя —
И в грезах живых
Я снова дитя.

Женева, 1919

* * *

Пускай от родины вдали
Мне умереть дано,
В объятья матери-земли
Вернусь я все равно.

Уснуть бы в тихом поле мне,
Под яблоней весной —
Пусть белым цветом в тишине
Качнется надо мной.

Пусть летом девушки придут —
Их песни так сладки, —
Румяных яблок наберут
В подолы и в платки.

Дни осени, печальны вы,
Как сны любви моей.
Пусть ворох вянущей листвы
Осыплется с ветвей.

Потом молчаливица-зима,
Свершая свой полет,
Слезам снежными сама
Могилу занесет.

Женева, 1919

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Под родимый кров пришел я опять,
С голубых небес не свожу я глаз,
Вижу звезды я, точно в первый раз,
Полон мир чудес для меня опять.

Закадычный друг, ветрогон-река,
Блеска, плеска брызг и надежд полна,
Детский облик мой понесла волна,
Лучезарен он, как двойник цветка.

Синий вечер тих, наступил покой,
Голос пробует соловей в кустах,
Мой отец устал, день провел в трудах,
По тропе крутой он бредет домой.

Продолжать игру мне охоты нет,
И сынишку мать окликает вновь,
На лице ее светится любовь,—
Точно солнце, мать излучает свет.

Разведен огонь в очаге родном,
И, как ладан, вновь заструился дым,
Слышу я слова, не внимая им,
Забываюсь сном в уголке моем.

Одного хочу — видеть этот дым,
Беспросветен мир, он и пуст и гол,—
Я иных богатств в мире не нашел,
Мне всего милей синеватый дым!

Я хочу вдыхать сладкий дым опять,
Обнимать родных и глядеть на мир,
Позабыв, что я одинок и сир,
От него чудес, словно в детстве, ждать.

Ереван, 1926

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ (9 мая 1945 г.)

Меч в ножны вложили достойно мы,
Великой Победы день наконец.
Разбили всю вражью мы силу тьмы,
Песни звучат, как веселье сердец.

Радость, как трепет парящих крыл,
Шумит, сливаясь в потоке одном.
Хозяин на улице стол накрыл,
Стаканы налил золотым вином.

Прохожих зовет и просит к столу:
— Братья, прошу я, Победы вином
Сыну-герою воздайте хвалу,
Пейте за здоровье ваших сынов!

Пьют, и на лицах веселье горит,
Звонко стакан лишь стучит о другой,
Тихо один тут отец говорит:
— Пью за сыновней души упокой!

Строго смолкают на слово отца,
Шапки снимают пред тостом таким,
Молча за мертвого пьют храбреца,
Хлеб омывая вином золотым.

1945

Янка Купала

ЗА ВСЕ...

За все: и хлеб, и воду,
и кров над головой,—
обязан я народу,
его душе живой.

И я платил народу
тем, что в годину бед
я призывал свободу,
сквозь тьму провидел свет.

И для отчизны бедной,
чтоб ей прибавить сил,
слагал я гимн победный
среди вековых могил.

Боролся я с напастью
за счастье для людей,
за стих платил в ненастье
я кровушкой своей.

И этим внес я долю
в мир счастья и добра...
Чего же можно боле
желать от песняра?!

1926

ЭХО

Коса ли звенит на покосе стальная,
Иль девушка песню поет,
Проносится ль ветер от края до края,
Иль буря ночами ревет,

То ль гром в небесах перебранку заводит,
Потоки ли катятся с гор,—
Все отклик в широких просторах находит,
Всему отвечает простор.

И ты, коль про горе людское узнаешь,
Скорей отзовись, отвечай!
И ты, если кривду людскую встречаешь,
Быстрее свой голос подай!

А радость увидишь — надежды взовьются,
И птицей они полетят,
Пускай твои струны тогда засмеются
И песнею счастья звучат!

1921

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катились, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговли.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устрицы.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои друзья!

Февраль 1922

Василий Князев

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный невластен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга.
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг, и от плуга.

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары, вперед!
Не страшны нам лихие буруны.

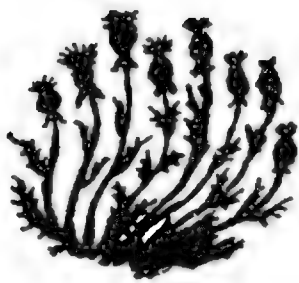
Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,

Всяк солдат рядовой,
Сын семьи трудовой,
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный невластен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

1918

В. Маяковский. «Ода революции»

НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный,—
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копье,

Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы!

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережем просторный дом,
Где место есть под небосводом
Для всех, кто кормится трудом.

Не будет недругом раскол
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

Анна Ахматова

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух.

1917

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942

С САМОЛЕТА

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.

Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

2

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

3

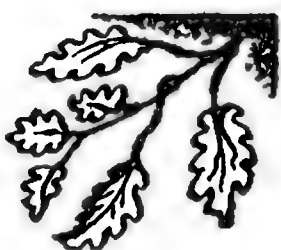
И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома — ужели дома!
Как все ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

Май 1944

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку, и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

Хамза Хаким-заде Ниязи

ЭЙ, ЭЙ, СТРЕЛЯЕМ!

(ПЕСНЯ)

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Подымайтесь, ряды рабочих,
Чтобы вам не проспать века!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Почему богачи покупают
По дешевке труд бедняка?

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
Пусть рабочим будет дорога
К просвещению широка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Тех, кто против нас выступает,
Расстреляем наверняка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
И для нас наступает время
Убедиться, как жизнь сладка.

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
Чтобы враг был навек опрокинут —
За оружие, рабочих рука!

1918

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара — не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем, —
так растопчем всякую
гадину конем.

1923

2

86

Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу —
сердце мое
влюблено!»

3

Розовые губы,
витой чубук.
Синие гусары —
пытай судьбу!
Вот они,
не сгинув,
не умирав,
снова собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
ну-ка — вспеньте-ка
полный бокал!
Нальем и осушим
и станем трезвей:
«За Южное братство,
за юных друзей!»

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы «Цыган»...
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа.
Гони коней!
Утро вечера —
мудреней.

Что ж это,
 что ж это,
 что ж это за песнь?!

Голову
 на руки белые
 свесь.

Тихие гитары,
 стыньте, дрожа:
 синие гусары
 под снегом лежат!

Декабрь 1925

МЫ ЖИВЕМ...

Мы живем
 еще очень рано,
 на самой
 полоске зари,
 что горит нам
 из-за бурьяна,
 нашу жизнь
 и даль
 озарив.

Мы живем
 еще очень плохо,
 еще
 волчьи
 зло и хитро,
 до последнего
 щерясь
 вздоха
 под ударами
 всех ветров.

Но не скроют
 и не потушат,
 утопив
 в клевете и лжи,
 расползающиеся
 тучи
 наше солнце,
 движение,
 жизнь.

Еще звезды
 во сне мигают
на зеленом небе
 морском.
Не собьют нас,
 не запугают
темной тенью,
 волчьим броском.
Те хребты
 и оскалы
 плоски,
порожденные
 полусном.
Мы ж
 на самой зари полоске
свежей жизнью
 лоб сполоснем.
Из-за тучи,
 из-за тумана,
на сквозном
 слепящем ветру,
мы живем
 еще очень рано,
на свету,
 в росе,
 поутру!

1928

ЕЩЕ ЗА ДЕНЬГИ ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ

Еще за деньги
 люди держатся,
как за кресты
 держались люди
во времена
 глухого Керженца,
но вечно
 этого не будет.
Еще за властью
 люди тянутся,
не зная меры
 и цены ей,
но долго
 это не останется —

настанут
 времена иные.
Еще гоняются
 за славою,—
охотников до ней
 несметно,—
стараясь
 хоть бы тенью слабою
остаться на земле
 посмертно.
Мне кажется,
 что власть и почести —
вода соленая
 морская:
чем дольше пить,
 тем больше хочется,
а жажда
 всё не отпускает.
И личное твоё
 бессмертие
не в том,
 что кто́ ты,
 как ты,
 где ты,
а — всех земных племен
 соцветие,
созвездие
 людей планеты!
С тех пор,
 как шар земной наш кружится,
сквозь вечность
 продолжая мчаться,
великое
 людей содружество
впервые
 стало намечаться.
Чтоб все —
 и белые,
 и черные,
и желтые
 земного братства —
вошли в широкие,
 просторные
края
 всеобщего богатства.

Николай Полетаев

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

Борис Пастернак

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обитатели севера строгого,
Накрытые небом, как крышей,
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши».

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы на середке открыты.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Октябрь 1943

ВЕСНА

Всё нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

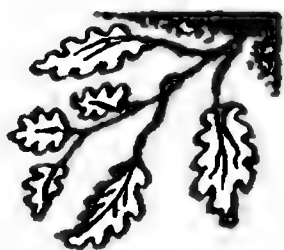
Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

1944

Вера Инбер

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицы нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

1924

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.

Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый —
Похоже, партизан,
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей выштовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек,
Грудной ребенок — в байке
Откинут уголок —
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого, —
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновление мира,
За будущность твою.

Ленинград
Ноябрь 1941

Павло Тычина

НА ПЛОЩАДИ

Как на площади у церкви
революция идет.

— Пусть чабан,— все закричали,—
нас на пана поведет!

— Ну, прощайте, ждите воли,—
гей по коням!..— И кругом
закипело, зашумело —
только флаги за селом...

Как на площади у церкви
голос грустных матерей:

— Так сияй же, ясный месяц,
над путями сыновей.

Как на площади все тихо,—
сна не превозмочь...

Вечер.

Ночь.

1918

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых
болот родимых, мелких бродов;
сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной!
Оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали
и радуется, молодея,
что встала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил за здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова,
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

Его коснешься ты — все мягче,
все легче он тебе сдается,
хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая все гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется!

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
победы пролетариата.

22 июля 1936

В СЕРДЦЕ МОЕМ

За то, что я не воспевал калину,
не ввел в стихи цветение весны,
меня винить вы лишь наполовину,
мои друзья и критики, должны.

Что соловья забыл воспеть я в песне,
читатели мои меня простят.
Призыв души не благодатной вестью —
он гневом был... А думы вдаль летят

степным раздольем, над лазурью моря,—
я вижу мир в тревоге и во мгле:
еще немало крови, мук и горя
на голубой, приветливой земле!

Тревожно солнце каждый день над нами
встает, из-под руки на нас глядит,
и дети умирают во Вьетнаме,
смерть в Хиросиме юношам грозит.

В густых лесах, на черных скалах где-то,
в ущельях гор я вижу дым и кровь,
и каждый выстрел на планете этой
в мое стреляет сердце вновь и вновь.

И если я фиалку не прославил,
вы согласитесь, критики, со мной:
не зря я право за собой оставил,
чтоб ею любоваться мне весной.

Я к ней любовь не назову потухшей...
Что делать сердцу, вы скажите мне,
когда я вижу с голода опухших
в далекой той заморской стороне?

И может ли мой стих звучать лирично,
когда страданье вижу, грязь да боль?
...Мне скажет критик: малоэстетично,
пригладить здесь и там, поэт, изволь...

Я рад послушать критиков, к тому же
совсем не тех, кто с жизнью не знаком.
Зачем же утюгом стихи утюжить,
когда нет смысла в методе таком?

Пусть льется песня, душу окрыляя,
пускай в ней правда чистая встает,—
ведь всюду на земле слеза любая
горька — и в сердце падает мое.

За то, что я не воспевал калину,
не ввел в стихи цветение весны,
меня винить вы лишь наполовину,
мои друзья и критики, должны.

Петь о калине не имел я права,
когда темно на свете, как в ночи,
когда поэтов за решеткой ржавой
фашистские тиранят палачи.

Не для себя — для вас живу я, люди,
души своей на части не деля.
Земля кипит, как сердце в спешке буден,
и сердце стонет, словно мать-земля!

1967

Илья Эренбург

* * *

В кастильском нищенском селенье,
Где только камень и война,
Была та ночь до одуренья
Криклива и раскалена.
Артиллерийской подготовки
Гроза гремела вдалеке.
Глаза хватались за винтовки,
И пулемет стучал в виске.
А в церкви — экая морока! —
Показывали нам кино.
Среди святителей барокко
Дрожало яркое пятно.
Как камень, сумрачны и стойки,
Молчали смутные бойцы.
Вдруг я услышал: русской тройки
Звенели лихо бубенцы,
И, памятью меня измаяв,
Расталкивая всех святых,
На стенке бушевал Чапаев,
Сзывал живых и неживых.
Как много силы у потери!
Как в годы переходит день!
И мечется по рыжей сьерре
Чапаева большая тень.
Земля моя, земли ты шире,
Страна, ты вышла из страны,
Ты стала воздухом, и в мире
Им дышат мужества сыны.
Но для меня ты с колыбели —
Моя земля, родимый край,
И знаю я, как пахнут ели,
С которыми дружил Чапай.

1938 или 1939

Александр Поморский

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но, если надо, выставим щетиной
Бывалые упрямые штыки.

Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет
Страна труда:
— Прицелом точным —
Врагу в упор!
Дальневосточная,
Даешь отпор!

Полки придут и с севера и с юга,
С донецких шахт, из забайкальских сел,
Свою винтовку — верную подругу —
Опять возьмет ударный комсомол:

Дальневосточная —
Опора прочная.
Союз растет, непобедим.
Что нашей кровью завоевано,
Врагу не отдадим!

Нам не забыть стальной и грозной силы,
Когда дышала гибелью земля,
Когда луганский слесарь Ворошилов
Водил полки по скошенным полям.

Дальневосточная —
Опора прочная,
Встречает яростью войну,
Она хранит рукой железною
Свою рабочую страну.

Нам не забыть победы и уроны,
Степной огонь — свинцовую пургу.
Нам не забыть твоих побед, Буденный,
Лихой удар по злобному врагу.

Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет
Страна труда:
— Гей, эскадроны,
В карьер! В упор!
Даешь, Буденный,
Даешь отпор!..

У Безымянной сопки нелюдимою
Ползут шакалы с дальних берегов.
Народ страны, страны непобедимой,
С лица земли сотрет своих врагов.

Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет
Страна труда:
— Прицелом точным —
Врагу в упор!
Дальневосточная,
Даешь отпор!
Краснознаменная,
Смелее в бой!..

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но, если надо, выставим щетиной
Бывалые упрямые штыки.

Готова армия!
В часы ударные
Устав ее всегда один:
Что нашей кровью завоевано,
Врагу не отдадим!

1929—1939

Марина Цветаева

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы! Звук —
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.

И впрямь челюстями —
На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то
Что — черт его — Нобиле!)
Родили — дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
«На льдов произвол
Ни пса не оставили!»

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),

И псов и дитя
Умчали по воздуху.

«Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На грóмы виктории —
Второй уже Шмидт.
В российской истории:

Седыми бровями
Стесненная ласковость...
Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здоровствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские!

3 октября 1934

ИЗ ЦИКЛА «МАРТ»

* * *

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

Галактион Табидзе

НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО, КАК СИРОТУ...

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

Одни проваливались без следа,
Другие, оступаясь, шли куда-то...
Ты сам об этом написал тогда.
Ставь день и час! Где подпись — там и дата!

Твой стих не мост между добром и злом,
Он — цвет знамен и ран на поле боя.
Как в скалы врублен времени излом —
Так врублен в стих ты сам с твоей судьбою.

В твоей эпохе все, что есть, — твое,
Твой герб, твой серп, твой молот, твое знамя,
Твоя решимость доконать старье,
Спалить его индустрии огнями!

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

1931

* * *

...Однажды ночью мы сквозь снег
Шагали — грудь дышала вольно,
И вдруг пред нами, как во сне,
Виденьем небывалым — Смольный.

Бессмертный Смольный той поры —
И грозный меч, и молот ярый,
Сплотилась с ним в один порыв
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, страж времен,
В пылу уверенной работы,
Могучей думой озарен,
Казался символом заботы.

И, встретив пулеметный ствол,
Зиявший дулом из расщелин,
На окрик: — Кто вам нужен? Стой! —
Не дрогнув, я ответил: — Ленин!

1932

СО ВСЕХ УГОЛКОВ НЕОБОЗРИМОЙ СТРАНЫ

Мелькают весны, лета, зимы,
Земли быстрее поворот,
Быстрее года, и вместе с ними
Быстрее мы движемся вперед.

Застыть на месте? Мимо, мимо!
Дано нам брать, искать, расти!
Для нас и мысль недопустима
В ряду с несмелыми идти.

Из каждой сакли, хаты, дома,
С полей, из чащ, лугов и рощ
Невиданного перелома
Идет невиданная мощь.
Камней сверканье драгоценных
Не так нам поражает глаз,
Как искры слов тех несомненных,
Что Ленин высказал о нас.

1957

Вера Звягинцева

* * *

Я пишу, как дышу.
По-другому писать не умею.
Поделиться спешу
То восторгом, то болью своею.

Я навряд ли права,
Исповедуясь так перед всеми.
Не нужней ли слова
О делах, обгоняющих время?

Что я все о своем?
Я живу в этом мире огромном
Не одна, не вдвоем,
В уголке не скрываюсь укромном.

Не такая пора,
Чтобы жить лишь своею душою,
Нужно кончик пера
Окунуть в море жизни большое.

Ну а все же, друзья,
Может быть, этот грех мне простится:
Ведь, по правде, и я
Тоже этого века частица.

Я, конечно, грешу,—
Что судьба одного человека!
Я пишу, как дышу.
...Но дышу-то я воздухом века.

1959

* * *

К первым годам революции
Память уносит меня,
Словно хотела б вернуться я
В утро далекого дня.

Дань революции малую
Вся моя жизнь принесла,
Все-таки счастье узнала я
В том, что с ней сердцем была.

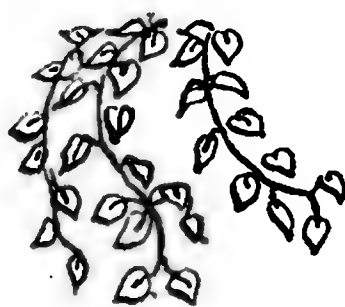
Ведь и в моем поколении
(Незачем это скрывать)
Жили усмешкой глумления
Юные, старцам под стать.

Тот же, кто в пору суровую,
В трудностях и нищете,
Верил в пришедшее новое,—
К подлинной шел красоте.

Песни революционные,
Слышу я в сердце ваш ритм,
Юность моя отдаленная
В каждом их звуке горит.

К первым годам революции,
Словно бы к первой любви,
Не перестану тянуться я,
Как эту страсть ни зови!

1966

Янис Судрабкалн

РУССКОМУ НАРОДУ

Насколько вдаль проникнуть может взгляд,—
В веках растет могучий дуб славянства,
И золотые желуди горят
Среди ветвей зеленого убранства.

Там сказочные птицы распевают,
Внизу журчит живой воды родник.
Полнеба дуб ветвями обнимает,
Корнями в землю глубоко проник.

О русская душа! Твой дивный свет
К добру и правде призывает вечно.
Высокой страстью нас влечет поэт,
Пастух пленяет чистотой сердечной.

Людьми с отзывчивым, но твердым сердцем,
О русский край, ты был всегда богат.
Каким бы ты невзгодам ни подвергся,
Вновь после бури расцветал твой сад.

Не раз на угнетателей свой меч
Ты поднимал, страданьем закаленный.
Восстал народ и бремя сбросил с плеч,
Стон рабства смолк в стране освобожденной.

О чем тысячелетьями мечтали,
То выросло из желудей твоих,
И мы идем в сияющие дали —
Великий Ленин ясно видел их.

Фашистский волк лютует на земле,
Ему навстречу кинулся ты смело.
Визжит чудовище, когда во мгле
Твои сверкают огненные стрелы.

Настанет срок — рассеется затмение,
Мир обновится с головы до пят.
И память рабства порастет презреньем,
Сойдут мозоли на руках солдат.

Бесценная на землю кровь течет,
Но светел ты лицом на поле боя.
Когда зарей алеет небосвод,
Кружатся жаворонки над тобою.

В одеждах ярких, что носили деды,
Вокруг тебя семья племен стоит.
В твоём привольном доме в День Победы
Для всех народов будет стол накрыт.

В искусстве русском, в русской речи есть
И мощь и тонкость, мысль и страсти пламя,
Там издавна звучит свободы весть,
И Пушкин предсказал ее стихами.

Народ России, в грозную годину,
Как пчелы в улей, все к тебе летят.
Друзья свободы вокруг тебя едины,
С тобой они дракона победят.

В тот день, склонясь над павшими в борьбе,
Зашелестят ветвей зеленых своды.
И вечно будет русский дуб к себе
Звать всех, кто жаждет мира и свободы.

Уржум, 1941, лето

Сергей Есенин

КАНТАТА

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

1918

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

С любовью —
прекрасному художнику Г. Якулову

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занести.

Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.
Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

.
.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич

Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленный
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

.

Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть — как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

.

Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокошет
Песнь.
26 их было,
26.

1924

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.

Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил.
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

Эдуард Багрицкий

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столкнуться!
Вы — другой народ!..
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне...

— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...

На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы,—
Я — военспецом,
Военкомом — вы...
Справа — курган,
Да слева — курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак.
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет;
Кружит паучок
По загару щек;
Сабля да книга,—
Чего еще?

(Только ворон выслан
Сторожить в полях...

За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)
Военком Дементьев,
Саблю наголо!
Проклюют навывлет,
Поддадут коленом,
Голову намылят
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:
Натянули — раз!
...Добротными саблями
Побреют нас...
Покачусь, порубан,
Растянусь в траве,
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождались гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore» он
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!)
— Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена —
За выслугой лет;
Сабля — не гребенка,
Война — не спорт;
Довольно фантазировать,
Закончим спор,—
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне!..
— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно:

Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась;
И книги лежат...
 На пустошах, где солнце
 Зарыто в пух ворон,
 Туман, костер, бессонница
 Морочат эскадрон.
 Мечется во мраке
 По степным горбам:
 «Ехали казаки,
 Чубы по губам...»
А над нами ветры
Ночью говорят:
— Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат! —
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах,
Буквы муравьями
Тлеют на листах...
 (Над вороньим кругом —
 Звездяный лед,
 По степным яругам
 Ночь идет...)
Нехристь или выкрест
Над сухой травой, —
Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...
(Кочуют вороны,
Кружат кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы.)
 Чалый иль соловый
 Конь храпит.
 Вьется слово
 Кругом копыт.

Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чем мы думали,
Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком —
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

1927

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозою освеженный,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухоборотный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашенная дверь.
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек.

Говорить не можешь —
Губы горячи.
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженных волос.

Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?
Воздух воспаленный.
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?
Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

— Валенька, Валюша!
Тягостно в избе!
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты;
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.

На щеке помятой
Длинная слеза...
А в больничных окнах
Двигается гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.

Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Двигается отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сиянье
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голов.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетунь,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу склоненная
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать,
Духотой спаленных
Губ не освежить —
Валентине больше
Не придется жить.

— Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро?

Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла,—
Чтоб было приданое
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.

Пусть звучат постылые,
Скудные слова —
Не погибла молодость —
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь: на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Восклищает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается,
Призрачно легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.
И, припав к постели,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Апрель — август 1932

Максим Рыльский

С Л О В О О М А Т Е Р И - Р О Д И Н Е

Благословен тот день и час,
Когда раскинулась коврами
Земля, которую Тарас
Босыми исходил ногами,
Земля, которую Тарас
Горючими омыл слезами.

Благословенна в болях ран
Ширь беспредельная, степная,
Та, что плывет, как океан,
Херсона стены окаймляя,
Свой молодой девичий стан
К Днепру могучему склоняя.

Благословенна будь в веках,
Как солнце в глуби небосвода,
Как птичий голос в облаках,
Ты, песня,— скорбь и смех народа,
Отвагу будишь ты в сердцах,
Когда нависла непогода.

Благословенны вы, следы,
Не смытые волной тревожной,
Мечтателя Сковороды,
Бредущего с сумой дорожной
На поиски живой воды
Своей дорогой непреложной.

Благословен мечей стальных
Огонь — отчизны честь и слава,—
И топот конников лихих,
И моря пенная держава,
И «Энеиды» колкий стих,
И тихие сады Полтавы;

Как гром, звучащие в века
Шевченка строки огневые,
И молот мудрого Франка,
И струны Лысенка живые,

И лавр бессмертного венка
Над Заньковецкой, над Марией!

И труд и пот благословен,
И все плоды земного сада,
И кленов придорожных плен,
И строгий огонек лампы,
И вдоль седых Кремлевских стен
Знамен багряная ограда.

Народов сердце здесь, в Кремле,
Народов мысль, народов воля,—
И все, что жило на земле,
Что зрело на советском поле,
Не подчинится вражьей мгле,
Не покорится злой доле!

Благословенна синь озер,
И Псел, и терпкий дух полынный.
Народа нашего не стер
И не сотрет наскок звериный,—
Благословенна меж сестер
Та, что зовется Украиной.

И вы, братья и друзья!
Нас всех, под знаменем свободы,
В тот край ведет одна стезя,
Где ясны зори, тихи воды.
Благословен, врагов разя,
Ты, воин русского народа!

Кто глубину днепровских вод
Расплещет хитростью лукавой,
Кто клады, что сберег народ,
Расхитит силою неправой,
Кто сердца самый чистый плод
Отравит черною отравой?

Настанет день, настанет час,
И разольется вновь медами
Земля, которую Тарас
Своими освятил делами,
Земля, которую Тарас
Своими окрылил словами.

Ужель судьба погибнуть ей,
Потопленной в крови багровой,
Когда зовет и шум ветвей
На правый бой, на бой суровый,
Когда жива она в своей
Семье — великой, вольной, новой?

Как опадут ее цветы,
Когда настало время сева,
Когда с низин до высоты
Народ, что лев, рычит от гнева,
Лисицы брешут на щиты
И кличет див с вершины древа?

Кто посмеется над струной,
Где скрыта память о Бояне,
Кто запахи травы степной
Погасит в сумрачном тумане,
Кто гробовою пеленой
Оденет Киев наш и Канев?

Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается,
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.
Иль совы заклюют орла?
Нет, правда кривде — не сдается!

Земля родная! Знаешь ты:
Близки завещанные сроки!
Встает народ, гудят мосты,
Кипят весенние потоки!..
Лисицы брешут на щиты,
Но солнце рдеет — на востоке!

1941

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОГОДА

Мне не спится. На Неве смятенье,
Медь волны и рваная заря.
Мне не спится — это наводнение,
Это грохот пушек, вой завода
И такая, как тогда, погода:
Двадцать пятый вечер октября.

Знаю, завтра толпы и знамена,
Ровный марш, взметающий сердца,
В песне — за колонною колонна...
Гордый день! Но, глядя в очи году,
Я хочу октябрьскую погоду
Провести сквозь песню до конца!

Было так: Нева, как зверь, стонала,
Серые ломая гребешки,
Колыхались барки у причала,
И царапал стынувшие щеки
Острый дождь, ложась, как плащ широкий,
Над гранитным логовом реки.

Пулеметы пели. Клювоносый
Ждал орел, нацелясь в грудь страны.
В бой пошли кронштадтские матросы
Черным ливнем на мосту Дворцовом,
И была в их оклике суровом
Соль и горечь штормовой волны.

Во дворце дрожали адвокаты,
У костров стояли юнкера.
Но висел над ними час расплаты,
И сквозь дождь октябрьской непогоды
В переключке боевой заводы
Пели несмолкаемо: «Пора!»

Так об Октябре узнают дети.
Мы расскажем каждому из них,
Что на новом рубеже столетий
Вдохновенней не было напева,
Что в поэме горечи и гнева
Этот стих — был самый лучший стих!

Из «ОКТЯБРЬСКИХ СТИХОВ»

1

Здравствуй, милая! Откуда
Вновь ты смотришь на меня?
Ночь полна глухого гуда.
За окном — снопы огня.

То прожектор шарит в звездах,
Проверяет наш зенит:
Глубоко ли дышит воздух,
Высоко ль мотор звенит.

Сознаюсь: сегодня ночью
Я в историю влюблен,
В эти мчащиеся клочья
Песен, призраков, знамен,

В дождь, в ночной гудок тревожный,
В каждый смутный знак и след,
Помогающий, сколь можно,
Молодеть на двадцать лет.

Здравствуй, милая! Пришла ты
Ветром в комнату мою.
Твой встревоженный, крылатый,
Легкий облик узнаю.

За тобой, моей сestroю,
Ранней спутницей моей,—
Котлованы наших строек,
Берега чужих морей.

За тобою — рельсы, версты,
Встречи с веком молодым,
Корректуры первых версток
И махорки сладкий дым.

Ты несла в политпросветы
Боевых агиток гнев,
Ты встречала час рассвета,
На ветру оледенев.

Ты товарищей встречала
Меж снастей, баркасов, барж.
Ты у волжского причала
Прокричала «Левый марш».

Я терял тебя из виду,
Но в толпе мелькала ты.
Мне казалось: только выйду
Из житейской тесноты,

Оглянусь, сосредоточусь,
Все, что мелко, истребя,—
И опять вернется почесть
Называть на «ты» тебя.

Здравствуй, милая! Дай руку.
Мы пройдем по городам,
Мимо башен, виадуков,
Маяков, ангаров, дамб.

Встретим мы друзей, конечно,
В Горьком, в Киеве, в Баку.
Только б список бесконечный
Втиснуть в ломкую строку.

Только бы сказать смиренней,
Проще, тверже и прямей:
«Здравствуй, первый день творенья,
Праздник юности моей!»

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ, ОСТАВШЕМСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ

В ту ночь их части штурмовые вошли в советский город Б.
И там прокаркали впервые «хайль Гитлер» в стихнувшей стрельбе.
Входили вражеские части, плечо к плечу, ружье к ружью.
Спешила рвань к чужому счастью, к чужому хлебу и жилью.
Они прошли по грязи грузно, за манекеном манекен.
А этот мальчик был не узнан, не заподозрен был никем,
Веселый мальчик в серой кепке. Его приметы: смуглый, крепкий.
Не знает кто-нибудь из вас, погиб ли он, где он сейчас?

Пробрался утром он к квартире и видит: дверь не заперта.
И сразу тихо стало в мире, сплошная сразу пустота.
Мать и сестра лежали рядом. Обоих немец приволок.
Смотрела мать стеклянным взглядом в потрескавшийся потолок.
Они лежали, будто бревна,— две женщины, сестра и мать.
И он стоял, дыша неровно, и разучился понимать.
Потом он разучился плакать и зубы сжал, но весь дрожал.
И той же ночью в дождь и слякоть куда-то за город бежал.

Без хлеба, в майке, в серой кепке. Его приметы: смуглый, крепкий.
Из вас не знает кто-нибудь, куда он мог направить путь?

Он знал одно: разбито детство, сломалось детство пополам.
И шел, не смея оглядеться, по страшным вражеским тылам,
По тихим, вымершим колхозам, где пахло смертью и навозом,
Вдоль речек, тронутых морозом, и по некошенным полям.
Он находил везде дорогу, и шел вперед, и шел вперед.
И осень с ним шагала в ногу и возмужала в свой черед.
Она, как сказка, шла с ним рядом, чтобы его следы замести,
Смотрела вдаль недетским взглядом, неотвратимая, как месть.
Так шел он, в майке, в серой кепке. Его приметы: смуглый,
крепкий.
Из вас не знает кто-нибудь, куда он мог направить путь?

Когда фашисты покидали пустой, сожженный город Б.,
Уже за мглистой снежной далью расплата слышалась в пальбе.
И мальчик раньше всех, как надо, вернулся в город свой родной.
Вернулся он домой с гранатой. Он ей доверился одной.
Он был фашистами не узнан, не заподозрен был никем.
Следил он, как по снегу грузно, за манекеном манекен,
Уходят вражеские части, ползет по швам железный ад;
Видать, не впрок чужое счастье, не легок будет путь назад.
Их тягачи, и мотоциклы, и танки, полные тряпья,
Ползли назад. В нем все затихло.
Он ждал, минуту торопя.
А тягачи неумоимо спасали, что могли спасти.
Но он не взвел гранаты. Мимо! Не в этих.
Надо цель найти.

Он всматривался, твердо зная в лицо мишень свою: SS.
Где же машина та штабная, что мчится всем наперерез?
Всегда сверкающая лаком, кривым отмеченная знаком,
С гудком певучим, с полным баком, франтиха фронта «мерседес»?
Она прошла крутым виражем,
кренясь и шинами визжа,—
Машина та с начальством вражьим, опухшим после кутежа.

И мальчик подбежал и с ходу гранату в стекла им швырнул.
И вырвавшийся на свободу огонь из стекол полыхнул.
Два офицера с генералом, краса полка, штурмовики,
Шарахнулись в квадрате алом, разорванные на куски.
А где же мальчик в серой кепке? Его приметы: смуглый, крепкий.
Не знает кто-нибудь из вас, погиб ли он, где он сейчас?

Не знаю, был ли мальчик взорван. Молчит о нем кровавый снег.
Ребят на белом свете прорва — не перечтешь, не вспомнишь всех...
Но сказка о ребенке смелом шла по тылам и по фронтам,
Написанная наспех, мелом, вдруг возникала тут и там.
Пусть объяснит она сама нам, как он остался безымянным.
За дымом фронта, за туманом шла сказка по его следам.
Пятнадцать лет ему, иль десять, иль, может, меньше десяти,—
Его фашистам не повесить, не опознать и не найти.
То к партизанам он пристанет,

то ночью, рельсы развинтив,
С пургой в два голоса затянет ее пронзительный мотив.
Он возмужает понемногу, что делать дальше —
разберет.

А сказка с ним шагает в ногу и возмужает в свой черед.
Она идет все время рядом, поет

и в землю бьет прикладом,
И смотрит вдаль недетским взглядом,
и гонит мстителя вперед.

ПОЭТ И ВРЕМЯ

Я книгу времени читал
С тех пор, как человеком стал,
И только что ее раскрыл —
Услышал шум широких крыл
И ощутил неслышный рост
Шершавых трещин и борозд
На лицах ледниковых скал.
И с этих пор я отыскал
И полюбил я с этих пор
И первый каменный топор,
И первый парус на волне,
И давний день, когда в огне
Впервые плавилась руда.

Летели дни. Прошли года.
В них слезы были, кровь и дым.

И я недаром стал седым:
Я памятью обременен,
Я сверстник мчащихся времен.

Мой выбор сделан издавна.
Меж девяти сестер одна
Есть муза грозной правоты,
Ее суровые черты,
Ее руки творящий взмах
И в исторических томах,
И на газетной полосе.

Она мне диктовала все
Стихи любимые. И с ней
Мой труд страстней, мой путь ясней.

Она ввела меня чуть свет
В Московский университет.
Она внесла мой ранний ямб
На сцену, в блеск вечерних ламп.
Она пошла со мной, держа
Священный свиток мятежа.
Ей дорог матовый загар
Азербайджанцев и болгар,
Ей близок отблеск синевы
В глазах у Польши и Литвы.

Мила ей всякая краса.
Понятны ей все голоса:
И многотрубный хор стихий,
Не уместаемый в стихи,
И упоенных скрипок стон,
И дальних взрывов в сотни тонн
За океаном пережат,
И первый выстрел с баррикад.

Когда пришел военный год,
Она, подруга непогод,
Все человечество храня
На грозной линии огня,
Оплакав сына моего,
Чье сердце немо и мертво,
Шептала мне: «Не спи, пиши
Про ранний рост его души»,—
В глухой избе в ночной тиши
Чинила мне карандаши.

Но горе музу не берет.
И вновь она пошла вперед.
Пошла вперед! Ее нельзя
Назвать красавицей, друзья.
Но крут бровей ее излом.
Но кудри медные узлом,
Откинута, сплетены.
Но в мире нет такой стены,
Чтоб не могла пройти она.

Я сделал выбор издавна.
И буду верен ей и впредь.
Когда придется умереть,
Я ей отдам на сотни лет
Беречь мой партбилет.

[1946]

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вйшну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.

Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,—
Без дорог заблудился в долинах,—
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней.
Я — властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом.
И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.

У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый». —
«Уходи!» — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы, —
Даже птице быстрее зарницы;
И она б от дождей размокла.
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря — в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат,—
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно,— сказал он,— где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

1919—1922

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды;
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильнее оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали.
Чаяк качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз за четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

Не заглушить, не вытоптать года,—
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленная вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

1922

КИРОВ С НАМИ

1

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается воем —
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невой,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

Стоит часовой над водою —
 Моряк Ленинград сторожит,
 И это лицо молодое
 О многом ему говорит.
 И он вспоминает матросов
 Каспийских своих кораблей,
 Что дрались на волжских откосах,
 Среди астраханских полей:
 И в этом юнце крепкожилом
 Такая ж пригожая статья,
 Такая ж геройская сила,
 Такой же огонь неспроста.
 Прожектор из сумрака вырыл
 Его бескозырку в огне,
 Названье победное «Киров»
 Грозой заблистало на ней...

Разбиты дома и ограды,
 Зияет разрушенный свод,
 В железных ночах Ленинграда
 По городу Киров идет.
 Боец, справедливый и грозный,
 По городу тихо идет.
 Час поздний, глухой и морозный...
 Суровый, как крепость, завод.
 Здесь нет перерывов в работе,
 Здесь отдых забыли и сон,
 Здесь люди в великой заботе,
 Лишь в капельках пота висок.
 Пусть красное пламя снаряда
 Не раз полыхало в цехах,
 Работай на совесть, как надо,
 Гони и усталость, и страх.
 Мгновенная оторопь свяжет
 Людей, но выходит старик, —
 Послушай, что дед этот скажет,
 Его неподкупен язык:
 — Пусть наши супы водяные,
 Пусть хлеб на вес золота стал, —
 Мы будем стоять, как стальные,
 Потом мы успеем устать.

Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет
На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут — не сдадутся врагу!
Мы выкуем фронту обновы,
Мы вражье кольцо разорвем,
Недаром завод наш суровый
Мы кировским гордо зовем.

4

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ,
Что крепки советские люди
На страже родимой земли...
Все ближе удары орудий,
И рядом разрывы легли.
И бомбы ударили рядом,
Дом падает, дымом обвит,
И девушка вместе с отрядом
Бесстрашно на помощь спешит.
Пусть рушатся стены и балки,
Кирпич мимо уха свистит,
Здесь собственной жизни не жалко,
Чтоб жизнь тех, зарытых, спасти.
Глаза ее грустны и строги,
Горит молодое лицо,
Ей гвозди впиваются в ноги,
И проволок вьется кольцо.
Но сердце ее непреклонно,
И каменно сжаты уста,
Из Кировского района
Прекрасная девушка та.
Вот юность — гроза и отрада,
Такую ничто не берет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет...

Глашатай советского века,
 Трибуном и воином был
 На снежных предгорьях Казбека,
 Во мраке подпольной борьбы.
 Он помнит кровавые, злые
 В огне астраханские дни
 И ночи степные — кривые,
 Как сабли, сверкали они.
 Так сердцем, железным и нежным,
 Осилил он много дорог,
 Сражений, просторов безбрежных,
 Опасностей, горя, тревог.
 Но всей большевистской душою
 Любил он громаду громад
 Любовью последней большою —
 Большой трудовой Ленинград.
 ...Но черные дни набежали,
 Ударили свистом свинца,
 Здесь люди его провожали
 Как друга, вождя и отца.
 И Киров остался меж ними.
 Сражаясь, в работе спеша,
 Лишь вспомнят могучее имя —
 И мужеством крепнет душа.

На улицах рвы, баррикады,
 Окопы у самых ворот.
 В железных ночах Ленинграда
 Он за город тихо идет.
 И видит: взлетают ракеты,
 Пожаров ночная заря,
 Там вражьи таятся пикеты,
 Немецких зверей лагеря.
 Там глухо стучат автоматы,
 Там вспышки, как всплески ножа,
 Там, тускло мерцая, как латы,
 Подбитые танки лежат.
 Враг к городу рвется со злобой,—
 Давай ему дом и уют,
 Набей пирогами утробу,
 Отдай ему дочку свою.

Оружьем обвешан и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен
К огням на твоих очагах.
Но путь преградить супостату
Идет наш народ боевой.
Выходит, сжимая гранату,
Старик на сражение с ордой.
И танки с оснеженной пашни
Уходят, тяжелые, в бой;
«За родину!» — надпись на башне,
И «Киров» — на башне другой.

7

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними
Как знамя победы встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

1941, ноябрь

НОЧНОЙ СПЛИТ

Все вихри принялись толочь
Холмов окрестных плечи,
Я Сплит увидел в бурю, в ночь, —
В домах горели свечи,
Оборванные провода,
Звон стекол, стоны сада,
Как будто я привез сюда
Твой черный мир, блокада!

Еще я слова не сказал,
С молчаньем зала споря,
Врывались в полутемный зал
Рыданья гор и моря.
Как будто выла вся земля
О всех сынах убитых,

И моря пенные поля
Несли цветы на плиты.
Как будто, воскресив войну,
В горах бои гремели,
Шли в море корабли ко дну
Под белый лязг метели.

Горели свечи все ясней,
Я в сумраке размытом
Увидел лица, как во сне,
Мужчин и женщин Сплита.
Увидел губы, щек бледней,
Глаза, как небылицы,
И чем-то близки были мне
Родные эти лица.

Увидел, как горят глаза,
По лицам тени кружат...
— В такую ночь о чем сказать?
— О Ленинграде, друже.
И ожил в Сплите город мой,
Не стало расстояний,
Как будто я пришел домой
Из боевых скитаний.
И должен правду всю сказать
Перед семьей родною,
Как свет свечи, торжествовать
Над бурей за стеною.

Я видел бурю братских глаз,
Подернутых туманом,
Я счастлив был, что мой рассказ
Рассказан над Ядраном.

1947

Егише Чаренц

* * *

Ленин! Ленин — но не митинговый,
Не литавры марша, не плакат,
Ленин — как вершина, как обхват
И как построенье темы новой,
Зреющей в тебе не как трава,
А как сталь, как воля. Эта тема —
Как начало жизни, как поэма,
Созиданья первые слова...

1929

КУДРЯВЫЙ МАЛЬЧИК

Закрываю устало глаза
И так ясно, так ясно я вижу:
День в грядущем. Небес бирюза.
Огнекудрое утро все ближе.
Уже солнце пошло на подъем,
День гремит, как аккорд на органе.
С синих-синих небесных каем
Низвергается наземь сиянье.
К Арарату проходит шоссе
Изменившеюся Эриванью.
Сколько лет этой новой красе
И живому ее ликованью?
Вдоль дороги, по обе руки,
Переезды, дома и заводы.
Кто разбил у домов цветники?
Как густы этой зелени своды!
Воздух чист, меж домами — простор,
Мастерские меж них вперемежку,
Ни соринки кругом. Что ни взор,
То — блаженного счастья усмешка.

Вот из города мимо оград,
Попирая проснувшийся камень,
Пионерский выходит отряд,
Впереди его — красное знамя.

Слышен топот уверенный ног
И отрывистый бой барабана.
Лица ясны, в глазах огонек,
Рады в ногу шагать мальчуганы.
По асфальту срезают дугу
И сворачивают по извиву
В то ущелье, где низом Зангу
Протекает светло и шумливо,
Где прозрачное кружево плестъ
Не устало потока журчанье.
Рядом старая изгородь есть,
Под оградой камни в бурьяне.
Камни с виду без мет и письмен,
Безымянные камни — могилы.
Надо всем — тишины полусон,
Точно памяти призрак бескрылый.
Сверху синие своды глядят.
Виснет солнце, подобное звону,
И беспечно проходит отряд,
Полыханьем его опьяненный.
Слышен марша уверенный шаг,
Рассыпается дробь барабана,
И весна, затаясь в их очах,
Улыбается солнцу нежданно.
Тем-то шагом, без дум и забот,
И обходят бурьян пионеры.
И весна — то куда-то зовет,
То о ком-то тоскует без меры.

Но внезапно из их череды
Кто-то смотрит на камни и травы.
Покидая дружины ряды,
Отделяется мальчик кудрявый.
Пионер до колен голоног,
Красный шейный платок у подростка.
Мальчик с выпуклым лбом, синеок,
В белой курточке с синей полоской.
Он подходит к камням и, всмотрясь,
Принимается скрестить их ногтями
И стирает присохшую грязь,
Затянувшую надпись на камне.
И тогда: *Здесь покоится прах*
Егише, — он читает, — *Чаренца*. —
И дочитывает второпях: —
Стихотворца, Маку уроженца.

И как бы объясненья ища,
Он стоит, смотрит вдаль, размышляет.
И, сорвавши отросток плюща,
С ним покинутый путь продолжает.
И когда нагоняет своих,
В незапамятности, как дотолё,
Остаются, оживши на миг,
Эти камни, забытые в поле.

.

О, вернись, там ведь сердце мое!
Растопчи его, ножкам в забаву.
Ты, всех жажд моих ключ и питье,
Наша будущность, мальчик кудрявый!

1928—1929

ГРОЗНАЯ ПОСТУПЬ

Пусть дойдет до потомков сквозь дали веков
Этот пасмурный день, этот холод штыков
И на площади грозная поступь полков!..
Если нежность с суровостью сплавить в одно,
Если в поступи чувствам раскрыться дано,
Был тот кованый шаг песнопеньем страны
И присягой народов у древней стены.

Это было в тот день, когда сердце страны
На весах колебалось — и озарены
Были клятвою строгие лица солдат:
За нами — Москва, ни шагу назад!

В этот день снег не таял, касаясь знамен.
Был к победе наш путь в этот день предрешен.
Наше знамя сиянием напоено —
Никогда еще ярче не рдело оно,
Озаряя тревожные дали земли,
Как в тот день, когда с ним через смерть мы прошли.

1947

Александр Безыменский

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы,
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,—
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают,— в руках чего-то нет...

— Скажи мне, Партия, скажи мне, что́ ты ищешь? —
И голос скорбный мне ответил:— Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало.
Такой беды большой — еще никто не знал!
Вчера, вчера лишь я в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал.

— Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе. Тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

Я БРАЛ ПАРИЖ!

Я брал Париж! Я. Кровный сын России.
Я — Красной Армии солдат.
Поля войны

— свидетели прямые —
Перед веками это подтвердят.

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы!
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны.

Нигде б

никто

не вынес то, что было!

Мечом священным яростно рубя,
Весь, весь напор безумной вражьей силы
Я принимал

три года

на себя.

Спасли весь мир знамена русской славы!
На запад пяля мертвые белки,
Успели сгнуть от Волги до Варшавы
Фашистских армий лучшие полки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше.
От стен Парижа снятые войска
Пришли сюда

сменить убитых раньше,
Чтоб пасть самим от русского штыка.
Тех, кто ушел,

никем не заменили,

А тех, кто пал,

ничем не воскресишь!

Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил

дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас

вторгался у Митавы.

Я в Пантеон

из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот адов,
И мой удар во фронт фашистских орд,
Мой грозный шаг

и гул моих снарядов

Преображали Пляс де ля Конкорд!

И тем я горд,

что в годы грозные

Мы золотую Францию спасли,

Что брал Париж любой солдат России,
Как честный рыцарь счастья всей земли.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я

миру и отчизне:
— Я брал Париж!

1944

ЗАКОН СЕРДЦА

Наверняка

у каждого из вас
Бывают
и раздумья и сомненья,
Как поступить
вот в этот раз...
Как лучше выбрать
верное решение...

Есть в жизни много
тропок и путей,
Сетей, препятствий,
красоты и грязи.
Душе,
уму и совести твоей
Они ясны становятся
не сразу.

...При встрече с ними
на пути моем
Один закон
для сердца неизменен!
Чтоб выбрать путь,
я думаю о том,
Как поступил бы,
что сказал бы
Ленин...

1966

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе —
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

1919

МАРШ ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТ

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы все добудем, пойдем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда,
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою!

Нам песня строить и жить помогает,
Она на крыльях к победе ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

1934

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

1941

Степан Щипачев

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблекли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

1943

ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
погибшие в бою.

Пусть всех имен не назову,
нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
что умерли они?

Была б кощунственной моя
тоскливая строка

о том, что вот старею я,
что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
в бою, под свист и вой,
мог пасть в соленом Сиваше
иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,
вернулся ли бы я домой
обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
жизнь погасил бы враз,
но был не я убит в степи,
где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым;
горячим запахом металл
запомнился живым.

Но все ж у многих на войне
был тяжелее путь.
И Черняховскому — не мне —
пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой,
растерзан и раздет, —
молчал на пытках Кошевой
в свои шестнадцать лет.

Пусть всех имен не назову,
нет кровнее родни.

Не потому ли я живу,
что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих —
достойна будет жизнь моя
солдатской смерти их.

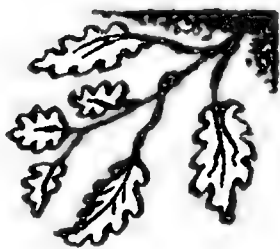
1948

Д Е Н Ь

Отчеканенный моей страной,
день, как звонкая монета, золот.
Солнца лик — на стороне одной,
на другой — сияют серп и молот.

Я хочу, чтоб труд мой стоил
золотого прожитого дня.
Их ведь не без счету у меня:
можно ли их тратить на пустое!

Август 1963 г.

Николай Ушаков

НОЧЬ НА 25 - е

Дождь дымился в эту ночь
пересевом пыли.
Толкачи скользили прочь,
путались
и были.

А депо кипело.
Там —
в паровозном зале
растревоженным цехам
ружья раздавали.

Шли цеха за счастье в бой,
разливаясь наспех,
как прорвавшийся прибой,
захлестнувший насыпь.

И над миром грянул гром!..
К утру подморозило,
небо глянуло серо́ —
как стальное озеро.

Утром шли на тихий Дон
папахи лохматые.
Выпал снег,
и таял он.

Было 25-е.

1925

МАСТЕРСТВО

Пока владеют формой руки,
пока твой опыт
не иссяк,
на яростном гончарном круге
верти вселенной
так
и сяк.

Мир незакончен
и неточен,—
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины
мыслью стал.

1935

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ОБОРОНЫ

Ни куста,
ни стога,
ни вороны.
Черный камень,
серая зола...

На переднем крае обороны
танк советский бомба обожгла.
Он железной печкою пылает,
он продут огнем,
и потому
лейтенант советский посылает
радио
майору своему.

По переднему несется краю,
слышит фронт
и вся родная Русь:
— Я горю,
 горю,
 но не сгораю!
Я горю,
 горю,
 но не сдаюсь!

1942

ХАРЬКОВ

Харьков слышит гул родных орудий,
гул все громче,
звук разрыва сух.
Превратились в слух
дома и люди,
и деревья
превратились в слух.

«Ждем», — как будто говорит Сумская.
«Ждем», — соседний произносит сад.
Головы все ниже опуская,
на балконах
мертвые висят...

— Ждем, — живые повторяют люди.
Пепельною ночью,
сизым днем
Харьков слышит гул родных орудий,
мужественный голос:
«Мы идем!»

За противотанковыми рвами,
за скрещением дорог,
вдали
Харьков вырастает перед нами.
Мы идем,
 мы входим,
 мы вошли.

1943

Алексей Сурков

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги.
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем, —
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Смелых Отчизна зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за Родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

22 июня 1941

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Под Москвой, 1941

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцать лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Черeda лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Под Ржевом, 1942

* * *

Частоколы, колючка, траншеи, рвы.
От пожарищ в глазах черно.
А вокруг погляди — по полям Литвы
Наливное зреет зерно.

Нынче жито в полях в человеческий рост,
Лен высок и усат ячмень.
На горе село, за селом погост,
На погосте прохлада, тень.

Под крестами погоста пехотный взвод
В летний полдень встал на привал.
Он пылит по дорогам четвертый год,
Он и Волгу и Дон знавал.

Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упрям человек!

Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.

Взвод шагал три года сквозь дым и тьму,
Позабыл и сон и покой.
И сказали вчера, что теперь ему
До границы подать рукой.

Он сегодня в поход поднялся чуть свет.
Он идет, не жалея сил.
И на свете такого заслона нет,
Чтобы смелых остановил.

Он равняет шаг, суров, как судьба,
Этот, все испытанный, взвод.
Вдоль дорог Литвы поднялись хлеба
И торопят его вперед.

1-й Прибалтийский фронт. 1944

ШАПКА ПО КРУГУ!

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.

В Лондоне, в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи,

Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.
Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир! —

По рядам поплыла
Виды выдавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущенье:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.—
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка, дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс, хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

1950

ЗАВЕТ

И я отверг
персидскую зурну,
отверг бесплодность всех воздушных замков.
В поэзию —
бескрайнюю страну —
я внес
патардзеульской мяты запах.

Быть может,
этот запах слишком прян?
Ну что же —
на крови всходила мята.
И стих мой
силой варварскою пьян,
и слово соколиное крылато.

Нет,
у французов не был в рабстве я,
и носом я не рылся
в книжной пыли,
но горные потоки бытия,
кипя,
вот эти жилы затопили!

Негоден стих,
когда он только стон,
а не призыв
сражаться за свободу.
Бесплоден стих,
когда бессмыслен он,
как поиск перстня,
что уронен в воду.

Что начертало ты,
крыло орла?
О чем грома гремят
и утки кричат?
Что в том за важность!
Важность есть одна —
о чем народ
почти бесслезно плачет.

Корнями из народа я расту,
в народ ветвями
я расту, как в небо,
и по гудящей плоти
в высоту
восходят соки
мудрости и гнева.

1944

ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Язык грузинский,—
жадно и легко
я пил тебя,
как дети — молоко.

Меня взрастили
соль твоя и мед,
меня крестили
боль твоя и пот...

Я стал и повелитель,
и слуга:
то мной подчас
ворочают слова,
то я,
с росой священной на лбу,
таскаю их,
как горы, на горбу.

Язык грузинский,
ты — вся жизнь моя!
Ты — виноградник.
Виноградарь — я!

Ты петь стремишься,
ты всегда таков!
Как кровь, струишься
в жилах у стихов.

Ты вдохновляешь
старца и юнца,
и, как народу,
нет тебе конца!
Я счастлив тем,
что все тебе дарю,
что о тебе
тобою говорю!

1956

БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике, на море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя...
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.

Тонко сработано!
Кто ж это тут?
«Л е н и н»

Ах, вот оно...
Аб!
— Гут!

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Кони хвостатые
Взяли в карьер.

Нет
 статуи,
Гол
 сквер.

Кончено! Свержено.
Далее — в круг
Введен задержанный
 Политрук.
Был он молоденький...
Двадцать всего.
Штатский в котике
Выдал его.

Люди заохали...
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе
Подле шеста;
Вот ему на плечи
Брошен канат,
Мыльные каплищи
Землю кропят...

— Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде!
Всплачется, взмолится
Хоть на момент,
Здесь, у околицы,
Где монумент,—
Так, что жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
Ауф!
 — Гут!

Желтым до зелени
Стал политрук;
Смотрит...
О Ленине вспомнил...
И вдруг
Он над оравою
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —

И над оковами,
Бронзе вослед,
Вырос
 кованый
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник...

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,
Глядя на улицу
Из ворот.

Мигом у цоколя
Каски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись...
Все же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Назло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

1942

ПАШНЯ НОВОГО ДНЯ

Плуг из зари расплавленной откован,
В упряжке солнце весело идет.
То Новый день, сверкая блеском новым,
По нитке будто, борозду ведет.

То Новый день! Он вышел в наше поле,
Родных степей он пашет целину.
Под пласт кладет чувашскую недолю —
Навеки, безвозвратно, в глубину.

То Новый день! Он сталью раскаленной
Степей разрыхлил высохшую ширь
И ключевую через луг зеленый
Направил воду — напоил пустырь.

Он звездами — не просто семенами —
Засеял пашню. Сотней тысяч рук
Из золоченых мер их брал горстями
И разбросал размашисто вокруг.

Хлебов бескрайних золотом сверкая,
Твои воспрянут, Новый день, поля,
И станет дивным урожайным краем
Мой край родной — чувашская земля.

Колосьев тучных мерное шуршанье,
Как звон гуслирный, разнесут ветра.
Плечами небо подпирая, встанет
Чуваш, обиженный еще вчера.

Пусть Новый день в сиянье небывалом,
Обняв его, торопится вперед.
И радуга Интернационала
Пред ним, как мост в грядущее, встает.

Михаил Исаковский

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней,

А в деревне и веселье, и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда.

1925

ПРОЩАНИЕ

(ПРОЩАЛЬНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ)

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я:
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно, — сказал он тихо, —
Напиши... куда-нибудь!

1935

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

1938

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора, —
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ...

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;

Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралась без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твоё...

1945

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощение,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа —
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Л Е Т Я Т П Е Р Е Л Е Т Н Ы Е П Т И Ц Ы...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю,
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утону я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948
Внуково

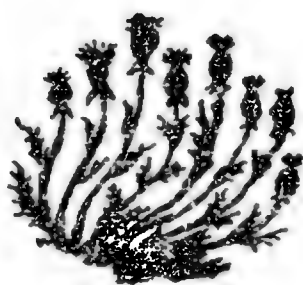
НАДПИСЬ НА СКАЛЕ У ДОРОГИ

Я врагов побеждал.
Я победами землю прославил.
Я не знал поражений,—
Свергать не боялся богов.
Много недругов злых я в горниле в друзей переплавил,
И не ставил я ногу на грудь побежденных врагов!

От горячих пустынь
Я прошел
До заснеженных сопок —
По горам и степям
Вел свои громовые года.
Но где я проходил,
Там вставали пшеница и хлопок,
Где велел быть воде,
Там из камня бежала вода!

Я природу судил
В меру новых законов и правил,
На промерзлых болотах
Заставил всходить семена...
Днепрогэс и Загэс это я среди ночи поставил!
И в большую семью
Враждовавшие слил племена.
Вижу все на земле,— вырастая за время похода! —
Надо правнукам знать:
Я не царь,
Не пророк,
Не герой.
Я всего лишь один из бесчисленных тысяч народа —
Александр Македонский не грезил о славе такой!

1936

Александр Прокофьев

* * *

Когда мы в огнеметной лаве
Решили все отдать борьбе,—
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

По совести — другая думка
У нас была, светла как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме суши и морей
Забыли все, что было можно
Забыть. Забыли матерей,

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клочок,
Пески и розовую глину —
Все то, что звало и влекло.

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя Ленин,
Как снова не произнести!

Все было в нем: поля, и семьи,
И наш исход из вечной тьмы,—
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

1932

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нате!
Так, до ленты молодой,
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный.
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах,
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.
Мир ломается.

И ветер
Давят два броневика.

1933

* * *

Есть что вспомнить всем нам, —
будем живы,
За беседой вспомним тихим днем
Все пути-дороги, все обрывы,
До небес забитые огнем!
Все пути широкие на марше,
Их пройти нам было нелегко.

Что с того, что стали на год старше,
Нам до смерти — ой как далеко!
Так держать!

И мы стоим в дозоре,
В дотах мы, и мы из-под земли
Видим небо, наше небо в зорях,
Видим — за полями битв, вдали,
Сотней радуг горизонт окрашен,
Тысячами солнц земля горит.
«Наше,— говорим мы,— это наше!»
«Ваше!» — все вокруг нас говорит —
Реки все, моря и океаны,
Вся земля, ломающая гнет...
В тучах богатырские курганы,
Но оттуда солнце и сверкнет!

1942

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

От рощи к холму, с перелеска до лога
Далеко бежит фронтовая дорога.

Она день и ночь вдаль идет неумолчно.
Досадует враг, огрызаясь по-волчьи.

Глубокие слева и справа воронки,
Но «эмки» бегут и грохочут трехтонки

По ней, по избитой, тревожной, неровной,
По гатям разбитым, по щебню, по бревнам!

Трясет, но везет!

И недаром когда-то
Ее малярней прозвали солдаты!

Бои отгремят, засверкает победа,
По новым дорогам солдаты проедут.

Гудрон им под ноги!

Но в память бывшего
Хвала им, хвала им за меткое слово.

Проедут и вспомнят, как жили-служили,
Как сами дорогу свою проложили,

Как сами мостили, где низко, где круто,
Как немцы ее ненавидели люто.

Живи! До победы осталось немного,
Ты, в общем, совсем неплохая, дорога!

1943

СТИХИ О РОССИИ

1

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: Россия!

Сильнее всех имен произнести,
Сильнее матери, любви сильнее,
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

2

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участия, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошел, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!

3

Среди долины ровная...

Из песни

Сияние небес твоих огромно,
И пусть навеки память сохранит:
Могучий дуб среди долины ровной
Твоей зарей, как лентою, обвит.

И он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль, и видит дальний путь,
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

4

А сколько молний грудь твою разили!
Не раз, врываясь в дом твой, обнаглев,
Враги кричали: «Кончено с Россией!»
И узнавали твой, Россия, гнев!

Такой испепеляющий и грозный,
Он так неумолимо налетал,
Что если б враг тогда метнулся к звездам —
Не избежал бы гибели и там!

5

Воротись обратно из Зазвездья...

Н. Асеев

Уже в Зазвездье красный флаг огнистый.
Подвластно все мозолистым рукам.
Идут с открытым сердцем коммунисты.
Любить тебя — их заповедь векам!

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь.
Они клялись беречь тебя, Россия,
И я под их знаменами клянусь!

1959

Владимир Луговской

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,—
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры,—
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила.

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,

А покуда обеща́й
Не беречь бока,
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки-расстеливать,
Беяков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
 ругает вагоны,
 Волокет Колчаку
 тысячу погонов.
 Он идет впереди,
 атаман удалый,
 У него на груди —
 фонари-медали.
 Командир-паровоз
 мучает одышка,
 Впереди откос —
 паровозу крышка!

**А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:**

«Россия ты, Россия, российская страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда.

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.

Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь!

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда».

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
— Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный, в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан!
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снегу волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!

Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

ПИСЬМО К РЕСПУБЛИКЕ ОТ МОЕГО ДРУГА

Ты строишь, кладешь и возводишь,
ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
ты мне отвечаешь: «Да!»
Прости меня за ошибки —
судьба их назад берет.

Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я плоть от твоей плоти
и кость от твоей кости,
И если я много напутал,
ты тоже меня прости.
Наполни приказом мозг мой
и ветром набей мне рот,
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я спал на твоей постели,
укрыт снеговой корой,
И есть на твоих равнинах
моя молодая кровь.
Я к бою не опоздаю
и стану в шеренгу рот,—
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, срывались
и гибли наперебой.
Я школы твои, и газеты,
и клубы питал собой.
Такие, как я, поднимали
депо, и забой, и завод,—
Возьми меня, в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, сидели
над цифрами день и ночь,
Такие, как я, опускались,
а ты им могла помочь.
Кто силен тобой —
в работе он,
Кто брошен тобой —
умрет.
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я вел твои экспедиции,
стоял у твоих реторт,
Я делал свою работу,
хоть это не первый сорт.

Ты строишь за месяцем месяц,
ты крепнешь за годом год,—
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я шел за тобою следом
с тяжелой, как жизнь, семьей,
И мать, и жена, и сестры
стирали белье твое.
Я проклял квартирную плату,
я проклял водопровод,—
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Я сонным огнем тлею
и еле качаю стих,
За то, что я стал холодным,—
ты тоже меня прости.
Но время идет, и стройка идет,
и выпадет мой черед,—
Возьми же меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Три поколенья культуры,
и три поколенья тоски,
И жизнь, и люди, и книги,
прочитанные до доски.
Республика это знает,
Республика позовет,
Возьмет меня в переделку
и двинет, гремя, вперед.

Ты строишь, кладешь и возводишь,
ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
ты мне отвечаешь: «Да!»
Так верь и этому слову —
от сердца оно идет,—
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Меня берут за лацканы,
Мне не дают покоя:
Срифмуйте нечто ласковое,
Тоскливое такое,

Чтобы пахло свежестью,
Гармоникой, осокой,
Чтобы людям понежиться
Под месяцем высоким,

Чтобы опять метелица
Да тоненькая бровь.
Все в мире перемелется —
Останется любовь.

Останутся хорошие
Слова, слова, слова,
Осенними порошами
Застонет голова,

Застонет, занедужится
Широкая печаль —
Рябиновая лужица,
Березовая даль.

Мне плечи обволакивают,
Мне не дают покоя:
Срифмуйте нечто лаковое,
Замшевое такое,

Чтоб шла разноголосица
Бандитских банд,
Чтобы крутил колесиком
Стихов джаз-банд,

Чтобы летели, вскрикивая,
Метафоры погуще,
Чтобы искать великое
В кофейной гуще.

Вы ж будете вне конкурса
По вычурной манере, —
Показывайте фокусы
Открытия Америк.

Все в мире перекрошится,
Оставя для веков
Сафьяновую кожицу
На томике стихов.

Эй, водосточный желоб,
Заткнись и замолчи!
Слова мои — тяжелые,
Большие кирпичи.

Их трудно каждый год бросать
На книжные листы.
Я строю стих для бодрости,
Для крепкой прямоты.

Я бьюсь с утра до вечера
И веселюсь при этом.
Я был политпросветчиком,
Солдатом и поэтом.

Не знаю, отольются ли
Стихи в мою судьбу,—
Морщинки Революции
Прорезаны на лбу.

Не по графам и рубрикам
Писал я жизни счет.
Советская республика
Вела меня вперед.

Я был набит ошибками,
Но не кривился в слове,
И после каждой сшибки я
Вставал и дрался снова.

И было много трусости,
Но я ее душил.
Такой тяжелый груз нести
Не сладко для души.

А ты, мой честный труд браня,
Бьешь холостым патроном,
Ты хочешь сделать из меня
Гитару с патефоном.

Тебе бы стих для именин,
Вертляв и беззаботен.
Иди отсюда, гражданин,
И не мешай работе.

1929 или 1930

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки.
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку —
Идет девятнадцатый год.

В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка.
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидела?
Заснеженный, черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон.

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет.

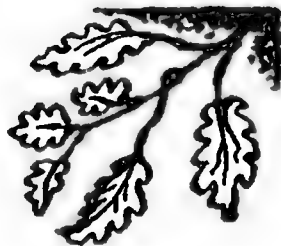
Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четверку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь,—
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет девятнадцатый год.

1939

МЕДАЛЬ

Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,
Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла.

Взгляни — заговорит без слова
Металла трепетный язык.
И воздух города морского,
И над Невой подъятый штык —

Вся бронза дышит, как живая,
В граните плещется река,
И ветер ленты развевает
На бескозырке моряка.

И даль пылает золотая,
И синью светят небеса.
И вдруг, до слуха долетая,
Встают из бронзы голоса:

«Мы так за город наш стояли,
Так эту землю берегли,
Что нынче музыкою стали,
Из боя в песню перешли.

Мы слиты из такого сплава,
Через такой прошли нагрев,
Что стала бронзой наша слава,
Навек в металле затвердев».

Слова уходят, затихая,
В металл, в бессмертье, в немоту,—
И снова, бронзой полыхая,
Игла пронзает высоту.

1944

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит,
Уж бедный мир, забыв свои страданья,
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик, маленький работник мирозданья,
Все трудится, поет, не требуя вниманья,—
Один, на непонятном языке...
О, тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумерках. И возле темных хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда — и крестьяне
С тех пор живут, обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.

А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.

Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколения,
Угрюмый перестраивая мир.

1937

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.

В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет,—

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

СТИРКА БЕЛЬЯ

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.
Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Бьются по ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч.
Отдыхая от потного тела
Домотканой основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.
Я сегодня в сообществе прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не дают лежачих
И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!

1957

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

ДРЕВНЯЯ МЦХЕТА

Мцхета, Мцхета, Грузии основа!
Славлю я приход ее весны,
я по крови ей родня — и снова
розы и знамена внесены.

Здесь мотыга первого грузина
грянула, как первая гроза,
и срослись крест-накрест воедино —
дева и нагорная лоза.

Жар, что нес мой пращур на ладони,
оживлю дыханием одним.
Здесь очаг мой на кремневом склоне.
Здесь огонь. Здесь первозданный дым.

Мы — сыны минувших поколений —
в помыслах бесстрашны и чисты;
как ветвисторогие олени,
мы трубили с этой высоты.

Наше пламя ветер гор колышет,
тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит,
слышен звон меча из-под земли.

И мое, как след резца на камне,
уцелело в бурях бытие:
Мцхета нежной матерью была мне,
да светится сок лозы ее!

Нет реки на белом свете слаще
отчих рек, обетованных мне.
Я — олень, их верный друг, трубящий
с высоты Армази по весне.

1951

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ

Близко города Тамбова,
Недалёко от села,
Комиссара молодого
Пуля-дура подсекла.

Он склонялся,
Он склонялся,
Падал медленно к сосне
И кому-то улыбался
Тихо-тихо, как во сне.

Умирая в лазарете,
Он сказал:
«Ребята... Тут
Есть портрет... Елизавета —
Эту девушку зовут.

Красным гарусом расшитый —
Вот он, шелковый кисет!
Ну, так вы ей... напишите,
Что меня...

в помине нет...»

Мы над ним
Не проронили
Ни единого словца.
Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца.

Но тамбовской ночью темной,
Уцелевшие в бою,
Мы задумались,
И вспомнил
Каждый девушку свою...

1935

П Е Й З А Ж

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг;
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой.
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!

1943

С О В Р Е М Е Н Н И К И

Пусть поют под ногами камня,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень, и пленник,
Полоненный кайенской тюрьмой,—
Все равно это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья
С нетерпением, со смехом, с тоской
Все, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стынут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятеньем берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи!..
И верны и грозе и литью,
На крутых перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

1926, 1937

Ш Л Е М

Есть такие дырявые шлемы,
Как вот этот простреленный твой,
И мальчишки бормочут поэмы
С запрокинутой вверх головой;
Ведь, поверь мне, запомнили все мы
Шлем зеленый с крылатой звездой.

Ты теперь не похож на комбрига,
На тебе пиджачок «Москвошвей»,
Только шлем, как раскрытая книга,
Нам расскажет о жизни твоей.

Ты расстаться с ним, видно, не хочешь,
Ты привык в перестрелках к нему...
Расскажи про ненастные ночи,
Про дороги, бегущие в тьму,

Про сады Бессарабского края!
Слава песни на плавнях жива,
И проходит теперь по Дунаю
Аж до Черного моря молва,

Будто шлем этот был заговорен,
Переплыв берега и плоты,
За лесами, за степью, за морем
Будто шлемом спасаешься ты.

Невысокий седой молдаванин,
Неспокойно ты смолоду жил,—
Расскажи, в скольких схватках был ранен
И от скольких погонь уходил.

Где тебя не видали ребята!..
С самокруткой солдатской в зубах
Плыл Красивою Мечью когда-то,
Побывал и в донецких степях,
Пробирался с бригадой матросской
В тыл врага,— да сочтешь ли бои!
А любил на привалах Котовский
Слушать жаркие песни твои.

Ты сегодня проходишь столицей,
Стынет старая башня в Кремле...

Бьет мороз голубой рукавицей
По кострам, что пылают во мгле.

Но как будто мелькнули в тумане,
Лишь слегка приоткрывшем простор,
Паруса на знакомом лимане,
Словно гребни заоблачных гор.

Далеко до садов Кишинева...
Но ты веришь: растопятся льды,
В отчий край поведет тебя снова
Пятилучье советской звезды.

Начинается тропка лесная...
Побежит вдоль бахчей колея...
На зеленые волны Дуная
Еще выплывет лодка твоя.

И быть может, в избушке крестьянской,
По пути на Красивую Мечь,
Я услышу напев молдаванский —
Память наших скитаний и встреч.

1926, 1948

ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ (ЛЕГЕНДА)

Лишь вечер настанет, дорогой степной
Над берегом конники скачут,
И медные трубы, одна за другой,
То громко смеются, то плачут.

И в долгие летние ночи они
Летят под малиновым стягом
Везде, где сражались в минувшие дни, —
По рыжим степям, по оврагам.

Хоть кони донские всегда хороши,
Но эти — особенной масти,
И песню играет трубач от души
И всем ее дарит на счастье.

И ветру могучих коней не догнать —
Летят по просторам России...
И Первую Конную славят опять
Ее трубачи молодые.

И реют, как птицы, на резком ветру
Пробитые пулями стяги.
И всадники скачут на вечном смотре
По слову военной присяги.

1955

Г Р Е Н А Д А

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях.
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Граматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степами скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинает «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета),—
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала — над переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

В РАЗВЕДКЕ

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-за дымных облаков.

Наши кони шли понуро,
Слабо чуя повода.
Я сказал ему: — Меркурий
Называется звезда.

Перед боем больно тускло
Свет свой синий звезды льют...
И спросил он:
— А по-русски
Как Меркурия зовут?

Он сурово ждал ответа;
И ушла за облака
Иностранная планета,
Испугавшись мужика.

Тихо, тихо...
Редко, редко
Донесется скрип телег.
Мы с утра ушли в разведку,
Степь и травы — наш ночлег.

Тихо, тихо...
Мелко, мелко
Полночь брызнула свинцом,—
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем.

Я сказал ему чуть слышно:
— Нам не выдержать огня.
Поворачивай-ка дышло,
Поворачивай коня.

Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому.

Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
— Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать.

Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,
Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Полночь пулями стучала,
Смерть в полуночи брела,
Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.

Ночь звенела стременами,
Волочились поводья,
И Меркурий плыл над нами —
Иностранная звезда.

1927

ПИРУШКА

Пробивается в тучах
Зимы седины,
Опрокинутся скоро
На землю снега,—
Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусывать
Мирным куском пирога.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая,—

Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Льется полночь в окно,
Льется песня с вином,
И, десятую рюмку
Беря на прицел,
О веселой теплушке,
О пути боевом
Заместитель заведующего
Запел.

Он чуть-чуть захмелел —
Командир в пиджаке:
Потолком, подоконником
Тучи плывут,
Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке,
Пулемет застучал —
Боевой «ундервуд»...

Не уздечка звенит
По бокам мундштука,
Не осколки снарядов
По стеклам стучат —
Это пьют,
Ударяя бокал о бокал,
За здоровье комдива
Комбриг и комбат...

Вдохновенные годы
Знамена несли,
Десять красных пожаров
Горят позади,

Десять лет — десять бомб
Разорвались вдали,
Десять грузных осколков
Застрали в груди...

Расскажи мне, пожалуйста,
Мой дорогой,
Мой застенчивый друг,
Расскажи мне о том,
Как пылала Полтава,
Как трясся Джанкой,
Как Саратов крестился
Последним крестом.

Ты прошел сквозь огонь —
Полководец огня,
Дождь тушил
Воспаленные щеки твои...
Расскажи мне, как падали
Тучи, звеня
О штыки,
О колеса,
О шпоры твои...

Если снова
Тифозные ночи придут,
Ты помчишься,
Жестокие шпоры вонзив, —
Ты, кто руки свои
Положил на Бахмут,
Эти темные шахты благословив...

Ну а ты мне расскажешь,
Товарищ комбриг,
Как гремела «Аврора»
По царским дверям
И ночной Петроград,
Как пылающий бриг,
Проносился с Колумбом
По русским степям;

Как мосты и заставы
Окутывал дым
Полыхающих
Красногвардейских костров,

Как без хлеба сидел,
Как страдал без воды
Разоруженный
Полк юнкеров...

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней...
Выпьем, что ли, друзья,
За семнадцатый год,
За оружие наше,
За наших коней!..

Ноябрь 1927

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепой
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!
1935

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца,—
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

«Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?» —
«Мы сыны батрацкие,
Мы — за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но не даром пролита
Кровь его была.
За кордон отбросили
Лютотога врага.
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».

Тишина у берега,
Смолкли голоса.
Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт,
Знамя Щорса красное
На ветру шумит.

1935

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

— Ребята, — сказал,
Повернувшись к отряду,
Матрос-партизан Железняк, —
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!

Сказали ребята:
— Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк! —
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

1936

Алио Мирцхулава

РОДИНА

Погода солнечная, лётная,
какой простор для силы, мужества!
Над Грузией, как чайка легкая,
моя душа парит и кружится.

Бывало трудное и грустное,
но шел сквозь беды я к победам.
О, если б не любил я Грузию,
я разве мог бы стать поэтом!

Я каждый день живу, как заново.
Мне это душу освящает.
И Октября большое зарево
мою дорогу освящает.

Хочу делиться силой, знанием
и честно всем в глаза смотреть.
Не греться я хочу под знаменем,
а тем же пламенем гореть!

Какие радужные капли,
и где еще найдешь, как эти —
на деревьях и травах Картли,
на виноградниках Кахети!

О сколько лет — дорога славная!
Ничто уже не обратимо.
Стоишь ты, Грузия, как равная
среди республик-побратимов.

Погода солнечная, лётная.
Какой простор для силы, мужества!
Над Грузией, как чайка легкая,
моя душа парит и кружится.

Пусть будет трудное и грустное —
сквозь беды я приду к победам.
О, если б не любил я Грузию,
я смог бы разве стать поэтом?!

Илья Френкель

ДАВАЙ ЗАКУРИМ!

Дует теплый ветер. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то,
Что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

Снова нас Одесса встретит, как хозяев.
Звезды Черноморья будут нам сиять.
Славную Каховку, город Николаев,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то,
Что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

А когда не будет Гитлера в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомни, как на запад шли по Украине,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то,
Что дал мне закурить:
Давай закурим
По одной,
Давай закурим,
Товарищ мой!

1941

Саломея Нерис

МОЙ РЯДОВОЙ

Серые тучи несут нам разлуку,
Серые тучи и пыль над Литвой.
В серой шинели жмешь ты мне руку,
Мой рядовой.

Здесь, на короткой твоей остановке,
Сердце тебе, как цветок, отдаю.
Не расставайся с другом-винтовкой
В смертном бою!

Сколько шинелей серым потоком
Пересекают простор полевой!
Шаг твой я слышу в гуле далеком,
Мой рядовой!

Бледно-зеленым брызнула светом
Вешних берез молодая краса.
Грозно проходят, листвою не одеты,
Строгих винтовок леса.

1941

РОДИНЕ

Ты снишься — сиротой без крова,
В крови, в слезах, в печали...
Я сотни миль пройти готова,
Чтобы узнать — жива ли!

Сады ль твои зарозовели,
Плоды ли рдеют, зрея...
Сквозь ветер, зной, дожди, метели
Приду, приду к тебе я!

Ты озираешься тоскливо,
Твой светлый взгляд печален.
Где города твои, где нивы —
Край пепла, край развалин!

Где лучшие из лучших дети?..
Ты руки заломила.
Дома их разоряет ветер,
Безвестны их могилы.

Как снятся мне твои просторы,
Что всех краев чудесней!..
Вернусь к тебе, родная, скоро
С моею лучшей песней!

1941

СОЛОВЕЙ НЕ ПЕТЬ НЕ МОЖЕТ

Растает снег, и зацветет сирень,
В сирени соловей не петть не может,
Пусть на руинах черных деревень
Обугленные ветки ветер гложет.

Пусть запах пороха в полях пустых
И запах тления нам сердце ранит,—
Возьмемся дружно и засеем их,
И снова родина прекрасной станет.

Пускай дивится долгий летний день
Работе нашей, рук никто не сложит,
Растаял снег, и зацвела сирень,
В сирени соловей не петть не может.

1944

Карло Каладзе

ЦВЕТЫ НА РАЗВАЛИНАХ

В Киеве, на развалинах Крещатика,
посажены цветы.

То глаза блестят от слез?
Нет, не верь глазам, товарищ!
То не искры к нам донес
Дымный ветер от пожарищ.

То не крови ли поток?
Нет, мой друг, не кровь пред нами:
Средь развалин уголок
Засадил народ цветами.

Зыблет ветер их крылом.
И цветок живой смеется
Там, где выгоревший дом
К дому рухнувшему жметя.

Что ж, забыл ли город кровь,
Крик детей и гул пожаров?
Весь в лесах, глядит он вновь
С вышины днепровских яров.

Раны здесь, и раны там,
Дыры черные пробоин,
Но смеющимся цветам
Твердо верь и будь спокоен.

Победивший смерть в бою,
Вот стоит он над рекою,
Скрыв улыбкой боль свою,
Как и следует герою.

Александр Жаров

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ

(ПЕСНЯ)

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Грянем мы дружно
Песнь удалую —
За пионеров
Семью мировую.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело — за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

1922

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...

И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал...
В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:

«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.

Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,—
Он русскою кровью омыт».

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.

Взошел на утес черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

К Л Я Т В А

Мы клятвой едины и волей едины,
Одно в нас стремленье растет:
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Мы сталью орудий, свинцом карабина
Разрушим фашистский оплот.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

На битву могучая вышла дружина —
Великий советский народ.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Одела бронею любимого сына
Страна, посылая в поход.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Позорная ждет лиходея кончина
Повсюду, куда ни шагнет.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Проклятая свастика давит равнины,
Но гадину гнев наш сотрет.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Под знаменем Партии, словно лавина,
Отчизна стремится вперед.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

1941

ПЕСНЯ О ТАЧАНКЕ

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи,—
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!
И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочил из пулемета
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.
И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.

Эх, тачанка-киевлянка,
Наша гордость и краса,
Комсомольская тачанка,
Все четыре колеса!

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.
И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

Петрусь Бровка

ОГОНЕК

В мое сердце навечно те минуты запали,
Как над школою нашей красный стяг подымали.

Днем октябрьским холодным, дождливым и мглистым,
Будто залил все небо он светом лучистым,

Будто в поле рассыпал золотые волокна,
Огоньками зарделся на разбуженных окнах.

Согревая людей, блеск их яркий искрился...
И один огонек в грудь мою закатился.

С той минуты я в жизни покоя не знаю —
Он горит и горит, он все жарче пылает,

Жить зовет с огоньком, с его жаркою хваткой,
А уж если сгореть, так сгореть без остатка!

1957

* * *

Немало годов пролетело.
И новым приходит черед.
О, как бы, признаюсь, хотелось
Мне встретить двухтысячный год!

Явиться полпредом от предков
К потомкам на их торжество.
На зависть своим однолеткам
Дождаться свиданья того.

Мои одногодки, ведь будет
Такой не один среди нас.
Седые, но крепкие люди
Увидят счастливейший час.

Ведь мы преждевременной смерти
Даем от ворот поворот.
О, как бы хотелось, поверьте,
Мне встретить двухтысячный год!

Тот год, небывало крылатый,
В сиянии будущих дней,
Влечет нас не круглою датой,
А новою сутью своей.

Мы даже не в силах представить
(Грядущее краше мечты)
Черты этой солнечной яви,
Земли измененной черты.

Исчезнут пожары и взрывы,
Что шар истерзали земной.
Свободно вздохнет он, счастливый,
Увенчанный голубизной.

Из космоса, как на экране,
Пилоты увидят вдали
Знамен победивших багрянец,
Здоровый румянец земли.

Узнают и малые дети,
Чем жил нестареющий век.
По многим мирам межпланетья
Ты гордо пройдешь, человек!

Но ты не забудешь, я знаю,
Средь новооткрытых светил,
О тех, кто, борясь и мечтая,
Дорогу тебе проложил.

Кто жил и творил неустанно
С винтовкой и книгой в руке,
Питаясь осьмушкой овсяной,
Живя на голодном пайке.

Кто, ленинской волей ведомый,
В сознанье своей правоты,
Построил заводы и домны,
Целинные поднял пласты.

Кто шел сквозь лишения и войны
И слышал грядущего зов.
Наследники, будьте достойны
И дедов своих, и отцов!

Мы вместе орбиты прочертим,
Мы вместе продолжим полет.
О, как бы хотелось, поверьте,
Мне встретить двухтысячный год!

1962

КАПЛЯ КРОВИ

Не знаю целебней слова, чем слово простое: «Живи!»
О капля солдатской крови в моей и твоей крови!

Кто силу ее и тяжесть измерить и взвесить мог?
О капля солдатской крови, упавшая на песок!

Та капля в разгаре боя порою и не видна...
Но сколько живых от смерти сумела спасти она!

Бесценная капля входит, для мира бессмертной став,
В железобетон плотины, в космический стойкий сплав.

Она в поколение новом — у наших детей в крови.
Она в дубраве и ниве приказывает: «Живи!»

Окрашивает знамена, с которыми в битву шли,
Солдатская капля крови — спасительница земли.

1965

В ШИНЕЛЬ БЕССРОЧНУЮ ОДЕТЫЙ...

На площади — и в пору лета,
И в листопад, и в снегопад —
Под знаменем у сельсовета
Стоит он, держит автомат.

Шумят хлеба на поле бранном,
Войне давно пришел конец.
Домой вернулись ветераны,
Чего же медлишь ты, боец?

Я терпеливо жду ответа.
Да, ты устал, твой шаг тяжел.

Но ты дошел до сельсовета,
А что ж до хаты не дошел?

Тоскует мать, глядит украдкой
На дверь — все ждет, что постучишь...
А ты, накрывшись плащ-палаткой,
На гулкой площади стоишь.

Ты, как над бруствером окопа,
Поднялся в рост, в дыму, в пыли,
Не сняв сапог, что пол-Европы
Неутомимо обошли.

А дома полечил бы раны,
Они ведь с той поры болят...
Вдруг слышу, из-под каски глянув,
Мне тихо говорит солдат:

— До материнского порога
Я не дошел и не дойду.
В моей душе живет тревога,
Хочу предотвратить беду.

На пьедестале, как в дозоре,
Стою, и вижу я вдали
Разрывы бомб, разливы горя,
Безлюдье выжженной земли.

Чтоб здесь не повторилось это,
Чтоб всюду пламя улеглось,
В шинель бессрочную одетый,
Я — начеку. Уж так пришлось...

Прошу у матери прощенья,
Но, став на эту высоту,
Я принял твердое решение —
Навек остаться на посту.

1972

Леонид Мартынов

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотопляемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданьях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших.

Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немые.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколенья.

1954

* * *

О годовщины,
Годовщины,
Былые дни!
Былые дни,
Как исполины
Встают они!
Мы этих дней не позабыли,
Горим огнем
Тех дней, в которые мы жили
Грядущим днем.

И в час,
Когда опять двенадцать
На башне бьет,
Когда дома уже теснятся,
Чтоб дать проход
Неведомым грядущим суткам,
Почти мечтам,
Вновь ставлю я своим рассудком
Всё по местам.

Да,
Он назад не возвратится —
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,
Чтоб никогда мы не забыли,
Каким огнем
Горели дни,
Когда мы жили
Грядущим днем.

1955

Э Х О

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту

В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах,
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо!
Очевидно, такая эпоха.

1955

ЛЮДИ

Люди,
В общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.

Люди
Многое выносят:
Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают,
Но уж если взрыв за взрывом,—
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.

Люди,
В общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилия
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счета.
Не по людям их работа!

Люди,
В общем,
Мало верят
В заклинанья, в пентограммы,
А своею меркой мерят

На фунты и килограммы,
И на ярды, и на метры.
Счет иной еще не начат.

Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!

1958

О Р Л Е Н О К

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Орленок, орленок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орленок, орленок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело.
Меня называли орленком в отряде,
Враги называли орлом.

Орленок, орленок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орленок, орленок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята —
И жизнь возвратится ко мне.

Орленок, орленок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна!

1936

П О Р О Х

Придет пора — заплесневает порох,
Исчезнут деньги — зависти исток,
Исчезнут даже люди, для которых
Придуман смертоносный порошок.

Наступит день — и мой великий правнук
Закончит дело, начатое мной,
И наших дней торжественную правду
Он назовет последнею войной.

Не зная, как на поле битвы горек
Вкус бьющей горлом крови и слюны,
Он подойдет бесстрашно, как историк,
К неповторимым ужасам войны.

Все это взяв частицей пережня,
На коем мир спокойствие воздвиг,
Он все сегодня созданное мною
Использует как первый черновик.

Наступит день — и труд мой как основа
Понадобится будущим векам.
Я мысль свою, заверстанную в слово,
Как эстафету в беге передам.

Двадцатый век идет в военных сборах,
С оружием мы на рубежах стоим...
Придет пора...

Но нынче нужен порох.
Сегодня он еще необходим.

1934

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не трусил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!»
Молил медлительную: «Скорей!..»

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся,— писал,— жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
 мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был орлом я,—
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?
 Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль замела мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть на друзей у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

ДРУГУ

А. А.

Друг, не горюй, что рано мы уходим.
Кто жизнь свою, скажи, купил навек?
Ведь годы ограничены той жизнью,
Которую избрал сам человек.

Не время меж рождением и смертью
Одно определяет жизни срок,—
Быть может, наша кровь, что здесь прольется,
Прекрасного бессмертия исток.

Дал клятву я: жизнь посвятить народу,
Стране своей — отчизне всех отчизн.
Для этого, хотя бы жил столетья,
Ты разве бы свою не отдал жизнь?!

Как долгой ночью солнечного света,
Так жду в застенке с родины вестей.
Какая сила — даже на чужбине —
Дыханье слышать родины своей!

Чем, шкуру сохранив, забыть о чести,
О, пусть я лучше стану мертвецом!
Какая ж это жизнь, когда отчизна,
Как Каину, плюет тебе в лицо!

Такого «счастья» мне совсем не надо.
Уж лучше гибель — нет обиды тут!
Не стану чужаком в краю родимом,
Где даже мне воды не подадут.

Мой друг, ведь наша жизнь — она лишь искра
Всей жизни родины — страны побед.
Пусть мы погаснем — от бесстрашной смерти
В отчизне нашей ярче вспыхнет свет.

И этой смертью подтвердим мы верность,
О смелости узнает вся страна.
Не этими ли чувствами большими,
О друг мой, наша молодость сильна?!

И если молодости ствол подрубят,
В народе корни не исчезнут ввек.
И скажут юные:
— Вот так, отважно,
Смерть должен встретить каждый человек!

Октябрь 1943

ПЕРЕД СУДОМ

В день суда нас вывели из камер,
Выстроили на пустом плацу.
Солнце затянулось облаками:
Солнцу суд позорный не к лицу.

Видно, не росой трава умылась,
А слезами горькими земли.
Лес и взгорья, впавшие в немилость,
Спрятались, в густой туман ушли.

Холодно. Одни босые ноги
Чувствуют сырой земли тепло.
Мать-земля за сыновей в тревоге,
Греет нас и дышит тяжело.

Не горюй, земля, — не задрожим мы
До тех пор, пока ты носишь нас,
Именем страны, которой живы,
Поклянемся мы и в смертный час.

Вот и судьи, с мокрыми носами,
С красными глазами, говорят.
Не они нас судят — нет, мы сами
Громко обвиняем всех подряд.

Пусть палач топор свой точит медный,
Пусть в собачьей радости рычит.
Наше слово, наш ответ последний
Громогласно в зале прозвучит.

День придет, и всех народ осудит,
И в решение грозного суда
Песня окровавленная будет
За меня возмездьем навсегда!

1943

Самед Вургун

АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издалека выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.

Можно ль душу из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака,
Над тобою без счета промчались века,
От невзгод поседела твоя голова...
Как ты много терпела — и снова жива.

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя.
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит,
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полуночные горы ведут разговор...

Можно ль мать у ребенка украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись все города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные перышки уток блестят...
Пусть влюбленные путники нас навестят,
В Шемахе и в Шамхоре пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!

Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегают олень, олененок вослед,
И зовет, и под камнем находит приют,
А быки на эйлагах молчат и жуют...

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Пред тобой Астара, пред тобой Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вышли на волю из рук палача!

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов.
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матушки старой моей.

В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны,
И амбары колхозные хлебом полны,
Белый хлопок сияет, как снег на горах,
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино,
Будет силою все твое тело полно!
Сила солнца — наш верный союзник в борьбе.
На работе она да поможет тебе!

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Капеза, где холод остер.
Погляди на Гей-Гёль, королеву озер!

О страна моя, родина музыки — ты!
Твои песни как летом плоды налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки — тысячи наших сердец,
В каждом малом селе есть любимый певец.

Не умрет Насими, не умрет Физули —
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды, мерцают вдали...

Но родится здесь много таких, как они,
Это — близкие, это — земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

1935

БАНКЕТ

Готические, стрельчатые арки,
Гербы и алебарды без числа.
Струится свет, бескровный и неяркий,
В огромные, как башни, зеркала.

На мраморных полях — богатства мира,
Ковры невыразимой красоты.
Ковроткачихи древнего Кашмира
Здесь огненные выткали цветы.

Огонь из мрака высекла индуска.
На этих кровью крашенных коврах
Жмет руки нам и, усмехаясь тускло,
За нами наблюдает зоркий враг.

Их много — важных заправил из Сити.
Нетрудно их намеренья постичь,
Когда, желудки медленно насытив,
Произнесут витиеватый спич.

И кажется, что в редкостные вина
Кровь чернокожих медленно течет,
Что всей планеты нашей половина
Здесь миллиардный предъявляет счет.

А нам — внимание! Нам почет особый!
Нас, делегатов мира и труда,
Знатнейшие приветствуют особы,
Нас вражеская чествует орда,

Так льстиво изгибаясь, так искусно
Повадку волчью спрятав под крахмал...
Не может быть, чтобы игры их гнусной
Советский человек не понимал!

Перед коварным мертвенным оскалом
Мне стало тошно. Друг, не обессудь,—
Мне хочется не чокнуться бокалом,
А все вино в лицо ему плеснуть!

И вот подходит сухонькая леди,
С ней рядом муж, сам Эрчилл. Это он
Готов к дипломатической беседе,
Поддерживает легкий, светский тон.

Стоит кабан, расставил ноги, тучный,
Разглядывает, лоснится в жиру,
Густые брови сдвинул и беззвучно
Вдруг усмехнулся, дьявол, не к добру.

— Баку! Баку! — Он процедил сквозь зубы,
И дрогнула слегка густая бровь.
А у меня по жилам, как сквозь трубы,
Бьет огненная нефтяная кровь!

— Да, я — бакинец — на твоём пути!
Да, я — наследник двадцати шести!
Ты помнишь все, конечно, старый дьявол!
Так пристальней, пожалуйста, гляди!

...Мы разошлись, налево и направо.
Клокочет ярость у меня в груди.

1950

Семен Кирсанов

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Наши части отошли
к лесу после боя;
дорогую горсть земли
я унес с собою.

Мина грохнулась, завыв,
чернозем вскопала;
горсть земли — в огонь и взрыв —
около упала.

Я залег за новый вал,
за стволы лесные,
горсть земли поцеловал
в очи земляные.

Положил в платок ее
холщевóй, опрятный,
горстке слово дал свое,
что вернусь обратно;
что любую боль стерплю,
что обиду смою,
что ее опять слеплю
с остальной землею.

1941

О НАШИХ КНИГАХ

По-моему,
пора кончать скучать,
по-моему,
пора начать звучать,
стучать в ворота,
мчать на поворотах,
на сто вопросов
строчкой отвечать!

По-моему,
 пора стихи с зевотой,
с икотой,
 рифмоваться неохотой
из наших альманахов
 исключать,
кукушек хор
 заставить замолчать
и квакушку
 загнать в ее болото.
По-моему,
 пора сдавать в печать
лишь книги,
 что под кожей переплета
таят уменье
 радий излучать,
труд облегчать,
 лечить и обучать,
и из беды
 друг друга выручать,
и рану,
 если нужно,
 облучать,
и освещать
 дорогу для полета!..
Вот какая нам предстоит гигантская работа.

1953

Б Е З Н А З В А Н И Я

В почетном карауле
Стояли комсомолки.
Вздохнули...
Приумолкли.

И лишь одна девчонка
С замысловатой стрижкой
Была спокойна слишком:
Конечно, жаль солдата,
Погибшего за нас,
Но он погиб когда-то,
А мы живем сейчас...
Как видно, ей казалось —
При чем же здесь она?!
Ее же не касалась
Далекая война...

Ей погрузить бы малость,
Погоревать бы малость,
Молчание храня,
Молчание храня
У Вечного огня.

МАТЬ

Толпы с поезда. Ну и народ! Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
— Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
«Мне б Петрушу...» — Которого это? — «Сынка...»

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики — смех:
— Это что ж за петрушка такая? — «Начальник он...»
— Тут начальников много... — «Так мой — выше всех».

Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот, шибаящий в пот.
Вдруг один кучерок как смекнет да как вспомнит,
Что начальник строительства —
Правильно — Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено — в ноги. Кнут — в руки:
«Садитесь, мамаша!..»

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!
Ворона кобылка, пластайся вразлет!
Обернется, башкой помотает — и верит,
И — не верит.

А бабушка носом клюет.
Кацавейка на ней не по-летнему — ватная.
Ишь! — горбатая... Ишь! — неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

У начальника в комнате
Карты висят...
На кровати начальника — простыни взрыты.
Шторы — настезь,
И солнце —
По всем косякам,

Книгам, стеклам, приборам...
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам.
Крепкий, свежий, еще не успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:
«Мамашу — в порядке довез...»

А за возчиком,
В белом платочке и валенках,
Что-то давнее-давнее — и не узнать...
Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспомнил. «Маменька!»
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный! Я — мать...»

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком.
Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством — речкой, репейниками, молоком,
Молодыми рябинами над оградами,
Рубашонкой в заплатах, сестренкой в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала, — приляг. —
Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую, — до бровей...
— Самоварчик?

У нас, понимаешь ли, чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.
Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила.
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.
Ты посмотришь, чего мы настроили... Дела ж
До сих пор полон рот — и какие дела!
Покатаемся? Хочется? —
«Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?

Вышло так, что мамашу его хоронили
Всем строительством, всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу,—
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг!
Тихо, тихо прошел в голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным «фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный,
Равномерно работает
Химкомбинат.
Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках платочки
Весенних цветов...
...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи — у дороги — песочек.
Бабий голос — еще молодой — одинок...

Сын приехал
С уральских заводов,

Вальцовщиком,
Прогармонил недельку —
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь, догнивает под дождиком
Ощетиненный, малоколосистый сноп...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И смылся сынок.

А она — со скотом — поднимается раненько,
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта,
Израненный.
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей...

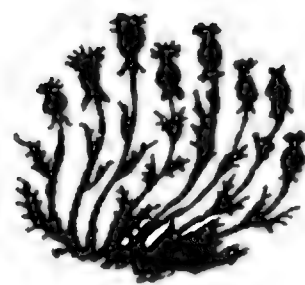
...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха,
У пионерлагерей.
Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...

Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника, большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
Ни хворь, ни усталость...

Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать неимущих,
Всех, кто новым и властным хозяином встал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал»!

1933

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идет,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встает.

Горячее и бравое,
бодрит меня,
страна встает со славою
на встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
и ты улыбнешься друзьям,
с которыми труд, и забота,
и встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскою заставою,
в громах, в огнях,
страна встает со славою
на встречу дня.

И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдешь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодежь.

И в жизнь вбежит оравою,
отцов сменя.
Страна встает со славою
на встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
когда барабанщики бьют:
за нами идут октябрюта,
картавые песни поют.

Отважные, картавые,
идут, звеня.
Страна встает со славою
на встречу дня.

Такою прекрасною речью
о правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
когда, звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

1931

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Я нюхал казарму, я знаю устав,
я жизнь проживу по уставу:
учусь ли, стою ль на посту у застав —
везде подчинен комсоставу.

Горит надо мною штыка острие,
военная дует погода,—
тогда непосредственное мое
начальство — товарищ комвзвода.

И я, поднимаясь над уймой забот,
я — взятый в работу крутую —
к тебе заявляюсь, товарищ комвзвод,
тебе обо всем рапортую.

И, помня наказ обстоятельный твой,
я верен, как пули комочек,
я снова в работе, боец рядовой,
товарищ, поэт, пулеметчик.

Я знаю себя и походку свою,
я молод, настойчив, не робок,
и если погибну, погибну в бою
с тобою, комвзвода, бок о бок.

Восходит сияние летнего дня,
хорошую красит погоду,
и только не видно тебя и меня,
товарищей наших по взводу.

Мы в мягкую землю ушли головой,
нас тьма окружает глухая,
мы тонкой во тьме прорастаем травой,
качаясь и благоухая.

Зеленое, скучное небытие,
хотя бы кровинкою брызни;
достоинство наше — твое и мое —
в другом продолжении жизни.

Все так же качаются струи огня,
военная дует погода,
и вывел на битву другого меня
другой осторожный комвзвода.

За ними встревожена наша страна,
где наши поля и заводы:
затронута черным и смрадным она
дыханьем военной погоды.

Что кровно и мне и тебе дорога,
сиреной приглушенно воя,
громадною силой идет на врага
по правилам тактики боя.

Врага окружая огнем и кольцом,
медлительны танки, как слизи,
идут коммунисты, немея лицом, —
мое продолжение жизни.

Я вижу такое уже наяву,
хотя моя участь иная, —
выходят бойцы, приминая траву,
меня сапогом приминая.

Но я поднимаюсь и снова расту,
темнею от моря до моря,
я вижу земную мою красоту
без битвы, без крови, без горя.

Я вижу вдали горизонты земли —
комбайны, качаясь по краю,
ко мне, задыхаясь, идут...
Подошли.
Тогда я совсем умираю.

1932

ЗОДЧИЕ

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель,—
Гласит летописца сказанье,—
В память оной победы
Да выстроят каменный храм!

И к нему привели
Флорентинцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Статных,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце.
Был дух вельми спертый.
Израцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Перед Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

— Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю? —
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!

Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.

Государь приказал.
И в субботу на вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера заплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху,
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была!

Был диковинный храм
Богомазами весь размадеван,
В алтаре,
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
— Покажи, чем живешь! —

Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,
Становясь на правеж.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды,
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту,—
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни:
— Лепота! — молвил царь.
И ответили все: — Лепота!

И спросил благодетель:
— А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю? —
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли,
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!» —
Мастера христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь
Такая,
Что словно приснилась,
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры!

1938

РОДИНА

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непчатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глазаея,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни:
Все это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

КОЛОКОЛ

В колокол, мирно дремавший,
тяжелая бомба с размаха
грянула...

А. К. Толстой

В тот колокол, что звал народ на вече,
Вися на башне у кривых перил,
Попал снаряд, летевший издалече,
И колокол, сердясь, заговорил.

Услышав этот голос недовольный,
Бас, потрясавший гулкое нутро,
В могиле вздрогнул мастер колокольный,
Смешавший в тигле медь и серебро.

Он знал, что в дни, когда стада тучнели
И закрома ломились от добра,
У колокола в голосе звенели
Малиновые ноты серебра.

Когда ж врывались в Новгород соседи
И был весь город пламенем объят,
Тогда глубокий звон червонной меди
Звучал, как ныне... Это бил набат!

Леса, речушки, избы и покосцы
Виднелись с башни каменной вдали.

По большакам сновали крестоносцы,
Скот уводили и амбары жгли...

И рухнули перил столбы косые,
И колокол гудел над головой
Так, словно то сама душа России
Своих детей звала на смертный бой!

30 августа 1942

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

5 сентября 1942 г

ОГОНЕК РЕВОЛЮЦИИ

Одинокий, он долго не гас по ночам
В шалаше, что на срок приютил Ильича.
А вокруг камыши да леса — глухомань,
Дремлет тихо Разлив, от луны величав.

Днем встречали луга Ильича-косаря.
Миновала опасность, вставала заря,
Он склонился над книгой, он что-то писал,
Отдыхал, революции силу творя.

Быстро, нервно бежит по бумаге перо,
Видно, спор разгорается круто, остро.
Ничего, что вся мебель — пенек да чурбак,
Только вот комары докучают порой.

Думы, думы... И складка легла меж бровей.
Соскользнуло пальто. Стынут росы в траве.
Революции путь, неизведанный путь
Обретал очертанья в его голове.

В шалаше огонек одинокий не гас,
Лес его укрывал от пронырливых глаз.
Видал Ленин и утро и яркое солнце,
Что затмить попытались «герои на час».

Одинок огонек, а в Разливе светлей,
Света он не жалел, пробуждая людей.
От него на века зажигались тогда
Все огни, что горят над Отчизной моей.

Анатолий Кудрейко

МОИ КОЛОСЬЯ

На Волгу, станется, поеду,
туда, где ранен, стыл в бреду,
и по проложенному следу
я в полдень в поле побреду.

Мне кажется, я разрыдаюсь,
когда, касаясь щек и лба,
на грудь, на шею мне кидаясь,
со мной заговорят хлебá.

Не я бросал здесь в землю зерна,
а вот стоят, как сыновья,
хлебá, в чьи крохотные корни
вошла весною кровь моя!

1943

З Е М Л Я

Осенний путь... Осенний ржавый шлях!
Как мертвецы, снопы лежат в полях,
Продрогший куст под ветром облетает.
Столбы высоки, облака низки,
И холодок тревоги и тоски
В моем притихшем сердце нарастает.
О, как дрожат под ветром провода,
Как дребезжат прерывисто и длинно,
Как солнце падает, как будто навсегда,
За черный горизонт твой, Украина!

Грузовики гремят не в первый раз,
Не в первый раз проходит мгла у глаз.
Не в первый раз доносит запах дыма
Недальнего пожара... Не впервой
Летает смерть над нашей головой
И, не найдя нас, пролетает мимо.
Но сердце никогда в груди моей
Так не дрожало... Нас везет машина
Последнею дорогою твоей,
Твоей землей последней, Украина!

Я знал тебя с младенческих годов.
Я отдыхал в тени твоих садов.
Любил с тобой встречаться на рассвете.
Тропинка шла хлебами напрямик,
Туда, где трепетал степной родник,
Попавший рыбкой в солнечные сети.
В предутреннем сиянии над ним
Склонялась многолетняя калина,
И в небо тихо подымался дым
Твоих селений мирных, Украина!

Далекie безоблачные дни!
Мне вдруг так ясно вспомнились они
Под рев грузовика, буксующего в луже,
И виделся любимый образ мне,
Неуловимый, зыбкий, как во сне,
Наперекор ветрам и едкой стуже.
Я вылез и на борт налег плечом.
Пристали к борту чернозем и глина.

Ревел мотор. Так в поле под дождем
Прощался я с тобою, Украина!

Машины грузно двинулись, пошли.
Нагнувшись, я поднял комок земли,
Исхлестанный осенними дождями.
Он тяжело холодел в моей руке,
Как сердце без кровинки... Вдалеке
Пожар высокий задрожал за нами.
И вздрогнул я, услышавши гудок,
И побежал — меня ждала машина,—
Но я не бросил наземь тот комок
Твоей земли озябшей, Украина!

В нем все, что остается мне от дней
Степной и вольной юности моей;
В нем память про цветенья молодое,
Про степи, розовые поутру,
Про старый куст, шумящий на ветру,
Склонившийся над светлою водою
Минувшего... Земли сырой комок!
Пускай же в нем сольются воедино,
В один живой, неистовый поток
Моя печаль и гнев мой, Украина!

Я пронесу его сквозь все бои,
Как... кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольется с ним навеки.
Теперь он всю мою судьбу хранит,
Как пепел Клааса, в сердце мне стучит
И в снах бурлит, как в половодье реки.
Он поведет меня в моей борьбе.
Пройдет в походах трудная година,
Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

А если я в сражение упаду
На мерзлую седую борозду,
Раскинув руки, точно для объятья,
И если меж холмов земли немой
Мой миг последний встретится со мной
И не смогу ни мыслить, ни дышать я,
Пусть родина тогда, склонясь ко мне,
Сорвав ремни, найдет на сердце сына
Твой не сгоревший ни в каком огне
Комок земли горячей, Украина!

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Навсегда ли погасли глаза
Молодого лихого арата?
И родители ждут, и друзья —
И никак не дождутся солдата...

На Украине дружеской — там,
Где окончился путь твой солдатский,
Головою к тувинским хребтам
Ты в могиле покоишься братской.

Город Ровно тебя приютил,
По тебе украинки рыдают.
И венки у солдатских могил
Полыхают и не увядают.

У ограды не вянут цветы,
Имя Родины врезано в камень,
Под которым останешься ты
Навсегда с боевыми дружками.

Ты врага переспорил в бою,
Имя предков навеки прославил.
Охраняем мы славу твою,
Ту, которую внукам оставил.

1945

ОКТАБРЬСКАЯ ЗАРЯ

Вот уж сорок весен и лет
Освещает нас ленинский свет.
Ильичевой ладони тепло
По-отцовски на плечи легло.
С русским братом победным путем
Мы к вершинам счастливым идем.

Брось на земли целинные взгляд —
В мире нету весомей красы:
Казахстанских степей миллиард
Распушил золотые усы.
Собирают его на полях
Украинец, москвич и казах.

Я бывал на вершинах крутых.
Хоть оттуда полмира видать,
Но отары просторов степных
Не сумел я один сосчитать.
День и ночь берегут чабаны
Шерсть и мясо — богатство страны.

Зорким оком окинувши даль,
Мне богатств твоих сроду не счесть.
Жаркий уголь и твердая сталь
У тебя, наша родина, есть,
И шумит над тобой, Казахстан,
Черной нефти кипящий фонтан.

Подняла нашу силу и дух
Нашей партии сильной рука.
В академики вышел пастух,
Стал писателем сын батрака.
И к вершинам культуры идет
Вслед за партией нашей народ.

Мудрой партии — слава и честь!
Сыновья казахстанских степей
Всем прекрасным, что было и есть,
Бесконечно обязаны ей.
Повторяй же, мой искренний стих,
Имя Ленина в строках своих!

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Хорошо на московском просторе!
Светят звезды Кремля в синеве.
И как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.
Нас веселой толпой окружила,
Подказала простые слова,
Познакомила нас, подружила
В этот радостный вечер Москва.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

Не забыть мне очей твоих ясных
И простых твоих ласковых слов,
Не забыть мне московских прекрасных
Площадей, переулков, мостов.
Скоро встанет разлука меж нами,
Зазвенит колокольчик: «Прощай!»
За горами, лесами, полями
Ты хоть в песне меня вспоминай.

Волны радио ночью примчатся
Из Москвы сквозь морозы и дым.
Голос дальней Москвы мне казаться
Будет голосом дальним твоим.
Но я знаю, мы встретимся скоро,—
И тогда, дорогая, вдвоем
На московских широких просторах
Мы опять эту песню споем.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

1940—1941

Николай Рыленков

* * *

Куда ни посмотришь — родные,
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.

Не ты ли меня окружила
Простором лугов и полей,
Не ты ли меня подружила
С задумчивой музой моей!

Не ты ль полновесного слова
Открыла мне все закрома...
Я знаю — за это сурово
С меня ты и спросишь сама!

Не раз к твоему придорожью
Приду я от песенных рек,
Чтоб даже нечаянной ложью
Тебя не унижить вовек.

Так спрашивай строже — отвечу
За все: за подруг и друзей,
За самую краткую встречу
С задумчивой музой моей,

За песни, которым впервые
Внимают родные края...
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

1958

НАДПИСЬ НА СТАРИННОЙ КНИГЕ

Сильней мечей и стрел, необоримей стен,
С высот на дольний мир взирающих надменно,
То слово, где живой огонь запечатлен,
Чтоб сделать явным все, что было сокровенно.

СОЛДАТЫ ВОЛХОВА

Мы не верим, что горы на свете есть,
Мы не верим, что есть холмы.
Может, с Марса о них долетела весть
И ее услышали мы.
Только сосны да мхи окружают нас,
Да болота — куда ни глянь.
Ты заврался, друг, что видал Кавказ,
Вру и я, что видал Тянь-Шань.

Мы забыли, что улицы в мире есть,
Городских домов этажи,—
Только низкий блиндаж, где ни встать ни сесть,
Как сменился с поста — лежи.
А пойдешь на пост, да, не ровен час,
Соскользнешь в темноте с мостков —
Значит, снова по пояс в грязи увяз,
Вот у нас тротуар каков.

Мы не верим, что где-то на свете есть
Шелест платья и женский смех,—
Может, в книжке про то довелось прочесть,
Да и вспомнилось, как на грех.
В мертвом свете ракеты нам снится сон,
Снится лампы домашний свет,
И у края земли освещает он
Все, чего уже больше нет.

Мы забыли, что отдых на свете есть,
Тишина и тенистый сад,
И не дятел стучит на рассвете здесь —
Пулеметы во мгле стучат.
А дождешься, что в полк привезут кино,—
Неохота глядеть глазам,
Потому что пальбы и огня давно
Без кино тут хватает нам.

Но мы знаем, что мужество в мире есть,
Что ведет нас оно из тьмы.

И не дрогнет солдатская наша честь,
Хоть о ней не болтаем мы.
Не болтаем, а терпим, в грязи скользя
И не веря ни в ад, ни в рай,
Потому что мы Волховский фронт, друзья,
И на фронте — передний край.

Июнь 1943

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ

Если — в самые разные сроки —
Ты ни разу не сдался в бою,
То сойдутся в одно твои строки
И составят поэму твою.

Пусть теперь, через многие лета,
Ищешь ты отпущенья грехов, —
Лебединая песня поэта
Начинается с первых стихов.

1963

МОЯ СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

Я шинелью во сне укрываюсь —
Так тепла, и мягка, и плотна.
А когда на врага я бросаюсь,
Превращается в крылья она.

Пусть войною ее опалило,
В ней прошёл я сквозь море огня.
Мне Отчизна шинель подарила,
Окрылила, как сына, меня.

ПОБЕДА

Я ждал тебя не как влюбленный
Подругу ждет — придет ли, нет...
Я ждал тебя, как сад бессонный
Ждет на заре, чтоб хлынул свет.

Я шел к тебе, нетерпеливый,
И под собой не чуял ног.
Навстречу полыхали нивы,
И месяц заносил клинок.

Мне заступали путь руины
И горе разрывало грудь...
Я шел к тебе, и путь был длинный,
Но не хотел я отдохнуть.

Пришла, как в небо голубое
Приходит солнышко весной,
И смолк далекий грохот боя,
Запели птицы надо мной.

Мне столько слов сказать хотелось!
Но слезы хлынули из глаз,
Впервые изменила смелость,
И робок был я в этот час.

И столько чувств во мне боролось!..
Я слышал в имени твоём
И детский смех, и женский голос,
И радостных салютов гром.

1945

ПУТЬ МОИХ САПОГ

Стоит только на подметки мне взглянуть,
Я припомню каждый шаг и каждый день.
Сапоги мои прошли немалый путь
Через сотни городов и деревень.

На Кавказе добрый мастер вас подбил —
Вы до Киева дошли через Донбасс.
Вас ни холод, ни мороз не устрасил,
Ни ненастья, ни дожди не брали вас.

Белорус зимой поставил латки вам —
И на Одер через Польшу вы пошли.
Не страшна была зима моим ногам —
Вы согрели их теплом родной земли.

Врассыпную разбегались враги —
Так, что ноги оставляли в сапогах...
А мои вперед стремились сапоги —
И взвился над вражьим станом алый флаг!

Возвратился я с победой в дом родной.
Пыль походную стряхнул с моих сапог,
Снял, почистил их заботливой рукой
И поставил осторожно в уголок.

1946

Ольга Берггольц

* * *

Не утаю от Тебя печали,
так же как радости не утаю.
Сердце свое раскрываю вначале,
как достоверную повесть Твою.

Не в монументах и не в обелисках,
не в застекленно-бетонных дворцах —
Ты возникаешь невидимо, близко,
в древних и жадных наших сердцах.

Ты возникаешь естественней вздоха,
крови моей клокотанье и тишь,
и я Тобой становлюсь, Эпоха,
и Ты через сердце мое говоришь.

И я не таю от Тебя печали
и самого тайного не таю:
сердце свое раскрываю вначале,
как исповедную повесть Твою...

1937

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невядалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист, —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятение
ты сама себя не узнаешь.
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

I

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова —
я тоже ленинградская вдова.

Мы съели хлеб,
 что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...
И стыли ноги, и томила свечка.
Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.
Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
за много верст, в густой туманной мгле,

в глуши слепых, обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин.
Свистят снаряды, свирепеет стужа...
— Товарищи, мы в огненном кольце.

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтинское кладбище везет.

Везет, качаясь,— к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!

Провозят ленинградца,
погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на Охтинском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли и душа горит.

Уже страданьям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.

Но мы в конце тернистого пути
и знаем — близок день освобождения.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце, во мраке, в голоде, в печали
мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем,
мы этот день уже завоевали.

IV

Враги ломились в город наш свободный,—
крошились камни городских ворот...
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем,
но Красный Питер
не сдадим!..

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем...
— Ты сдашься, трусишь,— бомбы нам кричали,—
забьешься в землю, упадешь ничком!
Дрожа, запросят плена, как пощады,
не только люди — камни Ленинграда!

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день,
и, радуясь, спеша,
еще печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданье,
лицом к восходу солнца самого,
поставим мраморное изваянье
простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
так, как стоял, держа неравный бой:
с закинутою к небу головой,
с единственным оружием — лопатой.

V

О древнее орудие земное,
лопата,
верная сестра земли!
Какой мы путь немыслимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли.

Мне и самой порою не понять
всего, что выдержали мы с тобою...
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны,
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами,— не поверит,
что в сотни раз почетней и трудней
в блокаде, в окруженье палачей
не превратиться в оборотня, в зверя...

.

VI

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.
И не хваюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
достойно не воспетое пока, —
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака;
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить,

когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни, будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,

основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,

как Труженик,

как Воин!

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,

счастливым, щедрым днем,—
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.
Мы выйдем без цветов,

в помятых касках,
в тяжелых ватниках,

в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.

И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венок в обугленных руках.

Январь — февраль 1942

НАКАНУНЕ

...Запомни эти дни.

Прислушайся немного,
и ты — душой — услышишь в тот же час:
она пришла и встала у порога,
она готова в двери постучать.

Она стоит на лестничной площадке,
на темной,
на знакомой без конца,
в солдатской рваной, дымной плащ-палатке,
кровавый пот не вытерла с лица.

Она к тебе спешила из похода
столь тяжкого,
что слов не обрести.
Она ведь знала: все четыре года
ты ждал ее,
ты знал ее пути.

Ты отдал все, что мог, ее дерзанию:
всю жизнь свою,
всю душу,
радость,
плач.

Ты в ней не усомнился в дни страданья,
не возгордился праздно в дни удач.
Ты с этой самой лестничной площадки
подряд четыре года провожал
тех — самых лучших,
тех, кто без оглядки
ушел к ее бессмертным рубежам.
И вот — она у твоего порога.
Дыханье переводит и молчит.
Ну, день, ну, два, еще совсем немного,
ну, через час — возьмет и постучит.

И в тот же миг серебряным звучаньем
столицы позывные запоют.
Знакомый голос вымолвит:
«Вниманье...» —
а после трубы грянут и салют,
и хлынет свет,
зальет твою квартиру,
подобный свету радуг и зари,
и всею правдой,
всей отрадой мира
твое существованье озарит.

Запомни ж все.
Пускай навеки память
до мелочи, до капли сохранит

все, чем ты жил,
 что говорил с друзьями,
все, что видал,
 что думал в эти дни.

Запомни даже небо и погоду,
все впитывай в себя,

 всему внимли:
ведь ты живешь весной такого года,
который назовут — Весной Земли.

Запомни ж все! И в будничных тревогах
на всем чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоём пороге.
Сейчас она войдет к тебе.
 Встречай!

3 мая 1945

* * *

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет —
любви обманутой, больной,
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,

 всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,

 начать весь путь.

И так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

1962

Александр Твардовский

БОЙ В БОЛОТЕ

(ИЗ КНИГИ ПРО БОЙЦА
«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»)

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

Та с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно.

Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеко,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.—

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина вlepит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть,

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды? —

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат,— это батальон.

Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?

Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рванный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята.
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле...
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют?

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют худые черти,
Сам слышал: «Москва моя».

Тут построил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно,— печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул:
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел.— Ну, ну! — сказал.
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

Заклучить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте,— скажут снова,—
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

1941—1945

КРЕМЛЬ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою —
С крутой Ивановой главой
И тенью стен сторожевою.

Кремль зимней ночью при луне,
Ты чуден древностью высокой
И славен с нею наравне
Недавней памятью жестокой.

Недавней памятью ночей,
Когда у западной заставы
Курились дымы блиндажей
И пушки ухали устало;

Когда здесь были фронт и тыл
И в дачных рощах Подмосковья
Декабрьский снег замешан был
Землей, золой и свежей кровью.

Кремль зимней ночью, на твоих
Стенах, бойницах, башнях, главах
И свет преданий вековых,
И свет недавней трудной славы.

На каждом камне с той зимы
Как будто знак неизгладимый
Всего того, чем жили мы
В тревожный час земли родимой.

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

До дней далеких донеси
То отраженье, гордый камень,
И подвиг нынешней Руси
Да будет будущему в память!

Да будет славой вековой
Он озарен, как ты луною,
Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою!

1946

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни крыши.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,—
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже?

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,—

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет,— побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули
И домик в рыбацьем поселке,
Что с палубы видишь вдали...

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доныне скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С неожиданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке,—
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне —

В недалней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,
Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон;

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов;

Ни рек полноты величавой,
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне:

Где счастьем великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны,
Мне всю мою родину видно,
Как город с кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

1946

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самою Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел,—
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,—
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были,—

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья,— и я у вас в долгу,
Как у живых,— я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слышали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном доме.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботой — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожика,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны

Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

Есть горе души одинокой,
 Есть горе друзей и родни.
 Живет оно в сердце до срока,
 Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
 И так велика его власть,
 Что внукам оно правомочно
 И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
 Завещанном нашей судьбе,
 Печали предаться не смели
 И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
 Согбенными горем своим,
 Мы памяти б той изменили,
 Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
 Товарищ товарища.— Нет!
 Утрата осталась утратой,
 И нету ей давности лет.

И может, что ближе мы к цели,
 Указанной нам Ильичем,
 Не меньше, чем прежде скорбели,
 А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
 Советская наша земля,
 Его мировая держава,
 Свободных народов семья.

Ее благородным победам
 История дань воздает.
 И ею проложенным следом
 Полмира сегодня идет.

Ей гимны слагают поэты
 Всех сущих народов иных...
 Ему бы увидеть все это,
 Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

3

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;
Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.
И вот уже дверь сторожика
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была;
Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —
В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.
И что при нужде неминуемой,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.
И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.
Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.
А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,—

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,—
Там тоже, отправляясь на задание,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывались черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

1961

С Л О В О О С Л О В А Х

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые все,
Теряют вес, как мухи мрут.

Да, есть слова, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупно применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я, как кощунства, краснословья
Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером, —
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

Мне горек твой упрек напрасный.
Но я в тревоге всякий раз:
Я знаю, как слова опасны,
Как могут быть вредны подчас;

Как перед миром, потрясенным
Величьем подвигов твоих,
Они, слова, дурным трезвоном
Смущают мертвых и живых;

Как, обольщая нас окраской,
Слова — труха, слова — утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

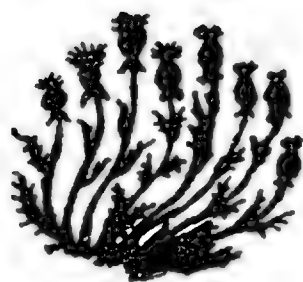
И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;
Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с полóвой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчет любое слово
По курсу твердого рубля.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял,—
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

1962

РАЗМЫШЛЕНИЯ
НА СТАНЦИИ КАРТАЛЫ

И вот я, поэт, почитатель Фета,
Вхожу на станцию Карталы,
Раскрываю двери буфета,
Молча оглядываю столы.

Ночь. Ползут потихоньку стрелки.
Часы говорят: «Ску-чай, ску-чай».
Тихо позванивают тарелки,
И лениво дымится чай.

Что же! Чай густой и горячий.
Лэкин карманда акса юк,
В переводе на русский это значит,
Что деньгам приходит каюк.

Куда ни взглянешь — одно и то же:
Сидят пассажиры с лицами сов.
Но что же делать? Делать что же?..
Как убить восемнадцать часов?

И вот я вытаскиваю бумагу,
Я карандаш в руках верчу,
Подобно египетскому магу,
Знаки таинственные черчу.

Чем сидеть, уподобясь полену,
Или по залу в тоске бродить,
Может быть, огненную поэму
Мне удастся сейчас родить.

Вон гражданка сидит с корзиной —
Из-под шапки русая прядь, —
Я назову ее, скажем, Зиной,
Я заставлю любить и страдать.

Да, страдать, на акацию глядя,
Довольно душистую к тому ж...
А вон тот свирепый усатый дядя
И будет ее злополучный муж.

Вы поглядите, как он уселся!
Разве в лице его виден ум?
Он не поймет ее пылкого сердца,
Ее благородный... Но что за шум?

Что случилось? Люди свирепо
Хватают корзины и бегут,
Потом зажигается много света,
Потом раздается какой-то гуд.

И вот, промчав сквозь овраги и горы,
Разгоняя ночей тоску,
Останавливается скорый —
Из Магнитогорска в Москву.

Чтоб описать, как народ садится,
Как напирает и мнет бока,
Конечно, перо мое не годится,
Да и талант маловат пока.

Мне ведь не холодно и не больно, —
Они уезжают, ну и пусть!
Отчего же в душе невольно
Начинает сгущаться грусть?

Поезд стоит усталый, рыжий,
Напоминающий лису.
Я подхожу к нему поближе,
Прямо к самому колесу.

Я говорю ему: — Как здоровье?
Здравствуй, товарищ паровоз!
Я заплачу бы своею кровью
Сколько следует за провоз.

Я говорю ему: — Послушай
И пойми, товарищ состав!
У меня болят от мороза уши,
Ноет от холода каждый сустав.

Послушай, друг, мне уже надоело
Ездить по степи вперед-назад,
Чтобы мне вьюга щеки ела,
Ветер выхлестывал глаза.

Жить зимою и летом в стаде,
За каждую телку отвечать.
В конце концов, всего не наладить,
Всех буранов не перекричать.

Мне глаза залепила вьюга,
Мне надоело жить в грязи,
И, как товарища, как друга,
Я прошу тебя: отвези!

Ты отвези меня в ту столицу,
О которой весь мир говорит,
Где электричеством жизнь струится,
Сотнями тысяч огней горит.

Я не вставал бы утром рано,
Я прочитал бы книжек тьму,
А вечером шел бы в зал с экраном,
В его волшебную полутьму.

Я в волейбол играл бы летом
И только бы песни пел, как чиж...
Что ты скажешь, состав, на это?
Неужели ты промолчишь?

Что? Ты распахиваешь двери?
Но, товарищ, ведь я шучу!
Я уехать с тобой не намерен,
Я уехать с тобой не хочу.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно,—
Это я без нее не могу.

У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят

Покинуть степь, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят.

Ну так что же! Ведь мы не на юге.
Холод, злися! Буран, крути!
Все равно сквозь завесу вьюги
Я разгляжу свои пути.

1930—1933

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Твоих стихов простонародный говор
Меня сегодня утром разбудил.
Мне дорог он,
Мне близок он и мил,
По совести — я не хочу другого
Сегодня слушать... Будто лемеха
Передо мной прошли, в упорстве диком
Взрывая землю...
Сколько струн в великом
Мужичьем сердце каждого стиха!

Не жидкая скупая позолота,
Не баловства кафтанчик продувной —
Строителя огромная работа
Развернута сказаньем предо мной.
В ней — всюду труд, усилья непрестанны,
Сияют буквы, высятся слова.
Я вижу, засучивши рукава,
Работают на нивах великаны.

Блестит венцом
Пот на челе творца,
Не доблести ль отличие эти росы?
Мир поднялся не щелканьем скворца,
А славною рукой каменотеса.
И скучно нам со стороны глядеть,
Как прыгают по веткам пустомели,—
На улицах твоя гремела медь,
Они в скворешнях
Для подружек пели.

В их приютившем солнечном краю,
Завидев толпы, прятались с испугу,
Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Ее повсюду знают,
Ее зовут Советскою страной,
Страною счастья также называют.

Ты ей в хвалу
Не пожалеешь слов,
Рванешься стаей соловьиной в кличе...
Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели,
Когда, порубан, падал Перекоп,
Когда в бою
Демьяна песни пели!

Как никому, завидую тебе,
Обветрившему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе
Поэзии багровые знамена!

1936

ПОБЕДИТЕЛЬ

Осенен полыханьем
Победного стяга,
Сел усталый солдат
На ступеньки рейхстага.

Снял фуражку,
Как труженик после работы,
Вытирая со лба
Капли жаркого пота,

Положил автомат,
Пыль стряхнул с гимнастерки,
Из кисета отсыпал
Щепотку махорки...

Поглядел еще раз,
Как над вражьей столицей
На весеннем ветру
Наше знамя лучится,
Папиросу свернул,
Затянулся спокойно
И сказал:

— Так любые закончатся войны.

9 мая 1945
Берлин

НАША СТАНЦИЯ

Под ветром билась желтая акация,
Катился вал рассветного огня,
Когда глухая маленькая станция
В далекий путь отправила меня.
В вагон толкнула и глядеть заставила
До слез в глазах — туда,
в туман,
вперед.

Уже полвека за спиной растаяло,
Другой шумит вокруг меня народ.
Другое в мире слышится и пишется,
Другие в ночь скрипят коростели,
И хвост ракеты в небесах колышется
Кометой, уходящей от земли.
И все ж и с этой, в полземли, дистанции,
Из нового, в других заботах дня,
Все видится мне маленькая станция,
Что в долгий путь отправила меня.
Да, прошлое не умирает запросто,
Оно живет, лишь дальше становясь,
Как космодром, с которым после запуска
Корабль меж звезд все время держит связь!

СВЕЧА

Поздний час. Прифронтная полоса.
Ночь глядит в мое окно во все глаза.
Хочет в комнату проникнуть, не стуча,
да закрыла ход зажженная свеча;
темной ночи не дает вломиться в дом,
светлым облачком пылает над столом.
Тихо тает, оплывает тонкий ствол,
слезы падают на мой рабочий стол.
Это слезы не печали, не стыда,
свечка белая судьбой своей горда:
ведь ее трудолюбивый огонек
темной ночью потрудиться мне помог.
Он горел, горел, покуда не погас,
и за этот срок мне песня удалась.
Ночь кончается... Светлеет между строк.
Первый луч зари как сизый голубок...
В новой песне, что я складывал в ночи,
узнаю тебя, огонь моей свечи.
В каждой строчке теплота твоя и свет...

Может, песне жить на свете много лет
и всегда будить в душе моей живой
огонек свечи в избе прифронтной...
Ты гори, гори, нетленный огонек,
что от мрака мою песню уберег,
отогрел своим заботливым огнем,
чтобы пели ее люди мирным днем.

1942

СТАТУЯ СВОБОДЫ

Есть в Нью-Йорке
статуя Свободы.
Как бы волны в бурном океане
ни вздымались —
видят пароходы
статую на дальнем расстоянии.
Статуя Свободы
над Гудзоном,

словно небоскребы,
высока.
Освещает факелом зажженным
тучи в небе
правая рука.
Голодаешь?
Смело у подножья
подаянья у людей проси!
Негде спать?
Храпи на жестком ложе!
Полисмены?
Ноги уноси!
Шел болтун.
Он поглядел на статую,
говорит:
— Все на своих местах! —
Право, мысль глубокую и сжатую
очень точно выразил простак.
Памятники ставят только мертвым.
Но и эта статуя,
похоже,
высится над трупом распростертым,
над Свободой с содранною кожей.
Что ж болтун —
он прав или не прав?
Жизнь ответит,
дело разобрав:
— Даже там, в Америке, живет она,
не погибла все-таки свобода,
пусть избита,
связана
и продана,
но живет она в сердцах народа.
Факел,
что в руке ее горит,
с завтрашним рассветом говорит.

1956

ПЕСНЯ ПРО ВОЛГУ

Лейся, песня, долго-долго
По-над Волгою-рекой!..
Хороша ты, наша Волга,
Славен берег твой крутой!

В былях, в памяти народной
Ты осталась на века
Непокорной и свободной,
Волга — матушка-река!

Ты купала нас при свете
Разгоравшейся зари.
Не с того ли твои дети,
Погляди, богатыри!

И в глазах и в душах наших
Чистый свет твоей воды.
Всех ты рек, родная, краше,
Мы родством с тобой горды.

Враг завистливый, жестокий
На тебя пошел войной,
Замутить хотел истоки
Нашей радости большой.

Но назад поворотили
Мы непрошенных гостей
И на Одере поили
Наших волжских лошадей.

Лейся, песня, долго-долго
По-над Волгою-рекой!..
Хороша ты, наша Волга,
Не найти второй такой!

1945

Анатолий Софронов

КАК У ДУБА СТАРОГО

Как у дуба старого, над лесной криницею,
Кони бьют копытами, гривой шелестя...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, по донским степям.

Пел в садах малиновых соловей-соловушка,
Да шумели листьями в рощах тополя...
Поднималось солнышко, молодое солнышко,
Нас встречали девушки песней на полях.

Эх ты, степь широкая, житница колхозная,
Край родимый, радостный, хорошо в нем жить.
Едем мы, казаченьки, едем, краснозвездные,
В конницу Буденного едем мы служить.

Как приедем, скажем мы боевому маршалу:
«Мы пришли, чтоб Родину нашу защищать.
Ни земли, ни травушки, ни простора нашего
Иноземным врагам в жизни не видать».

Кони бьют копытами над лесной криницею,
Поседлали конники боевых коней...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, в даль родных степей.

1937

КОЛОКОЛЬЧИК

В концертном зале Стокгольма
советская певица Ирина Масленни-
кова исполняла песню «Однозвучно
гремит колокольчик...»

В этом городе чинном Стокгольме,
В этом шумном чужом далеке,—
«Однозвучно гремит колокольчик...»,
Да на русском еще языке.

Будто видятся дали степные,
Льется песни душевный напев...
И сидим мы, навеки родные,
Словно дети, сидим, присмирив.

...«Однозвучно гремит колокольчик...» —
А как будто в степи тишина...
Ах ты, родина наша, Россия,
Сердцу милая ты сторона!

Ты греми, колокольчик печальный,
В путь-дорогу большую зови;
Где бы ни были в плаванье дальнем,
Мы твои, колокольчик, твои!

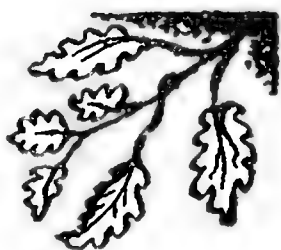
Стокгольм, 1953

НАГАСАКИ

Нагасаки... Да, да, Нагасаки!
Город скорби
 и атомных страшных руин,
Где стояли дома —
 там простые бараки,
Шрам не зажил еще у людей ни один.
Здесь не выветрил ветер
 тот тягостный
 полдень,—
Бомба с неба
 к земле полетела, звеня;
Кто остался в живых,
 кто с ума не сошел,
 тот запомнил
Этот грохот и гром,
 этот гриб над землей,
 этот купол огня.
Не в бою,
 не в сраженье,
 не в грозной атаке,—
В страшной муке
 здесь тысячи рядом легли!
Нагасаки... Да, да, Нагасаки!
Хризантемы и лилии
 вновь расцвели.

Здесь все в памяти ранней еще,
но и давней,
Под подошвой еще не истерся порог...
Но из каждого
старого
черного камня
Рвется к солнцу
и все раздвигает росток.
Здесь поют
голоса молодые
Японии,
Славя жизнь на земле,
славя травы, плоды
и цветы...
Те, кто были хоть раз
в Нагасаки,
те поняли,
Что такое любовь,
что такое о жизни мечты!

1956

Мирзо Турсун-заде

БРАТЬЯМ КАЗАХАМ

Стихами знаменательные дни
Мы отмечать привыкли искони.
 Устами мудрых пела старина,
 Надеждой на грядущее полна.
И были вещие слова певцов
Народу близки, грозны для врагов.
 Так, из аула пронося в аул
 Правдивый стих, состарился Джамбул.
Когда ж поднялся, словно исполин,
Народ, душой помолодел акын.
 Он видел — явью делалась мечта,
 Зарею пламенела высота.
Трудящихся у власти видел он,
В казахских юртах счастье видел он.
 Мир перед ним открылся, обновлен
 Весной могучей будущих времен.
Он родины прославил торжество.
И мы, примеру следуя его,
 Вам от Таджикистана, от долин
 Цветущих, от заоблачных вершин
В день праздника сердечный шлем привет
И пожеланье счастья и побед.
 Навеки спаяны в одну семью,
 Мы вместе славим родину свою,
И дружбу, и великий наш народ,
И мирный стяг, что к цели нас ведет,
 И партию — трудящихся вождя,
 Путем побед в рядах ее идя!

1951

МАТЕРИНСКОЕ СЛОВО

Если б сердце плавилось от слез,
У меня б расплавилось оно.
Будь слезам дано смывать жилища,
Стала бы бездомною давно.

Всех на свете жить мне тяжелей:
Отдала войне двух сыновей.
Как мое некаменное сердце
Оказалось каменных сильнее?

Женится оставшийся в живых
Мой сынок — последний из троих.
Подношу невестке ожерелье
Из слезинок радостных моих.

Господи, клянусь, нет больше сил
Падать на колени у могил,
Видеть пепелища и сирот,—
Я хочу, чтоб мир спокойно жил.

1966

НА КРАЮ РОССИИ

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной.

Ни церковей на холмах зеленых,
Ни плакучих берез в полях —
Только кедры на горных склонах,
Где за соболем шел гилёк.

Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
— Нам и здесь ты мила, Россия,
Край суровый наш, край родной!

Ты укрылась от недруга тыном.
Сопки. Мари. Тайга. Вода.
С Ерофеем — крестьянским сыном —
Ты из Вологды шла сюда.

На чукотский всходила берег,
Где туманы плывут с утра,
Где над скалами поднял Беринг
Государственный флаг Петра.

Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрым именем помянуть!

Не найдешь той минуты краше,
Когда люди сказать смогли:
Все здесь русское, все здесь наше —
От Москвы до конца земли...

Где-то есть, под Рязанью, что ли,
Не такие, как здесь, места:

За селом — с васильками поле,
Неба звонкая высота.

Что же, пусть небеса другие
Опускаются надо мной —
Ты и здесь мне мила, Россия,
Край суровый мой, край родной!

1942—1943

ГОЛУБЬ
МОЕГО ДЕТСТВА

Прямо с лету, прямо с ходу,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода
он летит в стихотворенье.

Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место —
он находит для насеста
самый лучший мой эпитет.
И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.
Мне бы надо затвориться,
не пускать балунью-птицу,
но я так скажу: ни разу
птицам не было отказу!
С милым гостем по соседству
любо сердцу и перу!..

Встань, далекий образ детства,
белый голубь на ветру.
...Было за полдень. В ограду
на саврасом жеребце
въехал всадник с мутным взглядом
на обветренном лице.
Всадник спешился. Оставил
у поленницы коня
и усталый шаг направил
сразу прямо на меня.
И, оправя лопотину,
он такую начал речь:
«Понимаешь, парень, в спину
угодила мне картечь.
Понимаешь... мне того...
плоховато малость.
Понимаешь... жить всего
ерунду осталось.
Воевал я не за этим!»

Он придвинулся ко мне,
и я в ужасе заметил
кровь на раненой спине.
Я от страху — в палисадник,
пал в крыжовник и реву...

Только вижу: бледный всадник
опустился на траву,
только вижу, как баранья
шапка валится на чуб,
только слышу, как страданья
улетают тихо с губ.

Мне, конечно, стало горько,
стало тягостно до слез.
Я к нему из-за пригорка,
побеждая страх, пополз.
«Понимаю,— говорю,—
понимаю дюже...
Может, спину,— говорю,—
затянуть потуже?
Понимаю,— говорю,—
но куда ж деваться?»
(Говорю, а сам горю —
не могу сдержаться.)

Теребя траву руками,
всадник веки опустил
и, тяжелую, как камень,
чуя смерть, заговорил:
«Ты чалдон, и я чалдон,
оба мы чалдоны...
Положи свою ладонь
на мои ладони.
Слышишь, сполохи гудут
по всему заречью —
беляки по нашим бьют
рассыпной картечью.
На семнадцать верст окрест
белые в селеньях,
так что, кроме этих мест,
нашим нет спасенья.

Я, родной мой, прискакал
на заимку эту,

чтобы красный дать сигнал,
если белых нету.
Мы бы стали по врагу
бить из-за прикрытья...
Понимаешь, не могу
дальше говорить я».
Было душно. К придорожку
медом веяло с гречих.
Всадник вздрогнул страшной дрожью,
отвернулся — и затих.

Я, конечно, понял сразу
то, что он не досказал,
и решил как по приказу:
надо выбросить сигнал!
Я — домой. Комод у входа.
Открываю я комод.
Вижу: в ящиках комода —
свалка, черт не разберет!
В верхнем — пусто.
В среднем — тесно.
В нижнем? В ворохе тряпья
теткин, шелковый, воскресный,
полушалок вижу я!
Мне не жалко полушалка —
разрываю пополам!
Полушалка мне не жалко...
На чердак бегу. А там
со своей подругой вместе,
боевой и злой на вид,
на березовом насесте
голубь мраморный сидит.
«Что ж, — кричу, — послужим, дядя!
Повоюем на лету!»
И, багровый клочок приладя
к голубиному хвосту,
я свищу: «Вали на волю!»
И пошел винтить трубач
по воздушному по полю
по кривой рывками вскачь!
То петлями, то кругами,
то в разлете холостом!
И багровый шелк, как пламя,
за его густым хвостом!
То на выпад, то на спинку,
то как ястреб от ворон!..

Вихрем прибыл на заимку
партизанский эскадрон.

Солнце падало. Смеркалось.
Скрылись белые за мыс.
Восемь раз разбить пытались —
восемь раз стекали вниз.
Над заимкой тучи плыли.
У заката на виду
люди всадника зарыли
под калиною в саду.
И поставили подсолнух
у него над головой.
И не дрогнул тот подсолнух
и стоял, как часовой.
А когда дневное лихо
заступили тьма и тишь,
эскадрон ушел по тихой
дальним бродом за Иртыш.
И не мог я наглядеться...
на подсолнух ввечеру...

...О, далекий образ детства,
белый голубь на ветру!

1934

З В Е З Д А

За сельской дорогой прямою
есть холмик, поросший травой.

Степные цветы за оградой
и дата под надписью краткой.

Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко...

Вон там, где трава закачалась,
дорога солдата кончалась.

Сюда и донес он когда-то
короткую юность солдата.

Настигнут осколком железным,
он пал никому не известным...

Пришли сюда грустные вдовы —
простые крестьянки Молдовы,

отрыли могилу солдату,
поставили скорбную дату,

и, полные тихой печали,
над свежей землей помолчали...

С тех пор за оградой резною
цветы вырастают весною.

Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко.

Все туже лоза винограда.
Все та же звезда и ограда...

К звезде этой нынче, живые,
придите, как будто впервые,

и землю плугами вспашите.
Спешите, живые, спешите!

У буков, за старой криницей,
все поле засейте пшеницей —

чтоб рядом с солдатом качалась,
чтоб жизнь его век не кончалась.

1946

П Р А В О Н А И М Я

Достойное — достойному к лицу.
Ты береги его сильней зеницы ока!
Оно от дедов перешло к отцу,
тебя ища,
из древности глубокой.

Когда водоворот тебя закружит,
ты обрати в опору и в оружие
его вовек неистребимый зов.

Ты победишь!

Прими закон сражений —
иди с друзьями верными своими.
А если не уйти от поражения,
то будь самим собой —
неси достойно имя!

Вражду и кривду встретишь на веку,
сквозь горести пройдешь и неудачи...
Разбитый, соберись по черепку,
еще есть шанс — он именем оплачен.

Неси, как правду, имя!

1969

Андрей Малышко

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Где троп ветвистые развилки,
Где гулких автострад разлет,
Там у Торгау две могилки
Стоят средь поля пятый год...

Я б, может, их и не приметил,
Но память подсказала мне,
Что я друзей живыми встретил —
Тех, что почили в мертвом сне.

Я мимо бы проехал снова,
Другими думами объят,
Но слышал я живое слово
Тех, что в земле теперь лежат.

Рассвет пылает несказанный.
В ногах береза — как сестра...
Он из Рязани, из Казани,
С Кубани родом иль с Остра,—

Боец, что от родных раздолий
Вдали в земле сырой зарыт.
...А тут же рядом в чистом поле
Детройтский труженик лежит.

Они, трудом своим братаясь,
Через моря, издалека,
К берлоге зверя пробиваясь,
Шли с двух сторон материка.

Хоть были двух солдат дороги
Не одинаково круты,
Хоть первый восемь ран жестоких
Пронес до этой вот черты,

От стен горящих Сталинграда
Четыре года шел — война...
Второй же лишь держал засаду,
Хоть в том и не его вина,—

Но видел я сердец братанье,
Порыв, что родился не вдруг,
Когда детройтец крикнул: — Ваня! —
И наш боец ответил: — Друг!

И протянул навстречу руки,
А тот в ответ — и обнялись.
Через года, страданья, муки
Их руки честные сплелись.

Внезапно — я забыть не в силах
Тот миг — средь ясной тишины
Их вражья пуля подкосила
Последним выстрелом войны.

Погожий день смыкает веки
В краю, где прежде шли бои...
А у бойца остались дети,
А у детройтца есть свои...

Не танков гром через туманы,
Не атомный смертельный груз —
Пускай несут за океаны
Они сердец живой союз.

Добро и братство, свет и волю...
Пусть будет мир несокрушим!
...Уснул боец в далеком поле,
И друг детройтский рядом с ним.

1950

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

Мой друг сердечный Александр Фадеев
Однажды мне в беседе рассказал,
Как был в Норвегии и меж фиордов
Нашел могилу нашего бойца,
Обсаженную розами и маком.

Их старая норвежка посадила
И осенью, собравши семена,
Передала их гостю, попросив,
Чтоб он нашел на Украине мать
Убитого и семена ей отдал:
«Здесь — сердце сына и его глаза,
Они весною каждой воскресают...»

Он мать нашел.

И мать на Украине
Под окнами взрастила семена,
Что выросли из сердца ее сына,
Из глаз его зеленых.

На заре
Мать говорит с цветами во дворе,
Сама прозрачной утренней порою
В сиянье светлом схожая с зарею.
Она в платке и в ватнике;

грустна,

Задумчива;

как иней, седина

Из-под платочка.

— Хочешь есть, сыночек? —
Беззвучно спрашивает.

— Нет, я сыт,
Мне поле положило здесь кусочек
Ржаного хлеба...

Тополь шелестит,
И жаворонок песню вьет, как нить...
— А может быть, сынок, ты хочешь пить?
— Уже я пил — пролились облака,
Я дождик пил и пил росу с листка
И напоследок из твоей души
Пил, мама, грусть...

— А может, хочешь, милый,
Я причешу тебя?

— Нет, камыши
Меня чесали до самой могилы
Свинцом горячим...

— Я сорочку дам...
— Не надо, мама,

выдавали нам
Одежду, может быть, недорогую,
Но чистую...

Жаль только — не могу я

Ее вернуть...

— Так, может, дать вина?

— Зачем?

И так душа полным-полна
Слезами, мама...— Свежий ветер веет,
Пылают розы,

маки розовеют,
И взгляд сыновний в лепестках горит,
А мать все говорит, все говорит...

1961

Лев Ошанин

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА

(ГИМН ВФДМ)

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях, океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки,—
В наши ряды, друзья!

Песню дружбы запекает молодежь,
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

Помним грохот металла
И друзей боевых имена.
Кровью праведной алой
Наша дружба навек скреплена.
Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою,
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

Молодыми сердцами
Повторяем мы клятвы слова,
Поднимаем мы знамя
За священные наши права!
Снова черные силы
Роят миру могилу,—
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Песню дружбы запекает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

1947

ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,
Забота наша такая —
Жила бы страна родная,
И нету других забот!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрет.

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!

И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды, —
С тобою, как ты, отважна,
Сквозь бури она пойдет...

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели.
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

1958

ТОВАРИЩИ, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Товарищи, здравствуйте! Долго мы ждали!
Иссохла в неволе родная земля.
Не раз выходили мы в синие дали,
Глядели в залитые солнцем поля.

Слагали вам песни с открытой душою,
И жаждущий колос звенел нам в ответ.
Прилет журавлиный встречали весною,
Ловили восточного ветра привет.

К ограде колючей в ночи подползали —
Чтоб нас разлучить, ту ограду сплели, —
Мы рвали ее, вас на помощь мы звали,
И вы, дорогие, услышав, пришли.

Над краем этапных дорог и туманов,
Над синей тесьмой заблудившихся рек,
Над хатами, где с придорожных курганов
Слеталось вчера воронье на ночлег,—

Там песни уже не коснется невзгода,
А в хатах как гостя весна за столом.
Большое спасибо от сердца народа
Бойцам и знаменам алеющим шлем!

1939

ПЕРЕПИСКА С ЗЕМЛЕЙ

Я много писем написал земле
Пером, которым создаются гимны,
Лирические песни,
манифесты.

Писал я скрипок чуткими смычками,
Умеющими плакать и смеяться.
Есть письма, что начертаны в бою
Штыком или саперною лопатой.

Бывали и посланья, что писались
Не ручкой вечной, а звенящим кубком,
Который поднимал я на пиру,
Провозглашая здравицу живым
Или героев павших поминая.

Все, что пишу, земле я адресую.
А получил пока что
Один-единственный ответ на то письмо,
Которое весной начертал
Надежным плугом на страницах пашни.
Вот он — ответ.
Ломтями нарежьте
И угощайтесь.
Ешьте на здоровье.

1964

Ярослав Смеляков

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась, мама,
и глаза твои, полные слез,
и знакомая с детства панама
на венке поредевших волос.

Оттеняет терпенье и ласку
потемневшая в битвах Москвы
материнского воинства каска —
украшение седой головы.

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они все равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
беспощадные метки войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волненья дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дорогам к окопам своим, —

как скульптуры из ветра и стали,
на откосах железных путей
днем и ночью бессменно стояли
батальоны седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весах родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки,
и держу я в ладони своей
эти милые трудные руки,
словно руки России моей.

1945

СЕРДЦЕ БАЙРОНА

В Миссолунгской низине,
меж каменных плит,
сердце мертвое Байрона
ночью стучит.

Партизанами Греции
погребено,
от карательных залпов
проснулось оно.

Нету сердцу покоя
в могиле сырой
под балканской землей,
под британской пятой.

На московском бульваре,
глазаст, невысок,
у газетной витрины
стоит паренек.

Пулеметными трассами
освещена
на далеких Балканах
чужая страна.

Он не может
в ряды твоей армии стать,
по врагам твоей армии
очередь дать.

Не гранату свою
и не свой пулемет —
только сердце свое
он тебе отдает.

Под большие знамена
полка своего,
патриоты,
зачислите сердце его.

Пусть оно
на далеких балканских полях
бьется храбро и яростно
в ваших рядах.

Душной ночью
заморский строчит автомат,
надеяя Европу
валютой свинца.

Но, его заглушая,
все громче стучат
сердце Байрона,
наши живые сердца.

1947

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвинил
октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба! —
стоит на страже
нашего герба.

1948

Т Р А К Т О Р

...Это шел вдоль людской стены,
оставляя на камне метки,
трактор бедной еще страны,
шумный первенец пятилетки.

В сталинградских цехах одет,
отмечает он день рожденья,
наполняя весь белый свет
торжествующим тарахтеньем.

Он распашет наверняка
половину степей планеты,
младший братец броневика,
утвердившего власть Советов.

Он всю землю перевернет,
сотрясая поля и хаты,
агитатор железный тот,
тот посланец пролетариата.

И Москва улыбнулась чуть,
поправляя свои седины,
словно мать, что в нелегкий путь
собирает родного сына.

1953—1956

МАГНИТКА

От сердца нашего избытка,
от доброй воли, так сказать,
мы в годы юности Магниткой
тебя привыкли называть.

И в этом — если разобраться,
припомнить и прикинуть вновь —
нет никакого панибратства,
а просто давняя любовь.

Гремят, не затихая, марши,
басов рокочущая медь.
За этот срок ты стала старше
и мы успели постареть.

О днях ушедших не жалея,
без общих фраз и пышных слов
страна справляет юбилей
людей, заводов, городов.

Я просто счастлив тем, что помню,
как праздник славы и любви,
и очертанья первой домны,
и плавки первые твои.

Я счастлив помнить в самом деле,
что сам в твоих краях бывал
и у железной колыбели
в далекой юности стоял.

Вновь гордость старая проснулась,
припомнилось издавека,
что в пору ту меня коснулась
твоя чугунная рука.

И было то прикосновение
под красным лозунгом труда
как словно бы благословенье
самой индустрии тогда.

Я просто счастлив тем, однако,
что помню зимний твой вокзал,
что ночевал в твоих бараках,
в твоих газетах выступал.

И, видно, я хоть что-то стою,
когда в начале всех дорог
хотя бы строчкою одною
тебе по-дружески помог.

1957

ВОСПОМИНАНИЕ

Любил я утром раньше всех
зимой войти под крышу эту,
когда еще ударный цех
чуть освещен дежурным светом.

Когда под тихой кровлей той
все, от пролета до пролета,
спокойно дышит чистотой
и ожиданием работы.

В твоем углу, машинный зал,
склонившись над тетрадкой в клетку,
я безыскусно воспевал
России нашей пятилетку.

Но вот, отряхивая снег,
все нарастая постепенно,
в платках и шапках в длинный цех
входила утренняя смена.

Я резал и строгал металл,
запомнив мастера уроки,
и неотвязно повторял
свои предутренние строки.

И многие из этих строк
еще безвестного поэта
печатал старый «Огонек»
среди информации и портретов.

Журнал был тоньше и бедней,
но, путь страны припоминая,
подшивку тех далеких дней
я с гордой нежностью листаю.

В те дни в заводской стороне,
у проходной, вблизи столовой,
встречаться муза стала мне
в своей юнгштурмовке суровой.

Она дышала горячо
и шла вперед без передышки
с лопатой, взятой на плечо,
и «Политграмотой» под мышкой.

Она в решающей борьбе,
о тонкостях заботясь мало,
хрипела в радиотрубе,
агитплакаты малевала.

Рукою властной
паренька
она манила за собою,
и красный цвет ее платка
стал с той поры моей судьбою.

1958

Марк Лисянский

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но Москвою привык я гордиться
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

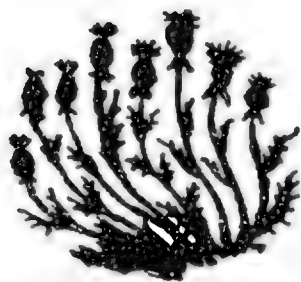
Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.

В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков.
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых смелых твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

1941

НЕ БЫТЬ РОССИИ
ПОКОРЕННОЙ!

Товарищ, сядь со мною рядом,
Давай закурим по одной!
Я знаю, что под Сталинградом
Твоя семья, твой дом родной.
Ты помнишь, как сынишка сонный
Пришел тебя поцеловать,
Как на путях у эшелона
Стояла плачущая мать.
Родная, добрая, седая,
Осталась так стоять она.
И рядом с нею молодая
Твоя любовь — твоя жена...
Теперь ты пишешь ей на Волгу
И ждешь ответных писем сам.
Ждешь терпеливо, ждешь подолгу,
С врагом воюя по лесам,
В глухом краю, в краю болотном,
Переживая день за днем
Под пулеметным, минометным
И ураганным артогнем.
Ты здесь на фронте больше года
И ко всему привык уже.
И ты в ненастную погоду
Лежишь на дальнем рубеже.
Накрывшись теплой плащ-палаткой,
С соседом шутишь в час ночной:
— Ну что же делать, раз несладко?
Давай закурим по одной! —
Товарищ! Помнишь, после боя
Вот так же лежа на земле,
Я разговаривал с тобою
В сожженном немцами селе.
И я запомнил слово в слово,
Как ты сказал в тот горький час,
Что в эти дни пути иного,
Чем путь солдата, — нет у нас!
Наш каждый шаг, политый кровью,
Пускай моей, пускай твоей,
Благословен святой любовью,
Слезам русских матерей...

Нас жег с тобой огонь пожарищ,
Дым пепелищ слепил глаза,
Но не от дыма мне, товарищ,
Зрачок туманила слеза.
И нам с тобой забыть едва ли,
Как на асфальте площадей
Мы жертвы с виселиц снимали
И в детских лицах узнавали
Черты своих родных детей.
Вот почему мы твердо знаем,
За что деремся на фронтах,
За что ночей недосыпаем
В сырых, холодных блиндажах.
Шагами меряем болота,
Сеем, мерзнем, устаем
И неприступные высоты
Своими жизнями берем.
Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.
Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости,
К несовершенным преступлениям
Орду убийц не допусти!
За год войны ожесточенной
Ты научился воевать.
Не быть России покоренной,
И Гитлеру в России не бывать!

1942

ПАРТИЯ—НАШ РУЛЕВОЙ!

Слава борцам, что за правду вставали,
Знамя свободы высоко несли,
Партию нашу они создавали,
К цели заветной вели.

Долгие, тяжкие годы царизма
Жил наш народ в кабале,
Ленинской правдой заря коммунизма
Нам засияла во мгле.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

Партия наша народы сплотила
В братский, единый союз трудовой.
Партия — наша надежда и сила,
Партия — наш рулевой!

Думы народные в жизнь воплощая,
В бурях крепка, как скала,
В грозных сраженьях врагов сокрушая,
Партия наша росла.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

Нас не страшат ни борьба, ни сраженья —
Ярко горит путеводный маяк!
И помешать нам в победном движении
Пусть не пытается враг.

С нами сегодня идут миллионы,
Наше единство растет.
Мудростью партии путь озаренный
Нас к коммунизму ведет.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

1952—1956

Александр Яшин

ПОЛЕ

О, поле, поле!..

А. Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух,
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

НЕ УМРУ

Когда я, раненный, лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда-то свалившийся цветок
Виденьем детства встал передо мною.

И от его мохнатого стебля,
Припавшего к моим разбитым скулам,
Родимая российская земля
Былинной силой на меня дохнула.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору!..
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

ДВЕ ПЕСНИ
О МАГНИТ-ГОРЕ

1

Невидимый, невредимый,
силу тайную хранит,
в сердце родины таимый,
удивительный магнит.
Мне на свете нет покоя,
нет удачи, нет добра —
неотступною тоскою
извела Магнит-гора.
Дальним ветром, тихим зовом
все манит меня к себе,
будто сына дорогого,
непокорного судьбе.
Я не раз бывал измучен,
падал замертво в мороз,
на костре горел горючем,
не пролив и капли слез.
Но припомню город горный,
весь в огнях в вечерний час,—
хлынут с радости и с горя
слезы теплые из глаз.
Я увижу, как по тропам
росным утром, на заре
самым юным рудокопом
я пришел к Магнит-горе.
И, взрывая камень вечный,
день и ночь в земной грозе,
верных верностью сердечной
больше ста имел друзей.
Жил, довольный хлебом черным,
в праздник чай кирпичный пил,
вместо доброй и покорной
непокорную любил.
И желанной, нелюбимый,
пел я, строя город мой,
каждым камушком родимый,
каждой гайкою родной.

Если я умру без слова,
 люди, будьте так добры,
 отвезите гроб тесовый
 до высот Магнит-горы.
 Под утесом положите
 и поставьте столб с доской:
 «Похоронен старый житель
 и строитель заводской».
 Дождь польет могилу летом,
 и на политом бугре
 загорится горицветом
 несгораемый багрец.
 И воротятся живые,
 старой дружбой мне верны,
 сталевары, горновые —
 бомбардирами с войны.
 Над могильником багровым
 снимут шапки в тишине,
 задушевым, тихим словом,
 как живому, скажут мне:
 — Спи, товарищ, ты недаром
 ел на свете пироги,
 нашей сталью в громе яром
 насмерть скошены враги!..—
 И пойдут друзья спокойно
 плавить горную руду,
 как всегда, готовы к войнам,
 к жизни, славе и труду.
 Над моим усталым сердцем
 пусть же, здравствуя, живет
 всю планету громовержцем
 потрясающий завод.
 Как сердца, стучат машины,
 сплав бушует огневой,
 и да будут нерушимы
 основания его.
 Ибо в годы сотворенья
 я вложил в них долей тонн —
 камень личного граненья,
 вечной крепости бетон.

1945

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВЕ КУСКЕ

По безлюдным проспектам оглушительно звонко
Громыхала на дьявольской смеси трехтонка.
Леденистый брезент прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель, примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты, хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант прятал нос в рукавицу.
Был он худ, был похож на голодную птицу.
И казалось ему, что водителя нету,
Что забрел грузовик на другую планету.

Вдруг навстречу лучам — синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул, покорежен пожаром.
А сквозь эти лучи снег летел, как сквозь сито.
Снег летел, как мука, — плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. — Погодите, водитель.
Я, — сказал лейтенант, — здешний все-таки житель. —
И шофер осадил перед домом машину,
И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант по знакомым ступеням.
И вошел. И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки... Бледные губки...
Старичок семилетний в потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок дал он сыну: — Пожуй-ка. —
И шагнул он туда, где дымила буржуйка.

Там — поверх одеяла — распухшие руки,
Там жену он увидел после долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться, взял за бедные плечи
И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант семилетнего сына.
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок.

А когда лейтенант вновь садился в трехтонку:
— Приезжай! — закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, — плавно, медленно, сыто...

Грузовик отмахал уже многие версты.
Освещали ракеты неба черного купол.
Тот же самый кусок — ненадкушенный, черствый —
Лейтенант в том же самом кармане нащупал.

Потому что жена не могла быть иною
И кусок этот снова ему подложила.
Потому что была настоящей женою.
Потому что ждала, потому что любила.

Грузовик по мостам проносился горбатым.
И внимал лейтенант орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим.

1942
Ленинград

Сергей Смирнов

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Гремит железо третьи сутки.
Вагоны ходят ходуном,
И вдруг смолкают смех и шутки:
«Друзья,
Россия за окном!»

Полей величие немое.
Река. Село на берегу...
Не здесь ли
 памятной зимою
Мы жили в пепельном снегу?

...Нам старшина
 поднес по чарке.
Бутыль пуста в его руке.
Поет гармонь московской марки
О Волге матушке-реке.

И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли.
И нет земле конца и края...
А мы ее пешком
 прошли!

1945

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ночь.
Температура нулевая.
Город все огни свои зажег.
Дворникам пощады не давая,
Неустанно падает снежок.

На глазах у милиционера
Он в трамвай садится на ходу.
Я по незатоптанному скверу
Со своей единственной иду.

А она сердито мнет перчатки
И упреки сыплет то и знай:

Мол, примчался чуть ли не с Камчатки
И опять готов хоть на Дунай.

Дескать, я оседлости не знаю
И теряю к дому интерес.
То меня уводит посевная,
То огни какой-то ГРЭС.

И выходит, будто путь далекий
Мне дороже нежности любой...

Милый друг, подобные упреки
Не имеют почвы под собой.

Чем шуметь и омрачать свиданье,
Улыбнись и выслушай меня:
Человек без нового задания —
Все равно что печка без огня.

И давай вспомним, друг мой милый:
Нынче мало Родину любить —
Надо,

 чтоб она тебя любила,
А таким не просто стать и быть!

1948

* * *

Он стоит уверенно и крепко.
Под ногами сталь броневика.
Не винтовку,

 а простую кепку
Стиснула горячая рука.

Он везде,
Он постоянно рядом,
Исполин с простертой рукой.
Под его родным, отцовским взглядом
Стал другим,
 воспрянул род людской!

Скромный, мудрый, небольшого роста —
Он таким безмерно дорог мне,
Не в броню закованный,
 а просто

Человек,
 стоящий на броне.

1951

КОММУНИСТЫ

Коммунисты — это слово крепче стали,
Коммунисты — это слово, как набат.
Маркс и Энгельс нам такое имя дали
В год рожденья наш — сто лет тому назад.

И хотя сто лет назад нас было мало,
Вышли мы на правый бой, на смертный бой.
Мы копаем — с песней — яму капиталу,
Пусть стучит земля по крышке гробовой.

Нет, не верим мы ни в бога, ни в молитвы,
И не знаем мы иных священных слов,
Кроме лозунгов, сзывающих на битвы,
Кроме песен, от каких вскипает кровь.

Поднялись мы в высоту, полны отваги.
Коммунизма даль, к тебе сердца летят.
Крылья наши — это огненные флаги,
Гнезда наши — это камни баррикад.

Коммунисты — это Ленина солдаты,
Пусть трепещут все тираны, все цари.
Мы вписали знаменательные даты
Кровью собственной во все календари.

В грозных битвах мы не дрогнем от ударов,
До конца за наше дело постоим,
Знамя красное бессмертных коммунаров
Для полета нашей смене отдадим.

Так и я отдам в наследство — дар заветный —
Жар борьбы, который в сердце берегу.
Коммунисты!.. Этот клич на бой победный
Без волненья повторять я не могу.

Этим словом, самым верным, самым чистым,
Самых близких называю не один.
Я хочу, чтоб назывался коммунистом
Сын родной мой и родного сына сын.

С каждым годом все сильнее над планетой
Наше солнце разгорается во мгле.
Скоро будут называться — знаю это —
Коммунистами все люди на Земле.

1948

* * *

На митингах людных немало
Бывал я в наш век грозовой.
И сердце само выбирало
Почетный президиум свой.

По праву в нем заняли место
С тех дней, во главе с Ильичем,
Матросы и красноармейцы
За песни шумливым столом.

С походною песней моею
Сквозь годы, сквозь бури я шел.
Шагали мы с ней, не краснея,
За общий и хлеб наш и стол.

За век, что, знаменами рдея,
И к нам не остался глухим.
Президиум мой не редет,
Не старится, сердцем храним.

Навеки живой, вдохновенный,
Презрев и отвергнув покой,
Ильич возглавляет бессменно
Бессменный президиум мой.

1956

* * *

Мне что ни год, то жизнью жить иной
В двадцатом нашем веке довелось.
Я — колос в море зреющих колосьев,
Мильоны судеб собраны в одной
Моей судьбе — все их разноголосье.

Ища для взлета новые края,
Крылатым веком вызволенный атом,
Взаймы у неба взял жилплощадь я,
Чтоб стать его товарищем и братом.
Но это не последняя моя
Судьба в столетье нынешнем, двадцатом.

Преображаться буду я стократ
Из мысли в плоть, из жизни в жизнь иную.
Я чувствую, на свете существуя,
Что мне сейчас отнюдь не пятьдесят,—
Что лет пятьсот, не менее, живу я.

1963

* * *

Я после хвори долгой, как на фронте,
Спешу потери наверстать с лихвой
Не в медсанбате, не в трофейной роте,
А пехотинцем на передовой.

Здесь день — как век, а ночь — как расставанье,
Здесь, кроме штурмов, нет особых дат.
И ты, придя с опасного задания,
Вернулся, как из вечности, солдат.

Меня разят огнем и лютой стужей,
Меня взрывной волною обдают
И снайперским прицелом криводушья
На мушку сердце сызнава берут.

А я иного счастья не желаю:
В колючке ржавой прорубить проход
И, всем друзьям дорогу открывая,
Безмолвно лечь на вражий пулемет.

1967

СОСНА И БЕРЕЗА

Планету в руках своих держат верней
Надежного троса
Могучими пальцами цепких корней
Сосна и береза.

От дыма до пара в котле судовом,
В нутре паровоза
Прошли они трудным и жарким путем —
Сосна и береза.

Легла на их плечи всем грузом война,
Окопная проза.
Гробами солдатскими стала сосна,
Крестами — береза.

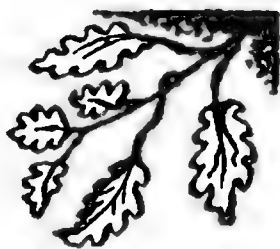
Сникали тузы, что вершили разбой
(Где чванная поза?),
Когда перед ними вставали с петлей
Сосна и береза.

Но нелюди снова вербуют солдат,
И зреет угроза,
Что сами свой век под крестом завершат
Сосна и береза.

На зерна, упавшие в лоно земли,
Глядят они косо,
Те пахари смерти, чтоб впредь не росли
Сосна и береза.

Над ними ракетный проносится звук
И гул бомбовоза...
А что, если выпустят Землю из рук
Сосна и береза?

1970

Лев Озеров

* * *

Поэзия — горячий цех,
В котором есть огонь для тех,
Кто ночью и при свете дня
Прожить не может без огня.
Пусть слабодушные уйдут,
Их обиталище не тут.
Пускай покинет нас делец:
Огонь — не золотой телец.
За слабодушным и дельцом
Ленивец пусть уйдет с глупцом.
Здесь ненадежен их успех:
Поэзия — горячий цех.

1956

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,—
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить;
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!

...Прожить бы мне эти полмига,
А там я всю жизнь проживу!

1943

Виктор Боков

* * *

Мне Коммуна досталась
Труднее, чем вам.
Я ее на хребте
Выволакивал.
Я дубы корчевал,
Я на пнях ночевал,
Сам себя и жалел
И оплакивал.

Я не так кареок
И не так златокудр,
Как икона из древней
Прославленной ризницы.
Я немного согнулся
Под тяжестью пург,
Под свинцовой тоскою
Колосьев невызревших.

Я ходил месяцами
С небритым лицом,
Вспоминал петербургские
Ночи Некрасова.
Я питался, как заяц,
Капустным листом,
А меня покрывала
И ржа и напраслина.

Зимник-ветер
Пытал меня под пиджаком,
Что ломался на сгибах,
Как пряники тульские.
Мне ресницы мороз
Закрывал куржаком,
Месяц клал на глаза
Пятаки свои тусклые.

Я не сдался.
Я выжил в бою роковом,
Как береза, бинтован
Бинтом перевязочным.

Я пришел к вам теперь
Не с пустым рукавом —
С соловьиною песнею,
С посвистом сказочным.

Я ни разу, Коммуна,
Тебя не проклял —
Ни у тачки с землей,
Ни у тяжкого молота.
Непонятым наитием,
Сердцем я знал,
Что за грязью случайной
Не спрячется золото.

Весь я твой!
Маяковский и Ленин — мои!
Я ношу и храню их,
Как сердце за ребрами.
Доброта к человечеству —
Это они!
Я иду и рублюсь
С их врагами недобрыми!

1955

Вадим Шефнер

ВЕРИМ В ПОБЕДУ!

Против нас полки сосредоточив,
Враг напал на мирную страну.
Белой ночью, самой белой ночью
Начал эту черную войну!

Только хочет он или не хочет,
А свое получит от войны:
Скоро даже дни, не только ночи,
Станут, станут для него черны!

1941, 23 июня, Ленинград

ВЕСТЬ

Когда мне приходится туго —
Читаю в ночной тишине
Письмо незабытого друга,
Который убит на войне.

Читаю сухие, как порох,
Обыденные слова,
Неровные строки, в которых
Доныне надежда жива.

И все торопливое, злое
Смолкает, стихает во мне.
К душе подступает бывшее,
Как в грустном возвышенном сне.

Весь мир этот, вечный и новый,
Я вижу — как будто с горы,—
И вновь треугольник почтовый
В шкатулку кладу до поры.

1969

ШАГАЯ ПО НАБЕРЕЖНОЙ

Ведется ввоз и вывоз
Уже не первый год.
Огромный город вырос
И все еще растет.

Вздымает конь копыта
Над невской мостовой,
Над сутолокой быта,
Над явью деловой.

Вступало в город море
За каменный порог,
Вступало в город горе,—
Но враг войти не смог.

Мы с Питером бывали
В достатке и нужде,
В почете и в печали,
В веселье и в беде.

На суше и на море,
Пройдя огонь и дым,
Немало мы викторий
Отпраздновали с ним.

И все творится чудо,
И нам хватает сил,
И конь еще покуда
Копыт не опустил.

1970

БАШМАКИ

Открыта доро́га степная,
к Дунаю подходят полки,
и слышно —
гремит корпусная,
и слышно —
гремят башмаки.

Солдат Украинского фронта
до нервов подошвы протер,—
в походе ему
для ремонта
минуту отводит каптер.

И дальше:
Добруджа лесная,
идет в наступление солдат,
гремит по лесам корпусная,
ботинки о камни гремят.

И входят они во вторую
державу —
вон Шипка видна!
За ними вослед мастерскую
несет в вещмешке старшина.

— Обужа ведь, братец, твоя-то
избилась.

Смени, старина...

— Не буду, солдаты-ребята:
в России ковалась она...

И только в Белграде ботинки
снимает пехоты ходок:
короткое время починки —
по клену стучит молоток.

(Кленовые гвозди полезней,—
испытаны морем дождей;
кленовые гвозди железней
граненых германских гвоздей!)

Вновь ладит ефрейтор обмотки,
трофейную «козью» сосет,
читает московские сводки
и — вдоль Балатона —
вперед.

На Вену пути пробивая,
по Марсу проходят стрелки;
идет

на таран
полковая,
мелькают
в траве
башмаки!

...С распахнутым воротом —
жарко! —
пыльца в седине на висках —
аллеей Шенбруннского парка
ефрейтор идет в башмаках.

Встает изваянием Штраус —
волшебные звуки летят,
железное мужество пауз:
пилотку снимает солдат.

Ах, звуки!
Ни тени,
ни веса!
Он бредит в лучах голосов
и «Сказкою Венского леса»,
и ласкою Брянских лесов,
и чем-то таким васильковым,
которому
тысячи лет,
которому в веке суровом
ни смерти,
ни имени нет,
в котором стоят,
как живые,
свидетели наших веков,
полотна военной России
и пара его башмаков!

1945

Георгию Нсфедову

Когда ученик в «мессершмитте»
впервые взлетал в высоту —
веснушчатый Саша Матросов
играл беззаботно в лапту.

Когда от ефрейтора писем
из Ливии фрау ждала —
московская девочка Зоя
совсем незаметной была.

Когда молодые пруссаки
чеканили шаг строевой —
над формулой сопротивления
склонялся Олег Кошевой.

Когда мы лозой придорожной
с рюкзаков сбивали пыльцу —
ландскнехты двадцатого века
гремели ружьем на плацу.

Когда у восточной ландкарты
юнгштурмовец бредил войной —
мы песней венчали мальчишник
на весях России родной.

Мы книги читали о счастье —
они их сжигали в огне;
мы ставили звезды на елке —
они на еврейской спине.

Мы ландыши рвали руками —
они их срезали ножом;
стрижей мы ловили силками —
они их сбивали ружьем.

Мы землю водой орошали —
они ее брали в штыки;
мы бронзой дворцы украшали —
они из нее воскрешали
для страшных орудий замки.

Но в праведный час испытаний
мы стали с оружием в строй;
мы девушку Зою назвали
своею народной сестрой.

Мы клятвою благословили
Матросова в правом бою,
мы дали Олегу упорство
и сильную дружбу свою.

И как бы нам ни было туго,
мы верили в дружбы накал:
никто из друзей в эти годы
ни пулей, ни сердцем не лгал.

Мы силу сломили такую,
что вправе гордиться собой:
и юностью нашей железной
и нашей бессмертной судьбой.

1945

ДОЛГ

Я не помню детской колыбели.
Кажется:
я просто утром встал
и, накинув бурку из метели,
по большой дороге зашагал.

Как я мог пройти такие дали?
Увеличь стократно все пути!
Где я был?
В газетах не писали.
Где я шел?
По звездам не найти.

Только очень помнится,
что где-то
под Мадридом,
непогодь кланя,
у артиллерийского лафета
встал пушкарь, похожий на меня.

А потом на Финском,
в штурмовые
ночи, под раскатами огня
(зимними глазами на Россию),
пал стрелок, похожий на меня.

И еще я помню, помню внятно:
над бессмертием друга своего
с ротою салютовал трикратно
я,
лицом похожий на него.

Ангелы спасенья не витали
надо мною на Большой войне:
силы Родины меня питали,—
талисман возмездья
был при мне.

Где сейчас я?
Не ищи на карте...
Только люди говорят, что я
в Греции,
в Чанду
и в Джокьякарте
в дьявола стреляю из ружья!

Если верить людям в их святую
проповедь,
то на любом ветру
до ста лет, наверно, проживу я,
коль своею смертью не умру.

1948

Евгений Долматовский

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр — отец-река.
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днестра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Урюпинск, 1941

РОДИНА СЛЫШИТ

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает.
С дружеской лаской, нежной любовью
Алыми звездами башен московских,
Башен кремлевских
Смотрит она за тобою.

Родина слышит,
Родина знает,
Как нелегко ее сын побеждает,
Но не сдается, правый и смелый!
Всею судьбой своей ты утверждаешь,
Ты защищаешь
Мира великое дело.

Родина слышит,
Родина знает,
Что ее сын на дороге встречает,
Как ты сквозь тучи путь пробиваешь.
Сколько бы черная буря ни злилась,
Чтоб ни случилось,
Будь непреклонным, товарищ!

1950

БЫЛЬ О МАКАРЕ МАЗАЕ

Как схватили немцы, как скрутили,
Как связали немцы сталевара
У зеленой, у дубовой балки,
Возле белореченского яра.

Десять дней скрипели и визжали
Ржавые немецкие запоры,
Десять дней в тюрьме его держали,
Десять дней вели переговоры.

Говорит Мазаю обер-мейстер:
— Вы поймите, упираться глупо.
Мы поставим вас на видном месте,
Мы пошлем вас на заводы Круппа.

Офицер любезно скалит зубы,
По плечу он хлопает Макара:
— Мы дадим вам все, что вы хотите.
Сколько стоит совесть сталевара?

Отвечает им донецкий мастер:
— Я готов принять любую кару.
Вы хотите взять меня деньгами,
А на чёрта гроши сталевару?!

Дружит он с расплавленной сталью,
Любит он веселую свободу.
Если пожелает он напиться,
Пьет из кружки ледяную воду.

Башмаки на струганой подметке,
Рукавиц затрепанная пара,
Жесткая брезентовая куртка —
Вот и все богатство сталевара.

Не увидите вам такой минуты,
Не дожидаться вам такого часа,
Чтоб варилась сталь немецкой марки
На заводах нашего Донбасса!

Через самый темный переулок,
Через площадь старого базара,
Закрутив ему ремнями руки,
Повели на гибель сталевара.

Только грянул выстрел под обрывом,
Только начал он к земле клониться,
Высоко над самой головою
Засветилась вещая зарница.

И уже в последнее мгновенье,
Закрывая гаснущие очи,
Он увидел завтрашнее небо,
Он увидел будущие ночи.

Вот он снова в черных рукавицах,
Вот он снова, как бывало, дома.
Загружают огненные печи
Грозной смесью чугуна и лома.

И, сияньем озаряя стены,
Хмурый сумрак молнией пронзая,
Полыхают старые мартены —
Вечное дыхание Мазая.

1946

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте,—
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.

Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем.
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте,—
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся все ребята —
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

1963

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

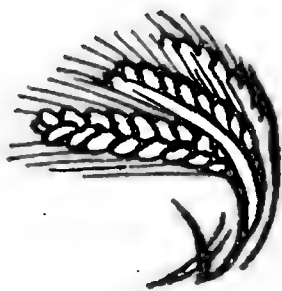
С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.
А может, она начинается
С весенней запевки скворца

И с этой дороги проселочной,
Которой не видно конца.

С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской буденовки,
Что где-то в шкафу мы нашли.
А может, она начинается
Со стука вагонных колес
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своем сердце принес...

С чего начинается Родина?..

1967

К. Симонов. «Жди меня, и я вернусь...»

Маргарита Алигер

* * *

Слезу из глаз, как искру из кремня,
хорошим словом высечь — что за диво!
Не в этом дело. Слово — не огниво,
и не слезой людское сердце живо.
Совсем не это мучает меня.

Встать на рассвете, на пороге дня,
сказать вперед шагающим:
«Счастливо!»
Отдать им песню, полную порыва,
хранящую, как верная броня,
от слов, звучащих праздно и фальшиво.
Спросить с людей не искры, а огня.

1946

ПИСЬМО К ОДНОМУ ЗНАКОМОМУ

Покуда шли великие бои,
в огне сражений, в грохоте орудий,
про боевые подвиги твои
с готовностью рассказывали люди.
Тебя любили, помнили о том,
как ты вошел в один горящий дом,
спасал людей, не думая о славе;
как ты ходил в разведку, в тыл к врагу,
в глухие ночи, в снежную пургу;
как первым был на правом берегу
на памятной днепровской переправе.

Когда победой кончилась война,
тебя застала трудная весна
прорабом на плотине Гидростроя.
Разлив реки строительству грозил.
Тебе достало мужества и сил,
ты поднял всех, угрозу отразил,
завоевал почет, прослыл героем.

Но я сама видала как-то раз
(одна лишь я, никто другой не видел),
как ты боялся непростивших глаз
той женщины, которую обидел.

Но я видала, да и все вокруг:
хороший человек, твой давний друг,
попал в беду из-за греха чужого.
Ты мог бы заступиться за него,
и люди ждали слова твоего,
но ты молчал, боясь промолвить слово.

Шарахаясь от лжи и клеветы,
на битву с ними не выходишь ты
удобствам и спокойствию в угоду,
во имя малых благ мирясь со злом.
А ты ходил когда-то напролом
и победил, пройдя огонь и воду.

И трудно мне, и мучает меня:
как это уживается, однако?!
Чего же не боялся ты? Огня?
Воды? Пурги? Полуночного мрака?
Ты скажешь: пули, смерти, наконец.
Но жизнь сложнее.
Ты рано растерялся.
Ты побеждал, когда за жизнь сражался,
но бой еще не кончился, боец!

1954

РАЗГОВОР В ДОРОГЕ

Забайкалье. Зарево заката.
Запоздалый птичий перелет.
Мой попутчик, щурясь хитровато,
мятные леденчики сосет.
За окном бегут крутые сопки,
словно волны замерших морей,
стелются чуть видимые тропки —
тайный след неведомых зверей.

Он ученый малый, мой попутчик,
обложился целой грудой книг.
Он читает, думает и учит —
сам, считает, все уже постиг.
Он твердит, что я не знаю жизни,
нет меж нами кровного родства,
и в его ленивой укоризне
сдержанные нотки торжества.

Мол, на мне горит густою краской
жительства московского печать,
мол, таким, избалованным лаской,
надо жизнь поглубже изучать.

Я молчу, ему не возражая,
не желая спор вести пустой,
раз уж человеку жизнь чужая
кажется, как блюдечко, простой,
раз уж он о ней надменно судит,
не робеет, не отводит глаз...
Жизнь моя! Другой уже не будет!
Жизнь моя, что знает он о нас?
Ничего не знает — и не надо.
Очевидно, интересу нет.

Дорогой мой, я была бы рада
выполнить ваш дружеский совет,
но, сказать по совести, не знаю,
как приняться мне за этот труд.
Почему, когда, с какого краю
изучают жизнь, а не живут?

С дальнего заветного начала
тех путей, которыми прошла,
никогда я жизнь не изучала,
просто я дышала и жила...
Людям верила, людей любила,
отдавала людям, что могла,
никакой науки не забыла,
все, что мне дарили, берегла.
Словно роща осенью сквозная,
полная раздумья и огня,
жизнь моя, чего же я не знаю,
что ты утаила от меня?

Не лелеяла и не щадила,
в непогоды лета и зимы,
по обходным тропкам не водила —
напрямик,
как люди, так и мы.

Мне хватало счастья и печали.
Я бы, право, дорого дала,
чтобы вы чуть-чуть поизучали
то, что я сама пережила.

Или я опять не то сказала?
Вижу, вы нахмурились опять:
«Я сама... Ей-богу, это мало!
Надо жизнь чужую изучать».

Изучать положено от века
ремесло, науки, языки.
Но живые чувства человека,
жар любви и холодок тоски,
негасимый свет, огонь горячий,
тот, который злу не потушить...
Это называется иначе.
Понимать все это — значит жить.
Сколько ни пытаюсь, не умею
изучать, как алгебру, людей,
боль чужую делаю своею,
чью-то радость делаю своей.
Сколько ни стараюсь, не умею,
жизнь моя, делить тебя межой:
мол, досюда ты была моею,
а отсюда делалась чужой.

Своего солдата провожая
в сторону фашистского огня,
это жизнь моя или чужая —
право, не задумывалась я.
Разве обошла меня сторонкой
хоть одна народная беда?
Разве той штабной похоронкой
нас не породнило навсегда?
Разве в грозный год неурожая
разная была у нас нужда?
Это жизнь моя или чужая —
я не размышляла никогда.
Словно роща осенью сквозная,
полная раздумья и огня,
жизнь моя, чего же я не знаю,
что ты утаила от меня?

Буду ждать, гадая, как о чуде,
веря в жизнь и обещая ей
жить равнодушно, жить, как люди,
просто жить с людьми и для людей.
Нету мне ни праздника, ни славы,
люди мои добрые, без вас.

Жизнь моя — судьба моей державы,
каждый сущий день ее и час.
Бурь ее железные порывы,
лучезарных полдней синева,
все — мое,

и всем, чем люди живы,
я жива, покуда я жива!
Не прошу о льготе и защите,
жизнь моя, горю в твоём огне.

Так что, мой попутчик, не взыщите
и не сокрушайтесь обо мне.

Жизнь огромна, жизнь везде и всюду,
тем полней, чем больше человек.
Я уж изучать ее не буду,
буду влюблена в нее навек!

1956

ГЕНЕРАЛ

Памяти Матэ Залки

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаевшись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был,—
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять?

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был — над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освещает в бою.
И где б он ни бился — он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

1937

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть, одетый старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,

Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло! —
Не понять неждавшим им,
Как среди огня

Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

С Л А В А

За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руки занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

1942

Н Е М Е Ц

В Берлине, на холодной сцене,
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее,
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог оброненный.

Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ Сопротивления,
Вдруг в этом зале обнародованный.

Он пел в разрушенном Берлине
Все, что когда-то пел в Испании,
Все, что внутри, как в карантине,
Сидело в нем семь лет молчания.

Менялись оболочки тела,
Походки, паспорта и платья,
Но, молча душу сжав в объятья,
В нем песня еле слышно пела,
Она охрипла и болела,
Она в жару на досках билась,
Она в застенках огрубела
И в одиночках простудилась.

Она явилась в этом зале,
Где так давно ее не пели.
Одни, узнав ее, рыдали,
Другие глаз поднять не смели.
Над тем, кто предал ее на муки,
Она в молчанье постояла
И тихо положила руки
На плечи тех, кого узнала.
Все видели, она одета
Из-под Мадрида, прямо с фронта:
В плащ и кожанку с пистолетом
И тельманку с значком Рот Фронта.
А тот, кто пел ее, казалось,
Не пел ее, а шел в сражение,
И пересохших губ движенье,
Как ветер боя, лиц касалось.

.

Мы шли с концерта с ним, усталым,
Обнявшись, как солдат с солдатом,
По тем разрушенным кварталам,
Где я шел в мае в сорок пятом.
Я с этим немцем шел, как с братом,
Шел длинным каменным кладбищем,
Недавно — взятым и проклятым,
Сегодня — просто пепелищем.

И я скорбел с ним, с немцем этим,
Что, в тюрьмы загнан и поборот,
Давно когда-то, в тридцать третьем,
Он не сумел спасти свой город.

1948

ДРУГ-ПРИЯТЕЛЬ

Едва ошибся человек,
Как сразу — им в привычку —
Уж тянут, тянут руки вверх
Его друзья — в кавычках.

Один — чтоб первым осудить
На первом же собрании,
Другой — чтоб всех предупредить,
Что он все знал заранее...

Что говорить об этих двух?
Из сердца сделай вычерк!
Но вот сидит твой третий друг —
Как будто без кавычек.

Он и сегодня, как вчера,
Рубашкою поделится,
Проутешает до утра:
Что это все безделица
И скоро перемелется...

С тобой душой не покривит:
Что можно, да и нужно
Тебе за грех твой дать на вид,
А больше не положено!
А больше не заслужено!
Но, не потупивши глаза
И медный голос выковав,
Его подаст он все же — за
Тот самый строгий выговор,
Что хоть и не положен
И все тому подобное...
Но раз уже предложен,
То против — неудобно!

Потом с собрания к нему
Зайдешь — затащит силой,
Чтоб объясниться, что к чему:
Что не тебе, брат, одному,
А и ему, а и ему —
Да-да! — не просто было!
Что он тебя всегда любил,
И все об этом знают;

Случалось, вместе водку пил,
И это тоже знают;
Вдобавок вы с ним земляки,
И нету человека,
Чтобы не знал, как вы близки
С ним чуть не четверть века.

В твою защиту выступить —
Как напоказ все выставить!
Вдруг раздались бы реплики:
Мол, время зря не тратили,
Мол, уж не слишком крепко ли
Спаялись вы, приятели?
Кому же это

нужно-то!

Ведь было б только хуже — да?
А так —

ну что ж, ну строго,
Ну перегнули малость,
За выговор, ей-богу,
Рука не подымалась!

— А все же — поднял?

— Поднял.

Так это ведь — сегодня,
Но есть еще райком,
горком,

Поговорят,
протрут с песком,
Дадут на вид, пожалуй,
А выговор — обжалуй!

И я, как вызовут, скажу,
Что в этом отношении
Я слишком строгим нахожу
Первичное решение.

Дерись, обжалуй!

А пока,

Коль доведется туго,
Вот, брат, тебе моя рука,
А если надо — угол,
Бывает, брат, и хуже,
Давай садись за ужин,
Беда — бедой,

еда — едой!

И смотришь на него, как он
Все ходит, суетится,
И добрый он,
И славный он,
И чуть собой гордится,
Накормит и напоит,
Спать у себя положит...
А большего не стоит
И спрашивать, быть может?

Но вдруг
 совсем простой
 вопрос:

«Постой, постой,
 что он тут нес?
И почему же, собственно,
Не мог он на собрании
Сказать о мнении собственном
Перед голосованием?

Что вы не просто с ним дружки,
Что вы врагов с ним били,
Что в жизни не одни вершки —
И труд и бой делили;

Что не слепою верою —
В делах дурной попутчицей,—
Что всею жизни мерою
Он за тебя поручится!»

Его ты вправе упрекнуть,
Хоть люди есть и хуже...
Все дело в том,
 как тут взглянуть:

Пошире?
 Иль поуже?

Поуже — что ж, все ничего,
Он парень неплохой,
Не требуй лишнего с него —
Спасибо, что такой.
Пошире взгляд жесток, увы,—
С ним не были друзьями вы!

Тех двух, с кого я начал речь,
Их просто от себя отсечь.

Но с этим третьим — сложно,
Заколебаться можно...
Чтоб эти вытравить черты,
Пора в лицо смотреть им —
Случается,
 что я и ты
Бываем этим —
 третьим...

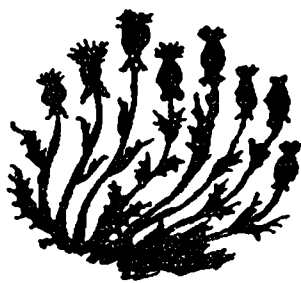
1954

* * *

Напоминает море — море.
Напоминают горы — горы.
Напоминает горе — горе;
Одно — другое.

Чужого горя не бывает,
Кто это подтвердить боится,—
Наверно, или убивает,
Или готовится в убийцы...

1970

Вероника Тушнова

* * *

Вот говорят: Россия...
Реченьки да березки...
А я твои руки вижу,
узловатые руки,
жесткие.
Руки, от стирки сморщенные,
слезами горькими смоченные,
качавшие, пеленавшие,
на победу благословлявшие.
Вижу пальцы твои сведенные,—
все заботы твои счастливые,
все труды твои обыденные,
все потери неисчислимые...
Отдохнуть бы,
да нет привычки
на коленях лежать им празднo...
Я куплю тебе рукавички,
хочешь, синие, хочешь, красные?
Не говори «не надо»,—
мол, на что красота старухе?
Я на сердце согреть бы рада
натруженные твои руки.
Как спасенье свое держу их,
волнения не осия.
Добрые твои руки,
прекрасные твои руки,
мать моя, Россия!

1962

РОДИНЕ

Сперва ты просто для меня была
Моею мамой с теплыми руками,
И умещался мир в оконной раме,
И я была совсем еще мала.

Затем двором ты стала, топольком
И ручейком, звенящим у забора,
С гусятами, плывущими гуськом,
Как желтые кораблики, под гору.

А после стала улицей родной
И школою взыскательной и строгой,
А улица продолжилась дорогой,
Ведущей вдаль, за горизонт сквозной.

И я узнала, как ты широка,
И не вместить тебя в оконной раме,
Ты стала полем, синими горами,
Призывом паровозного гудка.

Ты стала песнею, слетевшей с губ,
Знаменами октябрьского парада,
И дымом заводских высоких труб,
И гроздьями тугими винограда.

Родной Москвой ты стала для меня,
И вопреки бескрайним расстояньям
Есть у меня ближайшая родня
На сопках и под северным сияньем.

Ты исподволь вращалась в жизнь мою,
И сто дорог вели с тропинки горной,
Необозримо стала ты просторной,
Но я тебя повсюду узнаю.

Да, узнаю! Пускай такой ты стала,
Что не обнять и взглядом не объять.
И все-таки, как с самого начала,
Я узнаю в тебе родную мать!

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели.
В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остротки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настежь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день,
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом,
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся до его лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

1942

ПЕСНЯ НЕЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

О. Ф. Берггольц

Я нес ее в госпиталь. Пела
Сирена в потемках отбой,
И зарево после обстрела
Горело над черной Невой.

Была она, словно пушинка,
Безвольна, легка и слаба.
Сползла на затылок косынка
С прозрачного детского лба.

И мýка бесцветные губы
Смертельным огнем запекла.
Сквозь белые сжатые зубы
Багровая струйка текла.

И капала тонко и мелко
На кафель капелью огня.
В приемном покое сиделка
Взяла эту жизнь у меня.

И жизнь приоткрыла ресницы,
Сверкнула подобно лучу,
Сказала мне голосом птицы:
— А я умирать не хочу...

И слабенький голос заполнил
Мое существо, как обвал.
Я памятью сердца запомнил
Лица воскового овал.

Жизнь хлещет метелью. И с краю
Летят верстовые столбы.
И я никогда не узнаю
Блокадной девчонки судьбы.

Осталась в живых она, нет ли?
Не видно в тумане лица.
Дороги запутаны. Петли
На петли легли без конца.

Но дело не в этом, не в этом.
Я с новой заботой лечу.

И слышу откуда-то, где-то:
— А я умирать не хочу...

И мне не уйти, не забыться.
Не сбросить тревоги кольцо.
Мне видится четко на лицах
Ее восковое лицо.

Как будто бы в дымке рассвета,
В неведомых мне округах,
Тревожная наша планета
Лежит у меня на руках.

И сердце пульсирует мелко,
Дрожит под моею рукой.
Я сам ее врач, и сиделка,
И тихий приемный покой.

И мне начинать перевязку,
Всю ночь в изголовье сидеть,
Рассказывать старую сказку,
С январской метелью сидеть.

Глядеть на созвездья иные
Глазами земными в века.
И слушать всю ночь позывные
Бессмертного сердца. Пока,

Пока она глаз не покажет,
И не улыбнется в тени,
И мне благодарно не скажет:
— Довольно. Иди отдохни.

1964

Дебора Вааранди

ТКАЧИХА

Я помню, в цех война вступила,
Весь цех заполнила собою.
Казалось, труженицы тыла
Здесь лично встретились с войною.

И лампочки светили скупю,
И пар шел, если разжимали
Невесело ткачихи губы.
Мы ткали марлю, марлю ткали.

Не ткали мы цветных узоров,
Мы ткали жизнь мужьям и детям.
Мы знали кровь, какую скоро
В себя впитают метры эти.

Стонало сердце, но на пряжу
Я ни слезинки не роняла,
Глаза сухими были, даже
Когда всех близких потеряла.

Их никогда не будет дома.
Грущу вечернею порою.
Но вот мальчонка незнакомый,
Рубашка, вытканная мною.

Вновь руки принялись за дело,
Глаза от горя не померкли.
Теперь бы всех осиротелых
Одеть по материнской мерке!

1953

ЦВЕТОК И УЛЫБКА

Желтый цветок безымянный,
Крохотный, придорожный...
Снова и снова вижу
И вспоминаю, будто
Мне говорили когда-то:
Этот цветок срывали.

Его из-под ног пропыленных
Измученных заключенных
Сорвал молодой узник,
Поднял его к сердцу
И улыбнулся нежно.

Тюремщик со строгим запретом
Не вырвал цветок из рук.
За это — три дня без окон
И без дверей три ночи.
Карцер — цена цветка.

За что же я заслужила
Этот цветок и улыбку?

Идущий на смерть сын Эллады
Подносит к губам гвоздику
На фото, на книжной полке.
Сквозь годы будет светиться
Сильным, живым светом
Улыбка в его глазах.

Чем же я заслужила
Улыбку твою, Белояннис?
Песня за что нам, люди,
Из-за холодной решетки?

Не цепь ли сердец мы с вами?
И, как боевой факел,
Должен идти по кругу
В руки из рук цветов.
Из уст в уста — песнь победы,
С лица на лицо — улыбка.
Улыбка навстречу жизни.

1956

О, ЕСЛИ Б ОЖИВАЛИ ГРЕЗЫ

О, если б оживали грезы,
то пробудилась бы, взлетела
та бабочка с доски барака,
та бабочка...

Ребенок рисовал ее по-детски —
широкие узорчатые крылья,
лицо же — человека:
два выпуклых и черных глаза,
и нос, и рот...

«Я ни одной не видел бабочки,
не залетают в лагерь бабочки...»

Ты — лишь былинка, над твоим страданием
беспомощно поэзия витает,
словами передать его не в силах!

Но все ж и в нем поэзия — в рисунке,
твоя душа крылата,
и, воспарив над гибелью и скверной,
она живет поныне,
глядят ее глаза на нас с печалью...

Когда умолкнет гул войны навеки,
то оживет, очнется для полета
та бабочка с доски барака
и тихо улетит в забвенье.

Все тайные, безмолвные печали,
как реки, убегающие в море,
раз навсегда уж выплакаться смогут
и тихо уплывут в забвенье,
когда умолкнет гул войны
навек!

1959

МАЯКОВСКИЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Чужая речь.
Чужие лица.
Продажа. Купля. Джаз и сквер.
И он ходил по загранице,
Как раздраженный Гулливер.
И проходил у самых окон,
Как солнце резкое, слепя,
И небо Мексики высокое,
Как шляпу, мерил на себя.
Он сквозь дворцы увидел горе
И нищету — сквозь тонкий шелк.
Как наступающее море,
Он к ним из будущего шел.
Он возвышался над врагами
Монументально-тяжело,
И где-нибудь его шагами
Асфальт на Западе прожгло.
Он так глядел кругом крамольно,
Как будто прибыл к ним за тем,
Чтоб выбрать здание под Смольный
И выбрать крепости под Кремль.

1941

ВРЕМЯ

Мы бронзой покрываемся в походе,
Над нами солнце всходит каждый день
И каждый день на западе заходит,
И мир цветной повторно ввергнут в тень.
Еще штыками обернутся песни,
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник,
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся — счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.

У вас сады. У вас цветенье лета.
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного света,
И холодно быть памятником тут...
Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах,—
Почувствуй нас взволнованней, чем лектор:
Ведь и от вас мы отвели беду,
Товарищ мой, бредущий по проспекту
В трехтысячном немыслимом году.

1940—1944

* * *

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты — солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,—
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943

В Ы С О Т А

М. Фомичеву

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.

И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты —
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

1944

У ВХОДА В СКАЛАТ

А. Лозовскому

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленной кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните, по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, иль сгореть.

1944

МОЯ ГЕОГРАФИЯ

Географы!

Бросьте учебники древние

В печь, словно мусор,

Без сожаления!

Все переиначено, трижды проверено

В вашей науке великим сраженьем!

Вам старые книги пора обстоятельно

Пересмотреть

И перетряхнуть их...

Война мне учительницей внимательной

Была на кровавых своих перепутьях.

Не раз по-пластунски по нивам мы ползали,

Ощупали каждую кочку болотную,

С дубами беседы вели и с березами,

Луга рассказали нам всю подноготную...

Вы нудно писали про наши селения:

«У речек стоят, на пригорках цветущих...»

А думали вы о переселении

Народа в глухие и темные пущи?

Пожег свои хаты он в год этот памятный,

Был сыт он не хлебом, а местью и злостью,

Ходил на врага он облавой и грамоте

Свою детвору обучал на бересте.

А реки?

По-вашему — тихие, пресные,

В них рыба и тина годами спрессованы,

А их берега, словно губы, потрескались

От жажды, и просит воды непросоленной

Болотного чибиса голос слабеющий...

Тут слезы текли.

И кто раз тут помылся,

Тот солью беды — сединою покрылся...

Про это не сказано в книгах нигде еще?

Ходила легенда, что край наш не славится

Вулканами грозными

И землетрясениями...

Спросите врагов — и они вам признаются,
Как пуща трясла их ночами осенними.

Их жуткие всюду встречали провалы,
Горячею лавой земля заливала,
И в этом отчаянье, в этом безумии
Им шуткой казались бы вспышки Везувия!

На картах неточных и желтых от старости,
Где все под песок и траву заштриховано,—
Поставьте
Крестов бесконечные заросли —
Здесь в землю враги навсегда замурованы!
Пока еще новые будут издания
И новые карты доставят по плану вам,—
Вот вам, читатель, лишь очертания
Моей географии, сделанной заново!

1944

* * *

Митинги великой революции —
Общий гнев,
И боль,
И общий стон.
Заседанья ради резолюции —
Общий шум
И скука.
Общий сон.

Слово правды,
Ты нас вдохновляло
В час беды,
На линии огня.
Слово фальши,
Ты нас усыпляло:
Равнодушных болтунов трепня.
Я хочу, чтоб для большого
только,
Только
для великих слов и дел,
Собирая дружных и усталых толпы,
Призывающий набат гудел.

1965

Кайсын Кулиев

РОДНОЙ ЯЗЫК

В тебе тепло есть материнской груди
И запах трав родных в тебе полей,
Вся свежесть рощ в твоих словах пребудет,
Как молоко балкарских матерей,

Вкус испеченного родимой хлеба
И взоров материнских теплота,
Тепло родного очага и неба,
Где майского рассвета чистота.

Лавины снежной грохот одинокий
И турий бег, отвесная скала,
Удар меча героя и далекий
Тот клетот ввысь летящего орла,

Звон родника, раскаты бури снова,
Зной солнца, и вечерний мир полей,
И голос гнева в час беды суровой,
И воркованье нежных голубей.

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь,
Родной язык, ты юности язык,
Родной язык, ты верности язык.

1955

СТАРЫМ ГОРСКИМ МАСТЕРАМ

Вы ютились над крутизной,
Властелины страны богатой,
Глину с камнем земли родной
Почитавшие выше злата.

Не вставая весь век с колен,
Вы построили здесь твердыни,
Камень созданных вами стен
Да прославит ваш труд и ныне.

Вы ровняли вершины скал,
Обживали такие кручи,
Где до вас никто не бывал,
Разве только орлы и тучи.

Я смотрю в эту синюю высь,
И мне кажется: под облаками
Не с камнями камни срослись,
А слепились сердца с сердцами.

Враг селенья сжигал дотла,
Где вы строили, где вы жили,
Ваша кровь по камням текла,
Отливалась гранитной пылью.

Гибнул мастер, вы для него
Камень ставили на могиле,
Чтобы мужество и мастерство
Неразлучны навеки были.

Пусть же святы будут в веках
Для балкарцев всех поколений
Кровь мозолей на ваших руках
И заплаты на ваших коленях.

Я — ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

В тех местах, где и тропок нет,
Вы о камни сбивали ноги,
Чтоб я шел через сотни лет
По проложенной вами дороге.

Мы — балкарской земли сыны!
Кто когда бы свой век ни прожил,
В нашем взгляде отражены
Горы те же и небо то же.

Все мы камни скалы одной,
Все мы глина земли родной,
Части дерева одного,
Я лишь ветка — вы корни его.

1958

МОЙ КАВКАЗ

Мой Кавказ, твоя стать та же все и не та.
Вековали в тебе горя дикие бездны,
с нищетою сливалась твоя высота,
с вихрем плясок твоих — твои горькие беды.

Умирали сыны твои, камни обняв,
были скалы не скалы — могильные плиты.
И над ними вершины белеющих глав,
как знамена твоей чистоты, были взвиты.

Реки стыли в ущельях от срубленных тел,
было крови загубленных пролито вдоволь.
Свист свирепых ермоловских сабель летел
впереди вековой безысходности вдовьей.

Но и пушкинский плащ на дорогах твоих
реял птицей.

И, болью поэта рожденный,
воспевал тебя русский пленительный стих,
непокорной душою твоей окрыленный.

От вершин твоих Лермонтов горестных глаз
все не мог оторвать и, шепча твое имя,
боль свою доверял твоим звездам, Кавказ.
Ты слова его боли считаешь своими.

И не ты виноват, что припал он к тебе
на твоём Машуке и закрыл свои веки.
Был он равным тебе в твоей горькой судьбе,
стал он вечно твоим, как вершины и реки.

За тобой, мой Кавказ, цепи длинных веков.
То ль закат, то ль заря, то ли кровь на вершинах,
влился в имя твое звон стихов и клинков.
Мой Кавказ, я — перо твоих крыльев орлиных,

Мой Кавказ, жизнь моя!

Без тебя я — не я,
без Чегема, без гор, без чинары на склоне.
Мой Кавказ, колыбель и могила моя,
пред тобою всю жизнь я в сыновнем поклоне.

Ты повсюду, всегда явь моя, мои сны,
сновиденьями зимними вьсытся горы.
Над горами — зеленые ветры весны,
а вокруг — синева, как морские просторы.

Это — ты, мой Кавказ. И сегодняшней ты,
это — хваткой плотин укрощенные воды,
это — голос светила, что, став на хребты,
возглашает рождением: «Мир вам, народы!»

Мой Кавказ, твоя стать та же все и не та,
за тобою века в поседелых былинах.
Говорю я: «Бессмертна твоя высота!»
Я — всего лишь перо твоих крыльев орлиных.

1970

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПУТИ ИЗ ПОЛЬШИ

Мой отчий край — земли огромной долька,—
Горами стиснутый со всех сторон,
Мой бедный край, богатый камнем только,
Ты мне дороже всех — я здесь рожден.

В краю, где камень меж лугов альпийских,
Ценили горцы доброту и труд,
Справляли свадьбы, хоронили близких,
Подобно всем, что на земле живут.

Мелькали годы, подрастали дети,
Мы строили дома, растили скот,
Уверенные, что на белом свете
Велик и малочисленный народ.

Бывали свет и темень, дни и ночи,
И жены нашей маленькой земли,
Как все, как женщины народов прочих,
Баюкали детей и хлеб пекли.

Мужской отвагой, женской красотой
Не только тех, чьим землям нет числа,
Одаривает с царской широтою
Судьба, ко всем равно добра и зла.

Как у других красавиц, так же нежно
Горел и грел мужей горянок взор,
Чем прочие, не менее прилежно
Пахали горцы склоны отчих гор.

Здесь были и пророки и герои,
И как народ наш горский ни был мал,
Холодный камень и металл порою
В руках его умельцев оживал.

Балкарцы, мы не хуже и не лучше
Других земных племен, других людей,
Как ни было бы дерево могуче,
Ему не жить без маленьких ветвей.

И если все же кто-то уничтожит
Мой иль иной какой-нибудь народ,
Мир потеряет многое, быть может,
А что найдет и что приобретет?

Об этом все мучительней и больше
Я с грустью думал много дней подряд,
Когда ходил по возрожденной Польше,
И думаю теперь, летя назад.

О польский край, враги к тебе войною
Пришли, убили многих, все сожгли.
Тот, кто хотел сровнять тебя с землею,
Хотел и нас стереть с лица земли.

Похожим пламенем горят селенья
На всей земле. И слезы матерей
В краю поляков солоны не менее,
Чем слезы матерей земли моей.

В любом краю с одним и тем же гневом
Встречают люди строй чужих солдат.

У всех нас кровь багрова, и посевы
Повсюду одинаково горят.

И если голод чью-то землю гложет,
То в темных и нетопленных домах
Повсюду в мире дети плачут схоже,
Хоть говорят на разных языках.

Пусть расцветает краше год от года
Наш отчий край, пусть польский край цветет!
Велик он или мал, любой народ —
Частица человеческого рода.

1973

СИНЭ

Синяя Синэ, моя колыбель,
Синее-синее чудо!
В долгих скитаньях моих о тебе ль,
Синяя Синэ, забуду?

То не с твоих берегов ли ко мне
Ветер врывается, глядя
Плечи, ладони, виски в седине,
Шумно листая тетради?

Мнится, он послан тобой подсмотреть
У поседевшего сына:
Не поспешил ли душой постареть,
Помнит ли синюю Синэ?

Если меня одолеет печаль
Или невзгода крутая,
Синяя Синэ, в далекую даль
Мыслью к тебе улетаю.

О, как давно не касался я скал,
Невозмутимых, как боги,
Вброд, мелководьем, не пересекал
Пенящиеся пороги!

Не наклонялся к быстринам твоим,
Чья незабвенна прохлада,
В чаще не стаивал под золотым,
Крупным дождем листопада!

Даже когда я, устав, допишу
Жизни последние строчки —
Синэ, вернуться к тебе поспешу
Каплей росы на листочке.

Ливнем весенним и бурным пройду
По близлежащим наслегам,
В зимнюю пору на берег паду
Белым, сверкающим снегом.

Иль воплощусь я, друзья-земляки,
В духа тайги — Байаная,
Стану царить, звероловам в силки
Лучших зверей загоняя.

Сделаюсь эхом в тумане густом,
В дымчатой мгле предрассветной,
Встану красивейшим в мире мостом —
Радугою семицветной.

Ну, а покуда — грустя и любя
Трепетно, нежно и сильно,
В песне душевной я славлю тебя,
Синяя-синяя Синэ!

1971

* * *

Читатель мой, стихи тебе даря,
Волнуюсь я... Мои творенья грубы,
Как жесткие ладони косаря,
Как рыбака обветренные губы.

Я слышу иногда, что стих — простой,
Для нынешнего века — неглубокий.
И, горькою охваченный тоской,
Я жадно перечитываю строки.

Вот эта фраза держится едва.
Та лишняя. Рукою виноватой
Я трогаю неровные слова,
Как будто ствол сухой и сучковатый.

Колючие, топорщатся они
В нечаянных, бесхитростных вопросах.
И нет у них порою даже рифм,
Как принято у тех, звонкоголосых...

А кто герой лирический? В стихи
Простых людей созвал я. И не скрою —
Охотники мои и пастухи
Такие же, как ты, мой друг, — герои.

Читатель, если хочется, брани.
Не зря свои стихи ругает, дескать.

И все-таки мне по сердцу они
За эту их обыденность и резкость!

Ведь я не в облаках, а на земле
Живу с людьми, не знающими лени,
Где поезд задыхается во мгле
И падают от холода олени.

Я друг ваш и земляк, я знаю вас,
Доярки, рудокопы, лесорубы!
Пусть на язык и бойки вы подчас,
Но мысли ваши светлые не грубы!

Я вас люблю в заснеженном краю
И вас одних, волнением объятый,
Среди костров пылающих пою,
Народных дел восторженный глашатай.

Я сродник ваш. Угодно так судьбе,
Чтоб каждое мое трудилось слово
И тяжести таскало на себе,
Прокладывая путь для жизни новой.

И кружится немного голова,
Когда во тьме, исполненные риска,
Летят с ладоней новые слова —
Любви моей негаснущие искры!

ЯЗЫК ОКТЯБРЯ

Он держал не перо, а мотыгу
В заскорузлых крестьянских руках.
И лежала земля, словно книга,
Что не мог прочитать он никак.

И его, не как нынче, не к школе,
С детских лет из родного села
Бедняка в кукурузное поле
Неширокая тропка вела.

Хоть усердно работал — на диво,
Не щадила судьба бедняка.
Сколько лет он молчал терпеливо —
Видно, правды не знал языка.

И однажды за русским солдатом,
Положившим терпению конец,
Зашагал мой отец, как за братом,
Вслед за правдой пошел мой отец.

И пылало абхазское небо
Над огнем всколыхнувшихся сел,
Пусть отец мой за партою не был —
Боевую он школу прошел.

И в руках он уже не мотыгу,
А винтовку сжимает в дыму,
И земля, как раскрытая книга,
Каждой строчкой понятна ему.

В бой идя с батальоном ударным,
Новым чувством дыша и горя,
Там, в окопах,
С путиловским парнем
Изучил он язык Октября.

1953

Павел Коган

ПИСЬМО

Жоре Ленскому

Вот и мы дожили,
Вот и мы получаем весточки
В изжеванных конвертах с треугольными
штемпелями.

Где сквозь запах армейской кожи,
Сквозь бестолочь
Слышно самое то,
То самое,
Как гудок за полями.
Вот и ты,
товарищ красноармеец
музвзвода,
Воду пьешь по утрам из заболоченных
речек.

А поля между нами,
А леса между нами и воды.
Человек ты мой,
Человек ты мой,
Дорогой ты мой человече!
А поля между нами,
А леса между нами.
(Россия!
Разметалась, раскинулась
По лежбищам, по урочищам.
Что мне звать тебя!
Разве голосом ее осилишь,
Если в ней, словно в, памяти,
словно в юности:

Попадешь — не воротишься.)
А зима между нами.
(Зима ты моя,
Словно матовая,
Словно рósшитая,
На большак, большая, хрома ты,
На проселочную горбата,
А снега по тебе — громада,
Сине-синие, запорошенные.)
Я и писем тебе писать не научен.

(...А вы все трагической героиней,
А снитесь — девочкой-неспокойкой.
А трубач «тáри-тáра-тá» трубит:

А ветра сухие на Западной Украине.)
Я вот тоже любил одну, сероглазницу,
Слишком взрослую, может быть,

А уеду и вспомню такой проказницей,
Непутевой такой, такой недотрогой.
Мы пройдем через это.

В десять лет мечтатели,
В четырнадцать — поэты и урки.
В двадцать пять — внесенные в смертные

выжил).

Ты прости мне тогда, что я не писал
тебе писем.

А за нами женщины наши,
И годы наши босые,
И стихи наши,
И юность,
И январские рассветы.

А леса за нами,
А поля за нами —
Россия!

И, наверно, земшарная Республика
Советов!

Вот не вышло письма.

Не вышло письма,
Какое там!

Но я напишу,
Повинен,

Ведь я понимаю,

Трубач «та́ри-та́ри-та́» трубит:

«По койкам!»

И ветра сухие на Западной Украине.

Декабрь, 1940

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
нам не лавры нужны,
не цветы под ногами,
нам, пришедшим с войны.
Нет, не это.
Нам надо,
чтоб ступила нога
на хлебные степи,
на цветные луга.

Не жалейте,
 не жалуйте отдыхом нас,
мы совсем не устали.
Нам — в дорогу как раз!
Не глядите на нас с умилением,
 не
удивляйтесь
 живым.
Жили мы на войне!

Нам не отдыха надо
и не тишины.
Не ласкайте нас званьем:
«Участник войны!»
Нам —
 трудом обновить
 ордена и почет!
Жажда трудной работы
 нам ладони сечет.
Мы окопами землю изрыли,
 пора
нам точить лемехи
и водить трактора.
Нам пора —
 звон оружия
 на звон топора,
посвист пуль —
 на шипенье пилы
 и пера.

со сцены —
 в первый ряд,
прицеливаясь с руки,
двинулся
 наш
 отряд.
К суфлерской будке
 старшина
припал
и бил во тьму.
И

 история сама
суфлировала ему.
Огнем поддерживая нас,
в боку зажимая боль,
он без позы и без прикрас
сыграл
 великую
 роль.

Я вспомнил об этом,
 взглянув вчера
на театр в коробке лесов.
Фанерную дверь его по вечерам
сторож берет на засов.
Строители утром идут сюда,
чтобы весной
театр засиял,
 как никогда,
красками и новизной.

Я шел,
 и шел,
 и думал о тех,
кому на сцене жить,
какую правду
 и в слезы
 и в смех
должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
какие нужны слова,
чтоб после подвига старшины
искусству
 вернуть права!

С Е Р Д Ц А

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг.
Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

1955

Р А Б С К А Я К Р О В Ъ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство досталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных, горячих,
Совершавших большие дела,
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врачу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почуяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,

Но пришлось — подлецу улыбнулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу,—
Как предатель,
Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу,
Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.

Не убьешь ее пулей свинцовой
И за горло ее не возьмешь.

Но борюсь я.
Не днями — годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

1957

С О В Е С Т Ь

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет...
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,

Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той, голубой,
Как бывало, спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О, мама! —
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки, откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Ободрить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?!
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что еще никого
На земле я
Не сделал счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною,
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И ни ту, что мне стала женою.

Никого!
А ведь сердце веселое
Миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно.
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться обратно...

Упадет голова —
Не на плаху,
На тихую грусть.
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают —

Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

1964

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень под твоей стопой.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду с тобою.

Когда аркан над головой свистел
И шум пиров катился по улусам,
Другой бы постарел и поседел,
А я русел,
Я становился — русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил и травы,
А я все рос,
Я становился — выше.

И кровь была дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитою,
Другой ожесточился бы давно,
А я добрел — твоею добротою.

По грозам, по ветрам да по снегам
Я заучил твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей ровесник.

Мы стали и моложе и новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога стала только круче,
Моя задача — только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше солнце встретит,
Кто средь друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки на крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печется,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнется,
Как всюду
Закачаются моря.

Дробится камень под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём давно минувшем,—
Дай и в грядущем
Мне побыть с тобой.

1966

ПОЭТ

И сам не думал он об этом
В застенке мрачном царских лет,
Что был не просто он поэтом —
Предтечей нашим был поэт.

Он поднял пистолет над снегом,
А снег — как белая постель...
Он вел дуэль не с человеком —
С самодержавьем вел дуэль.

«С свинцом в груди и жаждой мести»
Тогда он пал. Но к нашим дням
Рванулись пушкинские песни,
А значит, он рванулся сам.

Он жил в борьбе, он жил стихами,
Приветствуя зари восход.
И гневно перед палачами
Встал «грозный судия» — народ.

О, Октября мятежный порох!
О, взлет раскованной души!
И гордый, гулкий залп «Авроры»
Дуэль поэта завершил.

И всем, кто погубил поэта,
Кто в цепи заковал народ,
Воздал сторицею за это
Семнадцатый великий год!

О Пушкин! Песней звонкой рвутся
К тебе сердца людские вновь.
Горит на стяге революции
Поэта «праведная кровь».

1960

Николай Майоров

МЫ

Это время
трудновато для пера.

М а я к о в с к и й

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

Михаил Кульчицкий

КРАСНЫЙ СТЯГ

Когда я пришел, призываясь, в казарму,
Товарищ на белой стене показал
Красное знамя от командарма,
Которое бросилось бронзой в глаза.
Простреленный стяг из багрового шелка
Нам веет степными ветрами в лицо...
Мы им покрывали в тоске, замолкнув,
Упавших на острые камни бойцов...
Бывало, быть может, с древка он снимался,
И прятал боец у себя на груди
Горячий штандарт... Но опять он взвивался
Над шедшею цепью в штыки

. впереди!

И он, как костер, согревает рабочих,
Как было в повторности спасских атак...
О дни штурмовые, студеные ночи,
Когда замерзает дыханье у рта!
И он зашумит!.. Зашумит — разовьется
Над самым последним из наших боев!
Он заревом над землей разольется
Он — жизнь, и родная земля, и любовь!

1939

СТОЛИЦА

Здесь каждый дом стоит, как дот,
И тянутся во мгле
Зенитки с крыши в небосвод,
Как шпили на Кремле.

Как знак, что в этот час родней
С Кремлем моя земля,
И даже кажутся тесней
Дома вокруг Кремля.

На окнах белые кресты
Мелькают второпях,—
Такой же крест поставишь ты,
Москва, на всех врагах.

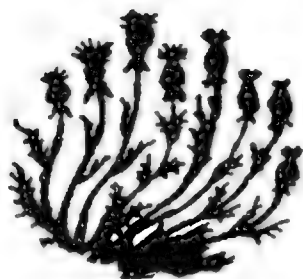
А мимо — площади, мосты,
Патрульный на коне...
Оскалясь надолбами, ты
Еще роднее мне.

И каждый взрыв или пожар
В любом твоём доме
Я ощущаю как удар
По сердцу моему.

Но мы залечим каждый дом,
И в окнах будет свет,
Дворец Советов возведем
Как памятник побед.

И чертят небо над Москвой
Прожекторов лучи.
И от застав шагают в бой
Родные москвичи...

Октябрь 1941

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрестке битых три часа
Я стоял, ошеломленный, вовсе проглядев
Все издавшие на свете синие глаза.

Вел колонну итальянцев однорукий серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивильные поляки — пестрая толпа!
Шел француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шел старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.
— Где батрачил ты? — спросил я. — Где свой ищешь дом?
— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.

Шла девчонка. Платье — в клочья, косы — как кудель...
«Вот, — подумал я, — красotka с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадемуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диковинных отрепьях, сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка, — что за странный взгляд?
— Где ж ты родичей оставил, Расскажи, малец?
— Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы. Что там толпы — тьмы! —
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

КОСТЕР

Прошло с тех пор немало дней,
С тех стародавних пор,
Когда мы встретились с тобой
Вблизи Саксонских гор,
Когда над Эльбой полыхал
Солдатский наш костер.

Хватало хвороста в ту ночь,
Сухой травы и дров,
Дрова мы вместе разожгли,
Солдаты двух полков.
Полков разноименных стран
И разных языков.

Неплохо было нам с тобой
Встречать тогда рассвет
И рассуждать под треск ветвей,
Что мы на сотни лет,
На сотни лет весь белый свет
Избавили от бед.

И наш костер светил в ночи
Светлей ночных светил,
Со всех пяти материков
Он людям виден был.
Его и дождь тогда не брал
И ветер не гасил.

И тьма ночная, отступив,
Не смела спорить с ним,
И верил я, и верил ты,
Что он неугасим,
И это было, Джонни Смит,
Понятно нам двоим.

Но вот через столбцы газет
Косая тень скользит
И снова застит белый свет
И свету тьмой грозит.
Я рассекаю эту тень:
— Где ты, Джонни Смит?!

В уэльской шахте ли гремит
Гром твоей кирки,
Иль слышит сонный Бирмингам
Глухие каблуки,
Когда ты ночью без жилья
Бродишь вдоль реки?

Но уж в одном ручаюсь я,
Ручаюсь головой,
Что ни в одной из двух палат
Не слышен голос твой
И что в Париж тебя министр
Не пригласил с собой.

Но я спрошу тебя в упор:
Как можешь ты молчать,
Как можешь верить в тишь, да гладь,
Да божью благодать,
Когда грозятся наш костер
Смести и растоптать?

Костер, что никогда не гас
В сердцах простых людей,
Не погасить, не разметать
Штыками патрулей,
С полос подкупленных газет,
С парламентских скамей.

Мы скажем это, Джонни Смит,
Товарищ давний мой,
От имени простых людей,
Большой семьи земной,
Всем тем, кто смеет нам грозить
Войной!

Мы скажем это, чтоб умолк
Вой продажных свор,
Чтоб ярче, чем в далекий день
Вблизи Саксонских гор,
Над целым миром полыхал
Бессмертный наш костер!

Октябрь 1946

О ГЛАВНОМ

Не будет ничего тошнее —
Живи еще хоть сотню лет,—
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза.
Ругая всласть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь,—
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдешь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда — то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

1970

Георгий Суворов

* * *

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло!

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней,—
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей...

1944

Борис Слуцкий

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим,
 безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
 в Кельнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день
 на площадь
 выводят лошадь,
Живую
 сталкивают с обрыва.

И вот она свергается в яму,
И мы ее делим на доли
 неравно,
И мы по конине молотим зубами,—
О бюргеры Кельна,
 да будет вам срамно!

О граждане Кельна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кельнской яме
 с голоду выли?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей
 могилой —
Письмо
 солдату Страны Советской.

«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за родину в Кельнской яме!»

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,

Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу...»

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

Землю роем,
 скребем ногтями,
Стоном стонем
 в Кельнской яме,
Но все остается — как было, как было! —
Каша с вами, а души — с нами.

1944

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мерзлому,
 мертвому,
 мокрому
 камню,
Но вышло,
 что та высота высока мне.
И пал я тогда. И затих до поры.

Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я родине нужен,
Что славное дело,
 почетная служба,
Большая задача поручена мне.

— Да я уже с пылью подножной
смешался!
Да я уж травой придорожной пророс!

— Вставай, поднимайся! —

Я встал и поднялся.

И скульптор размеры на камень нанес.

Гримасу лица, искаженного криком,

Расправил, разгладил резцом ножевым.

Я умер простым, а поднялся великим.

И стал я гранитным,

а был я живым.

Расту из ребра,

как вершина хребта.

И выше вершин

над землей вырастаю.

И ниже меня остается крутая,

не взятая мною в бою

высота.

Здесь скалы

от имени камня стоят.

Здесь сокол

от имени неба летает.

Но выше поставлен пехотный солдат,

Который Советский Союз представляет.

От имени родины здесь я стою

И кутаю тучей ушанку свою!

Отсюда мне ясные дали видны —

Просторы

освобожденной страны,

Где графские земли

вручал

батракам я,

Где тюрьмы раскрыл,

где голодных кормил,

Где в скалах не сыщется

малого камня,

Которого б кровью своей не кропил.

Стою над землей

как пример и маяк.

И в этом

посмертная

служба

моя.

СЛОВО МОЕМУ НАРОДУ

(ФРАГМЕНТ)

Армения!

Могу ли я измерить
Любовь к тебе?.. Так любят, не таясь,
Того, кого сама спасла от смерти
И кто тебя от верной смерти спас.
Люблю тебя, земля, с такою силой,
Из всех краев душой к тебе летя,
Как мать свою, что жизнь мне подарила,
Как в муках мной рожденное дитя...

Люблю тебя, народ мой животворный,
С тобою слившись всей своей судьбой,
Но не любовью робкой и покорной,
Что может только плакать над тобой...
Грущу с тобой, к твоим причастна мукам,
Горжусь тобой, великим не числом,
А сильным и непобедимым духом,
Своим высоко поднятым челом.
О этот дух великий, что веками
Живую силу сохранял в тебе,
Поддерживал могучей воли пламя
И, поднимая на борьбу с врагами,
Не гас, необоримый в той борьбе.
Оставшись навсегда непобедимым,
Порой свой гордый облик изменял:
То в гроздья виноградные входил он,
То мертвый камень одухотворял.
Он становился и цветком, и хлебом,
Орлом, парящим над безмолвьем скал,
Он стал Звартноцем, устремленным в небо,
И нежной песней любящих он стал...
Он стал волнею благородным Мгера,—
О мой народ, в течение тысяч лет
В тебе он жил надеждою и верой,
И даже в черной темноте пещерной
В тебе сберег он молодости свет...

Народ армянский мой, славноименный,
Люблю тебя за то, что все века

Ты стоек был и, даже побежденный,
Ты не склонялся пред лицом врага,
Что в мире, полном злобы, лжи и лести,
В борьбе за правду ты мужал и креп,
Что ты вовек не поступился честью,
Что потом добывал свой трудный хлеб,
Что и в бесправье самых строгих правил
Держался, все по совести решал,
За то, что ты трудился, а не грабил,
За то, что строил, а не разрушал...
Что за свободу кровь свою ты пролил
И что, когда твой отчий край пылал,
Не утварь из-под монастырских кровель,
Не золото — а книги ты спасал...

1951

ПЕСНЯ О НАШИХ КАМНЯХ

О камни —
вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
и зданья траурные строили
как памятники темноте.
Творцы с глазами обреченными
стирали кровь и пот со лба,
и камни в стенах были черными,
как наша черная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
и храмы древние черны,
и проступают в них измученные
моей Армении черты.
О камни траурные, черные
полов,
и потолков,
и стен,
захватанные,
закопченные,
со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
забившись тихо в уголки,
в земле таились камни радости,
как бы под пеплом угольки.

О камни, спавшие веками
и время знавшие суровое!
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились —
вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
на землю,
к людям вырвались —
и стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние
под цвет весенних наших дней,
и вся судьба моей Армении,
как и судьба ее камней!
Своими добрыми руками
их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!

1957

Мустай Карим

ОТЧИЙ ДОМ

В дворцах массивной бронзы двери
И я, бывало, открывал,
И я топтал, бывало, в залах
Ковров цветных застывший вал.

И люстры надо мной сверкали,
Как в заколдованном кругу...
Но мил мне домик неприметный
На тихом дальнем берегу.

И пусть немного
В нем огней,—
Нет в мире
Домика светлей!

Его черемуха накрыла,
Склоняется за гроздью гроздь...
А он из четырех окошек
Как будто видит мир насквозь...

Отца натруженные руки
Все эти бревна сколотили,
Сюда и счастье и несчастье
Поочередно заходили.

Бессильно время.
В доме том —
Все в обаянии живом.
Цветов качаются сережки
На подоконнике весной,
То, может быть, в саду фиалке
Они кивают головой?

Между нарядными цветами
Пчела без усталости снует,
Как будто домику сердечный
Привет полей передает.

В расшитых полотенцах стены
Я вспоминал потом не раз,
Я видел в каждом их узоре
Лучинку материнских глаз.

А ходики так равномерно,
Так добросовестно стучат,
Как будто бы они бессмертны
И временем руководят.

Все в этом доме мирно, живо,
И лишь на стенке, одинок,
Вернувшийся с последней битвы,
В ножнах безмолвствует клинок.

Его безмолвие как будто
Хранит победные салюты!

1951

Я — РОССИЯНИН

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.

Своею жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете выше! —
С моей судьбой свою соединил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Пять жизней дай!
Им может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкиром русский — спутники в дороге,
Застольники — коль брага на столе,
Соратники — по воинской тревоге,
Навеки сомогильники — в земле.

Когда же целовались, как два брата,
С могучим Пугачевым Салават,

В твоей душе, что дружбою богата,
Прибавилось любви, мой русский брат.

Не русский я, но россиянин. Чести
Нет выше. Я страны Советской сын.
Нам вместе жить и подниматься вместе
К сиянию сверкающих вершин.

В душе моей — разливы зорь весенних,
В глаза мои луч солнечный проник.
На сердце — песня радости вселенной,
Что сквозь века пробилась, как родник.

И полюбил я силу в человеке
И научился радость жизни брать.
За это все, за это все — навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил.
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Десятку жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

1953

* * *

В дальний путь седлают непременно
Рысака, что всех других резвей.
С важным порученьем непременно
Едет тот, что старше и знатней.

Гостя дорогого поджидая,
Лучшие из блюд на стол несем,
В праздник в нашем доме зажигаем
Лампу ту, что веселит весь дом.

Не спеши, однако, в ослепленье
Не верши свой скороспелый суд:

Сколько их, коней, не в белой пене,
А в поту натужном воз везут!

Если скажешь ты: лишь те герои,
Кто идет на громкие дела,—
Кто же будет сеять, плавить, строить,
Чтоб земля вокруг тебя жила?

За столом парадным сидя гордо,
Не кричи: прекрасней нет еды!
А не то твой хлеб застрянет в горле,
Черный хлеб у черной борозды.

В праздничное блещущее пламя
Никогда подолгу не смотри,
А не то потом казаться станет
Мир темней, тусклее свет зари.

Воспевайте скакунов бесстрашных,
Славьте славу в золотых лучах,
Но стократ прославьте тех, кто нашу
Держит землю на своих плечах.

1963

* * *

Мой край, возлюбленный навеки!
За то, что часто я в пути,
Как ветер, мчусь, теку, как реки,—
Не осуди меня, прости.

Перед тобою виноватому —
Мне, сыну, не поставь в упрек,
Что на клубок Земли наматывал
Я нити длинные дорог...

Зато — как скоры здесь свиданья,
Как тесен мир дорог и встреч!
Нет, не сумели расстоянья
Разлукой между нами лечь.

Все потому — что водопады
Твои в груди моей гудят.
Все потому — что звездопады
Твои в глазах моих горят!

Когда в чужих краях студеных
Из проруби я воду пил,
Я видел там, в глубинах темных,
Лик той, которую любил...

Знай, для корней моих ты — влага,
Для листьев — свет, суть бытия...
Я без тебя убог. Ты — благо,
Ты — сила! Без тебя — ни шага
Не сделать мне, Земля моя!

1967

ПТИЦ ВЫПУСКАЮ...

Все завершил. Покончил с мелочами,
И суета осталась позади...
И вот сейчас с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.

Идущие на бой во имя чести!
Вам — первый дар, всем прочим не в укор:
Для вас, взгляните, в дальнем поднебесье
Орел могучий крылья распростер.

Те, кто в пути! Вам — бодрым и усталым —
Шлю журавля сквозь ветер в ранний час...
Кукушку, чтобы долго куковала,
Больные, выпускаю я для вас.

Влюбленные! К вам соловей, неистов,
Рванулся — петь все ночи напролет.
Томящиеся врозь! Вам голубь чистый
К надеждам старым новые несет.

Отчаянных, и робких, и недужных —
Всех одарю я, всех вас птицы ждут...
Нет только ничего для равнодушных,
Пускай без птиц — как знают, так живут...

Все завершил. Покончил с мелочами,
И суета осталась позади...
И каждый день с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.

1970

ЧЕЛОВЕК

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках.
Так стою меж двумя шарами —
Солнечным и земным.
Недра мозга, пласты мозга
Глубоки, словно рудные недра.
Я из них вырубаю, как уголь,
Выплавляю из них, как железо,
Корабли, бороздящие море,
Поезда, обвившие сушу,
Продолжение птиц — самолеты
И развитие молний — ракеты.
Это все я добыл из круглой,
Словно шар земной, головы.
Голова моя — шар солнца,
Излучающий свет и счастье,
Оживляющий все земное,
Заселяющий землю людьми.
Что земля без меня?
Неживой,
Сплюснутый и морщинистый шар
Заблудился в бескрайних просторах
И в луне, словно в зеркале, видел,
Как он мертв
И как некрасив.
Я был создан землею — с тоски.
А в минуту печали земля
Подарила мне шар головы,
Так похожий на землю и солнце.
Подчинилась земля мне, и я
Одарил ее красотой.
Земля сотворила меня,
Я же землю пересотворил —
Новой, лучшей, прекрасной — такой
Никогда она не была!

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках.
Я — как мост меж землею и солнцем,
И по мне
Солнце сходит на землю,

А земля поднимается к солнцу.
Обращаются вокруг меня
Ярко-пестрою каруселью
Все творения, произведения,
Изваяния рук моих:
Города вокруг меня кружатся,
И громады домов,
И асфальт площадей,
И мосты, что полны машин и людей.
Самолеты и лайнеры — вокруг меня,
Трактора и станки — вокруг меня,
И ракеты вращаются вокруг меня...

Так стою:
Прекрасный, мудрый, твердый,
Мускулистый, плечистый.
От земли вырастаю до самого солнца
И бросаю на землю
Улыбки солнца.
На восток, на запад,
На север, на юг.
Так стою:
Я, человек,
Я, коммунист.

ТРУБЫ

О, фабричные трубы мои,
Вы не так уж давно перестали мне грезиться
Жутких висельников черными трупами
На изогнутом крюке месяца.

Не по трубам ли, не по трубам ли
Солнца диск, раскаленный в горниле,
Катился блестящей
монетою,
И от сажи и копоты меркнул он между уступами
Грязных стен на фабричной окраине этой!

Трубы, трубы и трубы!
Целый лес их тянулся до серых небес, и под ним
Разнесчастную песнь нищеты петать учил меня жестко и грубо
Вой фабричных сирен, ударявший по струнам стальным.

В трубах, трубах и трубах, в их жерлах обугленных
Дым и копоть ютились, подобно печали в груди людской.
Восклицательным знаком, о трубы, вы врублены
В песнь отца: «Это есть наш последний, решительный бой!»

Трубы, трубы и трубы!
Вы сегодня — земные колонны, на которых
как будто бы
держится небо.

Великаны,
Несущие солнце, как будто буханку хлеба!

У РОДНИКА-ПАМЯТНИКА

Ты слышишь отзвуки речей
Сквозь плеск и струек перекаты?
То голоса твоих друзей,
Что воду пили здесь когда-то,
Тех, что погибли на войне,
Далеко от селений отчих,
За то, чтоб в мирной тишине
Незамутненным бил источник.

И если ты спешишь домой,
Жнец, поработавший на нивах,—
Водой студеною омой
Ладони рук трудолюбивых.
А если ты поэт, поверь:
Споешь ты песню смело жившим.
Прохожий, таковы теперь
У нас поминки по погибшим.

И если твой отец и брат
Не возвратились с поля боя,
И если пал твой друг солдат,—
Склонись над чистою водою,
Ты припади в вечерний час
К ней, как к губам, тебя любившим!
Прохожий, таковы у нас
Поминки по бойцам погибшим...

1951

* * *

Кто свинец добывает в поте лица?
Мы — простые, бедные люди!

Ну, а пулю кто делает из свинца?
Мы — простые, бедные люди!

Ну, а порохом кто начиняет патрон?
Мы — простые, бедные люди!

Ну, а кто же уходит стрелять на фронт?

Мы — простые, бедные люди!

Братья! Где ж справедливость?! Разделим труд!

Чтобы зря мы спины не гнули,

Пусть хоть часть на себя богачи возьмут:

Пусть они погибнут от пули!

1951

ПЕРВЫЙ БОЙ

Боевое крещение

накрепко мы запомнили —

Не позабудутся

место, часы и дата...

В плотном тумане

наши полки заполнили

Окопы

у древней крепости Митридата.

Мы сидели на корточках,

попыхивая цигарками,

И цигарки, вспыхивая,

мерцали между ладоней,

И казались цигарки звездочками неяркими

Со своею долей,

своей неизвестной долей.

За ничейной землею

скалы темнели голые.

Над колючей проволокой

ракета шипя взлетала.

Почти что перед рассветом

на наши головы

Немцы обрушили

яростный шквал металла.

И осколки шелкали

в мокрый настил дощатый.

Черный песок

оседал под упавшей миной.

Рядом со смертью,

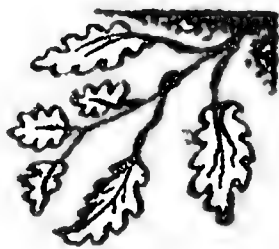
близкой и беспощадной,

Жизнь казалась

вдвойне дорогой и милой.

И когда знаменосцы
развернули знамя
и подняли,
Багрово-кровавое,
поыхавшее красным светом,
Мы словно впервые в эту минуту поняли,
Почему наше знамя
окрашено красным цветом.
Мы почувствовали, что значила нам
и стоила
Каждая складка его,
что под ветром сейчас
гудела.
Здесь,
на взрытом снарядами поле,
сама история,
Затаив дыхание,
в наши глаза глядела.
Мы могли б отдать всю кровь,
до последней
капли,
И это было б
только посильной лептой,
Потому что история
измеряется тут
не веками,
А горячей,
движущейся
пулеметной лентой.
Лишь когда осколок
ударил в цветущее дерево,
Лепестками его осыпанный,
я заметил:
Начиналась весна,
и весна
свое дело делала,
И был небосвод
по-весеннему
чист и светел.

1946—1956

* * *

Пуста, безжизненна, бескровна
Под небом, жарким, как огонь,
Лежала степь, сухая, словно
В морщинах старая ладонь.
От зноя марево сгустилось —
Дыханья не перевести!
Слеза из глаза покатилась —
И высохла на полпути!
И вдруг с моим ботинком рядом
Цветок поникший вижу я.
Кругом — окидываю взглядом —
Ни лужи малой, ни ручья.
И потянулась к теплой фляге
Сама собой моя рука.
И вылил я остаток влаги
На корни бедного цветка.
И чудо я увидел вскоре:
Хоть был, как прежде, зной жесток,
Но стал бодрей в неравном споре,
Встряхнувшись, ожил мой цветок!
И тот оживший, одинокий
Степной цветок напомнил мне
О том, что в некий день далекий
Со мной случилось на войне.

Год сорок первый. Возле Ржева
Дорога вдрызг разбита вся,
И смерть направо и налево
Свирепствует, бойцов кося.
Огонь сплошной, смертельный, шквальный...
Большая дымная заря...
Потом на койке госпитальной
Меня латали лекаря.
Лицо — безжизненной бумаги,
И губы синие, как снег...
Как не живет цветок без влаги,
Не жив без крови человек!
О кто ж ты, близкий и далекий,
Помогший мне восстать с одра,
Мне кровь отдавший в год жестокий,
Мой брат, а может быть — сестра!

Не та ли, что в борьбе со смертью
Жизнь отстояла не одну,—
Сестра, сестрица милосердья,
Как называли в старину!
Голубоглаза, русокоса,
Была, мне помнится, она
В халате белом, как береза,
И величава и стройна...

А может быть, в меня когда-то
Втекла, спасение даря,
Кровь белоруса иль бурята,
Литвинки, ненца, лопаря,—
Не знаю! Но под небом этим,
И животворна и тепла,
Она живет во мне — и к детям
В свой срок в наследство перешла!
Когда я зло встречаю где-то,
Она волнуется во мне!
Далекий друг мой, кто ты, где ты,
В какой ты нынче стороне?
Где пролегла твоя дорога?
Живешь смеясь или скорбя?
Когда б, как дед, я верил в бога,
Я помолился б за тебя!
Но я — певец иного века,
В моем отеческом краю
Не в бога верю — в человека,
Его люблю, о нем пою.

Проходят времена и сроки,
Давно я тронут сединой...
Будь счастлив, близкий и далекий,
Мой незнакомый! Мой родной!

1975

БЕЗЫМЯННОЕ БОЛОТО

Одно болото, где мы спали стоя,
едва сумев дожидаться до утра,
мы называли чертовой дырою —
в нем от застоя дохла мошкара.

В нем не хотели рваться даже мины,
а шли ко дну, пуская пузыри,
и если б за ним не было Берлина,
мы б ни за что сюда не забрели!

1944

Давид Самойлов

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

Владимир Жуков

ЯКОВУ ШВЕДОВУ

Я городов не помню, мне едва
одну дорогу описать пока,
где по кюветам черная трава
да лошадей раздутые бока,

где ветер смерти бьет в глаза и где
одни воронки, рвы да пустыри,
а у обочин в дождевой воде
спят вечным сном стрелки и пушкар...

Там не пройти без боя и версты.
Товарищ мой! Закрою лишь глаза —
и вот они, разбитые мосты,
и вот они, горелые леса.

Но если спросишь ты сейчас меня:
такой-то город брал я или нет? —
припомнив вихрь железа и огня,
я промолчу, наверное, в ответ.

Но если скажешь ты, что там трава
была темна от крови и мертва,
что день и ночь без устали вокруг
за каждый камень бились и чердак, —
я не солгу, когда отвечу так:
— Пожалуй, брал я этот город, друг.

Но если ты попросишь рассказать
про наш плацдарм на тисском берегу,
я промолчу, наверное, опять
и показать на карте не смогу.

Но если сам ты помнишь город Чоп,
изломы дамбы в пламени, в дыму,
так ты меня не спросишь ни о чем,
и, значит, карта будет ни к чему.

Я не писал на фронте дневников,
я позабыл названия городов —
их слишком много было на пути,
пока в родной мне довелось войти.

1946

Не солгу, не прикинусь, не струшу,
не скажу, что и я молодой.
Но война обдавала мне душу
и живою, и мертвой водой,
и окопной, и так — дождевою,
что за шиворот льет день-деньской...
И осталась душа молодою
и досталась навек вот такую —
все бы в спор, все бы в бой, в непокой.
Все бродить бы от края до края
по степям, по лугам, по лесам.
В обыденных вещах открывая
для любимых людей чудеса.
Чу — ресничками машет ромашка,
чу — звенит колокольчик лесной...
Юность, юность! Душа нараспашку.
Ты еще не в расчете со мной.

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлеченный из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

И в свете его обнаженном,
В сиянии дымном, вдали,
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белесая, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Стоял перелесок за полем.
И четким и плоским он был,
Как будто из черного толя
Зубцы его кто-то скроил.

Вся ночь, притаившись, молчала.
Еще не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, все ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

А рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,

И сам я летел через бруствер,
Вперед выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами.
Металась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах черных стволов.

1941—1950

СТАРЫЙ ОКОП

Над Тереком, в ущельях день за днем,
За шагом шаг, среди щербатых скал,
Сгибаясь, как разведчик под огнем,
Тебя глазами жадными искал.

И по-солдатски стал мой шаг тяжел,
Когда, почти что выбившись из сил,
Тебя, травой поросшего, нашел,
Твой полустертый профиль различил.

Руками эту землю я вскопал,
Тебя отрыл перед восходом дня,
А для накатов не нашлось ни шпал,
Ни даже ветхих бревен у меня.

По брустверу исхлестанный свинцом;
Объятый орудийной немотой,
В тот ранний час ты мог бы стать концом
Моей дороги, краткой и простой.

Избыть воспоминанья не могу,—
Так пусть же не смутят они собой
Колосья в поле, травы на лугу
И облака на глади голубой.

Ты помнишь ли, как в праведном бою
Со всех сторон вставала смерть стеной
И опирался я на грудь твою —
На грудь отчизны милой и родной!

И если годы начисто сотрут,
Изгладит время твой последний след,—
Ты в сердце у меня найдешь приют
До дней кончины, до скончанья лет.

1957

Василий Субботин

30 АПРЕЛЯ 1945 года

Проем окна. Сползла на мостовую
Тень, что копилась долго на дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...

Опасно оседающая зона.
Всего один осталось сделать шаг.
Сердитый командир у телефона.
Снарядами обглоданный рейхстаг.

Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.

1945—1946

ЭПИЛОГ

Курганы щебня, горы кирпича,
Архивов важных драная бумага.
Горит пятно простого кумача
Над обнаженным куполом рейхстага.

В пыли дорог и золоте наград
Мы у своей расхаживали цели.
Фамилиями нашими пестрят
Продымленные стены цитадели.

А первый, озаренный флагом тем,
Сумел остаться неизвестным свету,
Как мужество, что мы явили всем,—
Ему еще названья тоже нету.

1946

Сергей Орлов

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей.

1944

ШЕСТИНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи́м выкладкам бесспорным
Он, трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...

Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой,
Как в гимне партии поется —
Ни бог, ни царь и не герой,—

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлёбнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том.
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

1957

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.

Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.

Жизнь прошла с тех пор —
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,

Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.

Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.

Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.

Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.

Только что́ в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.

Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,

Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далеского меня!

Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.

Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка,—
Я ему завидую почти.

Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым-бело.

Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке, —
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмет немытой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбчивые щурит?..

1968

* * *

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

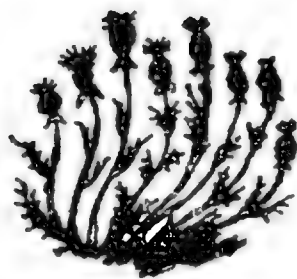
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,

И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,—
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.

1975

Я ЗЕМЛЮ РОДНУЮ ХОЧУ ОБНЯТЬ

Я землю родную хочу обнять,
Прижаться к ней горячей щекой,
Удары гулкового сердца унять
И погладить ее травинки рукой.

Я землю родную хочу целовать —
Священную землю моей страны, —
Как сына целует седая мать,
Когда возвращается он с войны.

Я землю родную хочу целовать,
Как солнце целует ее поутру,
Как / знамя целует солдат на ветру,
Давая клятву не отступать.

1958

Я ИДУ

Грядущее,
будем знакомы!
На перевале двадцатого века
ты видишь меня,
человека,
потомка ушедших времен
и предка грядущих племен.

А время шумит, как река.
Я иду.
Я в ответе
за дела,
что творятся на нашей планете.
Я иду по земле,
и по звездам,
и по времени,
и по пространству...
Моему постоянству
удивляется время.
Я иду, сапогами гремя.
Из-под ног вылетают горячие искры,
словно из-под кремня.
Я иду,
а вокруг жеребьятами прыгают дни.
Я иду среди песен и звезд,
через мост,
называемый веком.
Солнце завтрашним светом
озаряет мой путь.
Так и кажется:
стоит лишь руку свою протянуть —
и достанешь до солнца.
Шепот мой
услыхала луна.
Я иду,
а дорога длинна,
окликают меня повороты.
Но попробуй
меня удержи, ухвати —
разве воду удержишь в горсти?
Разве ветер взнуздаешь?

Если остановлюсь,
если сердце устанет,
то кружиться в пространстве
земля перестанет,
время в бездну глубокую канет.
Ведь планета и я
составляем одно...

Я иду.
Я зерно,
из которого будущее прорастает!

1963

МИНУТА, ВОСКРЕСИВШАЯ ГОДА

Перед тем
как о чем-то сказать в День Победы,
я долго молчу,
словно слушаю гром канонады,
давно отзвучавшей...
Я ушел на войну,
оставляя тебя и весну...
И четыре грохочущих года,
полных мужества, правды и долга,
предстают предо мной,
совместившись в минуту одну.
За картиной картина...
Одинокая мать
проводит любимого сына.
Вот отец
прижимает ребенка к груди...
Это только начало,
а впереди —
сырость темных окопов,
недописанных писем листки,
и цветов полевых лепестки
над могилою друга,
и прощальный салют под огнем,
и память о нем.
А солдатские сны!
Словно ты появляешься, плача,
и заходится сердце
от милого взгляда.

Но внезапно кончается сон
близким взрывом снаряда...
А потом —
пересохшее горло
после долгого боя
на ничейной земле,
ржавая пленка воды в колее,
ты бросаешься к ней,
пьешь,
как некогда горную воду!

Год от году
все ясней и ясней
очертанья
этих дней и ночей.
Беспощадная память моя
не дает мне покоя,
с подушки меня поднимая,
и я долго молчу, перед тем,
как о чем-то сказать
в День Победы —
Девятого мая.

1965

Рамз Бабаджан

✿ ✿ ✿

Не печалась напрасной обидою,
Принимаю я вызов врагов
И спокойной реке не завидую,
Что меж тихих течет берегов.
Мне в застое становится душно.
Пусть летят даже камни в меня,—
Не могу я смотреть равнодушно
На опасности этого дня.
Кто-то губит бесценное дерево,
Вор ломает надежный замок,—
Отстою я то, что доверено,
Даже если б в пути занемог.
Охраню, заслону я собою,
Огражу наш сияющий сад,
Я готов и к неравному бою,—
Не разбился б души моей сад!
Перед ложью распахнутый весь я,
Только правду, лишь правду хвалю.
Сохрани меня, жизнь, от бесчестья! —
Я у жизни сегодня молю.
Я прошу — не гаси ты горенья,
И надежды — прошу — не туши!
Ничего нет страшнее смиренья
Для моей непокорной души.
Если б был я не нужен кому-то,
Если был бы на помощь не зван,
Заскучал бы я в ту же минуту,
Как бредущий в песках караван!

ТВОРЕЦ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Трудный век — девятнадцатый век...
Сквозь него,
 из грядущего призван,
Над толпой убеждений и вер
Коммунизма проносится призрак.
Под напором растущей волны
Содрогается мир капитала.

И дрожат они, страха полны,
Обветшалых судов капитаны.
Но в восстаньях и ропоте масс
Им слышны не бесправье, не голод:
Им повсюду мерещится Маркс,
Агитатора грозного голос!
Это он замышляет сломать
Вековых порядков махину.
Это он сочиняет слова,
Что, как заступ, ей роют могилу!
Трудный век — девятнадцатый век.
Рабство древнее дышит на ладан...
Где-то умер большой человек.
В долгом трауре пасмурный Лондон.
Бунтаря величайшего нет,
Что такое внушал беспокойство,
И печальный хозяин — Хайгет
Приютил бородатого гостя.
Но все глубже тюремщиков страх,
Все сильней обездоленных натиск.
И звучит над десятками стран:
«Пролетарии,

соединяйтесь!»

Заглушают басы канонад
Небывалого пенья раскаты.
Запевают «Интернационал»
Миллионы бойцов баррикадных.
И становится знаменем масс,
Что казалось мечтою сначала,
Потому что писал это Маркс,
А история продиктовала!

...Нынче в Лондоне я побывал,
Там, где Сити раскинуло сети,
Так же зданий любезен оскал,
Так же хмуро на сером рассвете.
Но ходил я как будто в огне,
То и дело мой шаг замедлялся.
Мне казалось — в каком-то окне
Я увижу сидящего Маркса.
Погрузился он в чтение весь.
Взгляд рассеянno вдумчив и точен.
Вот он вновь перечел манифест,
Вот поставил последнюю точку.
Что ни фраза — как мощный таран!
Что ни слово — как золото, веско!

...Нет, в новейших редакторах
Не нуждается стиль «Манифеста».
Толкований не терпит он двух,
Недоступен для умысла злого.
Единенья великого дух
Проникает в нем каждое слово.
Мы верны тому духу. Сплеча
Мы не рубим.

Мы смотрим далече.
Мы с тобою, отец Ильича,
Нашей эры бессмертный предтеча!
Мы грядущего строим дворец.
Подвиг твой — этой стройки начало.
Мы твой путь продолжаем,
творец
Мирового Интернационала!

1964

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

И убивали, и ранили
пули, что были в нас посланы.
Были мы в юности ранними,
стали от этого поздними.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Снег меня будит ночами.
Войны мне снятся ночами.
Как я их скину со счета?
Две у меня за плечами.
Были ранения ранние.
Было призвание раннее.
Трудно давалось прозрение.
Поздно приходит признание.
Я все нежней и осознанней
это люблю поколение.
Жесткое это каление.
Светлое это горение.
Сколько по свету кружили!
Вплоть до победы — служили.
После победы — служили.
Лучших стихов не сложили.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Лист мой по ветру не вьется —
крепкий, уже не сорвется.
Свет мой спокойно струится —
ветра уже не боится.
Снег мой растет, нарастает —
поздний, уже не растает.

1957

Давид Кугультинов

* * *

Кайсыну Кулиеву

Приснились джунгли нынче мне во сне.
Кругом визжала обезьянья стая...
Раздобрясь, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхи, при случае петляя...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне,
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

ЗОЛОТАЯ ЗЕМНАЯ ЗВЕЗДА

Все века в нем себя отразили,
Окрыляя людскую мечту,
Из пределов счастливой России
Устремили его в высоту...

На заре человечества ранней
Были звезды обожествлены,
Сколько жарких людских упований
К ним вздымались, тревоги полны!

Но светила сияли, не зная,
Что, свершая волшебный полет,
Спутник, звездочка наша земная,
Отберет у них прежний почет...

Эпопеей, сказаньем, былиной,
Воплощенной мечтой наяву

Спутник, взмыв над зеленой долиной,
В ледяную плывет синеву.

Все желанья исполнятся скоро!
Потому и взлетела туда,
Словно искорка нашего взора,
Золотая земная звезда!

1958

БОЛЬ

Кольнув нежданно изнутри
И затемнив благополучье,
Предупреждает боль: — Смотри! —
И, как дозорный самый лучший,
Тревогу бьет, гремит в набат...
И вот покой убит, разъят.

Мобилизует сил запас
И чувства стынувшие будит...
Нет, если боль отнять у нас,
Добра от этого не будет!
Ведь я живу, покуда чую
И боль свою, и боль чужую.

ЗАПОВЕДЬ ОТЦА

Завещал мне отец:

до конца своих дней
ты от почестей трех отказаться не смей.

Не отвергни,

когда при гостях иль тайком
вдруг предложат тебе пиалу с молоком.

Молоко —

это матери светлый привет,
лишь на нем и стоял и стоит белый свет.

Без меня,

как твоя ни сложилась бы жизнь,
от подушки предложенной — не откажись,
потому что в народе от века она —
символ мира и пира и доброго сна.

Пусть по воле аллаха

не женщина ты,
но, когда тебе девушка дарит цветы,
принимай без раздумья, поскольку они —
для людей всей земли

вечный символ любви.

...Сын мой!

Заповедь деда вовеки храни!

1975

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя —
только сила и зависть. А когда возвратимся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

Ну, а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом первою пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется, —
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется — долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье — нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыдания живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся — а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы,—
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем —
все долюбим, ровесник, и ремесла найдем для себя.

1945

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1946

ЗНАЧОК

Ничем особым не приметны,
уже лет двадцать, как лежат
в коробке старой документы,
все — от взысканий до наград.

Сегодня чествовали с помпой
меня маститые друзья,
а мне вдруг захотелось вспомнить
путь, что за век проделал я.

Оброс я званьями, вещами,
казалось мне — хоть и везло, —
что все мещане вымещали
на мне свое тупое зло.

Я над коробкою нагнулся:
как путь мой труден и далек!..
И вдруг рукою я наткнулся
на пионерский свой значок.

Он ржав был. Был ободран где-то.
Поблек от времени металл.
Но в доме стало больше света —
костер, костер его пылал!

И он мне вдруг обжег ладони,
воображение обжег,
про бескорыстие напомнил,
про веру чистую — значок!

И словно спало ослепленье,
и на костре значка дотла
сгорели сразу, как поленья,
шкафы, диваны, зеркала,

каприз жены, солидность тещи,
гостей величье, весь мой дом.
Сгорело все.
Лишь мальчик тощий
сидел в лесу перед костром...

1956

Г А Й Д А

Ехал я на лошади верхом
Мимо сел,
 полей весенних мимо.
К западу откатывался гром,
И ползли по небу клочья дыма.

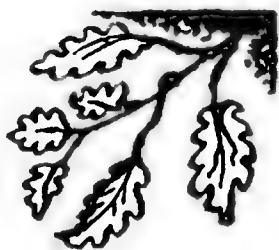
Приближался я к передовой,
Беспокойно всматривался в дали.
А вблизи,
 в степи прифронтовой,
На коровах женщины пахали.

Торопил
 свой тихий транспорт я,
Но, почуяв запах пашни, что ли,
Гайда —
 лошадь смирная моя —
С большака
 вдруг повернула в поле.

И, заржав залиvisto,
 она
Головою круто закивала,
Фыркнула и возле плуга встала...

Третий год
 в России шла война.

1970

Анатолий Чепуров

* * *

А. С. Бушмину

Маленькие станции России,
Полевые, к северу лесные,
В тополиной вьюге по весне,
Золотые осенью, зимою
В голубых сугробах под луною,
Примут поезд,
Промелькнут в окне —
И земля покажется красивей,
Потому что за спиной всегда
Маленькие станции России
На пути в большие города.

1964

* * *

«Давайте поклоняться доброте...» —
На кладбище военном, на плите,
Я прочитал и в жизнь унес когда-то.
И лучевой строкой в моем труде
Вдруг стала эта заповедь солдата:
«Давайте поклоняться доброте...»

Давайте с думой жить о доброте:
Вся в голубой и звездной красоте,
Земля добра. Она дарит нас хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту.

1972

Сергей Викулов

* * *

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? Солдат и землепашец.
Кто дед мой? Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих держали
то плуг, то меч... А бабы — жены их —
солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож
в моем роду. Какие там вельможи!..
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,
а дед точь-в-точь был на него похож.

И все ж я горд — свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значитя совсем по именам.

Не значитя... Но коль неумоготу
терпеть ему обиды становилось,
о, как дрожать вельможам доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве могучем.
Шумит оно, когда клубятся тучи,—
и я шумлю... Молчит — и я молчу...

1959

ПЛУГ И БОРОЗДА

Всему начало — плуг и борозда,
поскольку борозда под вешним небом
имеет свойство обернуться хлебом.

Не забывай об этом никогда:
всему начало —
плуг и борозда.

А без начала, ясно, нет конца,
точнее, не конца, а продолженья,
ну а еще точнее — нет движенья
и, значит, завершенья нет.
Венца!

О, сколько раз мы —
век сменяет век —
успели утолить познания жажду
с тех пор, как сделал борозду однажды
и бросил зерна в землю человек!

Растут, бессчетно множась, города,
луна
людским становится причалом...
Начало ж остается все началом,
и суть его все та же —
борозда.

Не забывай о ней у пирога
и даже перед сном, смежая веки, —
как забывают о начале
реки,
раздвинув беспредельно берега.

И если стала близкой нам звезда
далекая — скажи, не оттого ли,
что плуг не заржавел,
что в чистом поле
вновь обернулась хлебом борозда?!

Не забывай об этом никогда.

1972

Владимир Семакин

* * *

Отцу Кузьме Ивановичу

Отцу, как и деду когда-то,
становится зябко к зиме.
Об этом почти виновато
он пишет в последнем письме,—
мол, ходит за окнами вьюга,
суглинок до метра застыл...

«Вчера хоронили мы друга.
Покойный ровесником был —
из тех, кто работал в ревкоме,
не зная ни ночи, ни дня.
В округе их нет уже, кроме
двух-трех стариков да меня.
Лежит наш Егор и не дышит.
Вот так и приходит черед...»

Случайно об этом не пишут.
И кто старика упрекнет?

Желай не желай, невозможно
быть вечным на свете жильцом...
Я мчусь из-за дали таежной,
не чая обняться с отцом.

Герой небывалых событий,
свидетель крутых перемен,
он видел паденье правительств
под град штукатурки со стен.

Раздумьем, добытым ценою
ночей со взведенным курком,
он щедро делился со мною,
как бор с молодым сосняком.

Делился, но снова и снова
с подлеском беседует лес,

как будто не сказано слова,
что нужно сказать позарез.

Увидимся — схлынет забота,
как это бывало не раз,
и все же останется что-то
для будущих встреч — про запас...

1954

ДЕТИ ДОМА ОДНОГО...

Сохранилась для потомства
поговорка давних лет:
«Прежде чем построить дом свой,
разузнай, кто твой сосед».

Спорить мой земляк не станет
с этой мудростью вовек,
и в нагорном Дагестане
знает каждый человек,
что в аулы много б бедствий
чужеземцы принесли,
если б с нами по соседству
русской не было земли.

Тем обязаны России
горцев вольные сыны,
что отныне им косые
сабли турок не страшны.
И, плечом к плечу с Россией,
пересилив тяжесть ран,
на смерть мы в бою разили
интервентов — англичан.

Это было — помни свято —
в девятнадцатом году...
Пью за русского собрата,
как за старшего в роду!
И, умея в жизнь взглядеться,
вижу, счастлив оттого,
что живем мы сердце к сердцу —
дети дома одного.

1951

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в эту землю легли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня предвечернею порою
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья бывшие и родня.
И в их строю есть промежутки малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-за небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

1968

* * *

Двадцатый век сурово хмурит брови.
Мы — дети века, стыд нам и позор;
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.

Двадцатый век устало щурит веки,
Мы — дети века, честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.

* * *

Поэт обходить не научен беду,
А радости сами проносятся мимо.
И я — Ленинград в сорок первом году,
И я — в сорок пятом году Хиросима.

Еврея — в Треблинке сжигают меня,
Я в Лидице — чех, я — француз в Орадуре.
Где б ни был пожар, не уйти от огня,
Где гром ни гремел бы, я гибну от бури.

НА СВАДЬБЫ НЕ ХОДИТЕ ВЫ, ПОЭТЫ

На свадьбы не ходите вы,
поэты,
Там кружится у многих голова
И золотые дутые браслеты
Лукавство надевает на слова.
Там забывают все,
что вы пророки,
И требуют, бокалами звеня:
«В костер веселья бросьте
ваши строки
Для поддержанья праздного огня!»

На свадьбы не ходите вы,
поэты,
Там искушают медом всякий раз
И юным людям подают советы
Авторитеты, что превыше вас.

Там оды ждут, и потому из моды
Еще не вышла ода до сих пор,
А тамада лишает вас свободы
Порядку поступить наперекор.

На свадьбы не ходите вы,
поэты,
Порой коварен
их заздравный нрав.
На горской свадьбе —
все к тому приметы —
Отравлен был поэт Эльдарилав.

И, смолоду любовью отуманен,
От облаков воспетых не вдали,
На горской свадьбе
был смертельно ранен
Поэт Махмуд в ауле Иргали.

На свадьбы не ходите вы,
поэты,
Погибнете на них, не ровен час.
Парадные приемы и банкеты,
Где слишком шумно,
тоже не для вас.

Дурнушки пред своими женихами
Рядятся в яркий свадебный наряд.
Не все стихи становятся стихами,
Хоть увенчай их лаврами наград.

На свадьбы не ходите вы,
поэты,
На них бывал я, и, поверьте мне,
Не слышно там, как стонут лазареты,
Как сирота отца зовет во сне.

Гремят в горах на свадьбах барабаны,
Но чтоб достичь заветной высоты,
Ваш долг — быть там,
где наболели раны,
Когда поэты вы, а не шуты.

На свадьбы не ходите вы,
поэты,—
Где светит солнце,
лампы не нужны,
Но там, где сумрак темен,
как наветы,
Просветы в нем вы пробивать должны.

Умершего в путь дальний проводите,
И помяните, и живите век,
И пряникам медовым
предпочтите
Сухой от неподкупности чурек.

Гилемдар Рамазанов

* * *

«Ну чем, скажите, кичится он?» —
В углах враги шелестят.
«Народ его мал —
Всего миллион.
А сам он —
Метр шестьдесят...»

Но я по другому закону жил.
Под ношей зубами скрипя,
Я с детства учился,
Работал,
Дружил
С ребятами старше себя.

И мне не сказали: «Мал ты еще!..» —
В тот злой для Родины день,
Когда на худое
Мое плечо
Лег
Автоматный ремень.

Ничем не обижен родной народ.
Малый?! Ну что за бред!
Он шагом гигантов
Идет вперед
Под радугой
Наших лет.

Отвагой и верностью дышит грудь,—
Где величье полней?
Мечту позабудь
Да не рвись ты в путь,—
Тогда ты и вправду
Пигмей.

Да, нас у гряды Уральских гор
Всего миллион, признаю.
Но малый народ мой

Характером горд,
Велик
В труде и в бою.

И пусть враги шипят иногда,
Справочники
Вороша...
Рост невысокий —

Отнюдь не беда,
Когда высока
Душа!

1966

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, поднимающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый,
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,—
Но стучит под шинельным сукном пулемет,
И тогда

еле слышно

сказал

комиссар:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,

Что не всем
Получившим оружие
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых,
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днестре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«...Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно
 сказал
 молодой инженер:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин в синеву,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни КВ
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без козуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда

еле слышно

сказал

командир:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынувшим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного — невпроворот,
Сквозь века,

на века,

навсегда,

до конца:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

1947

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,

не возвращаются

из полета,

Очереди пулемета

режут под корень траву.

Я сплю,
положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются -
в Ладогу и в Неву.

Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И когда я поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлюпают подо мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

И белый флаг вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на мое плечо,
на погон полевой зеленый,
Падают первые капли,
майские капли дождя.

А я все дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива
И пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.

А весна между тем крепчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамена
бросить к ногам Кремля.

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжелые веки,
вижу, как наяву:
Я сплю,
положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

1954

САРАТОВ

В Саратове
Меня не долечили,
Осколок
Из ноги не извлекли —
В потертую шинельку облачили,
На север в эшелоне повезли.

А у меня
Невынутый осколок
Свербит и ноет в стянутой ступне,
И смотрят люди со щербатых полок —
Никак в теплушку не забраться мне.

Военная Россия
Вся в тумане,
Да зарева бесшумные вдали...
Саратовские хмурые крестьяне
В теплушку мне забраться помогли.

На полустанках
Воду приносили
И теплое парное молоко.
Руками многотрудными России
Я был обласкан просто и легко.

Они своих забот не замечали,
Не докучали жалостями мне,
По сыновьям, наверное, скучали,
А возраст мой
Сыновним был
Вполне.

Они порою выразятся
Круто,
Порою скажут
Нежного нежней,
А громких слов не слышно почему-то,
Хоть та дорога длится тридцать дней.

На нарах вместе с ними я качаюсь,
В телятнике на Ладогу качу,
Ни от кого ничем не отличаюсь
И отличаться вовсе не хочу.

Перед костром
В болотной прорве стыну,
Под разговоры длинные дремлю,
Для гати сухостой валю в трясину,
Сухарь делю,
Махоркою дымлю.

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу вспомнить,
Все вспомнить,
Покамест жив и память не слаба.

О, этих рук суровое касанье,
Сердца большие, полные любви,
Саратовские хмурые крестьяне,
Товарищи любимые мои!

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка
 во всем,
Всем и для всех —
 не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам головы кружа,
Трехрядка
 под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
 струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно,
 навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.

1964

ИЛЬИЧ И СЛОВО

Когда очень волновался — брал словарь (напр. Макарова) и мог часами его читать.

Н. Крупская

1

Пусть тьма забот и день загружен люто,
Он и для вас выкраивал минуты.
Он отбирал вас вдумчиво и зорко,
Как земледелец отбирает зерна.

Чтоб были с революцией вы слиты,
Он каждое просеивал сквозь сито,
Чтоб вместе с правдой шли вы к людям дальше,
Он каждое отсеивал от фальши.

Он не терпел велеречиво-плоских,
Он знал цену и красоту неброских,
Полет мечты соединял он с вами,
Чтоб крыльями вы были, не словами.

2

Всегда он под рукою их имел,
За словарями отводил он душу.
Как музыку Бетховена он слушал,
Так вслушиваться в слово он умел.

Одним был друг, другим словам был враг.
Любил слова высокого горенья,
Не те, что пахнут ладаном смиренья,
А те, что дышат порохом атак.

Слова-бойцы, слова-богатыри,
Слова для мира и слова для сечи...
Безбрежен океан славянской речи.
Ильич читал часами словари.

1964

Виктор Кочетков

* * *

Шел смертный бой.
Земля в огне кипела.
Был сужен мир до прорези прицела.
Но мы, полны решимости и веры,
Ему вернули прежние размеры.

1945

* * *

Отгремела война.
Уже давней историей стала.
А никак не отпустит
Тревожную память бойца.
От фугасов и мин
Мы очистили наши кварталы,
Но какой же сапер
Разминирует наши сердца.

1960

СТИХИ О МОЕМ СОЛДАТЕ

Когда, чеканный шаг ровняя,
идут солдаты на парад,
я замираю —
вспоминаю,
что был на свете мой солдат
...Война. И враг под Сталинградом.
И нету писем от отца.
А я стою себе с солдатом
у заснеженного крыльца.

Ни о любви, ни о разлуке
не говорю я ничего.
И только молча грею руки
в трехпалых варежках его.

Потом прощаюсь целый вечер
и возвращаюсь к дому вновь.
И первый снег летит навстречу,
совсем как первая любовь.

Какой он был? Он был веселый,
В последний год перед войной
он только-только кончил школу
и только встретился со мной.

Он был веселый, темно-русый,
над чубом — красная звезда.
Он в бой пошел под Старой Руссой
и не вернется никогда.

Но все равно — по переулкам
и возле дома моего
идут солдаты шагом гулким,
и все похожи на него!

Идут, поют, ровняют плечи.
Ушанки сдвинуты на бровь.
И первый снег летит навстречу.
И чья-то первая любовь.

1960

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведет.
Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня — твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи: пускай тогда трубач израненный
привстанет,
чтобы последняя граната меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
какое новое сражение ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той, на той далекой,
на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча
надо мной.

1957

ЗИНКА

Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой

1

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг неожиданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,

По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

...Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

1944

* * *

...В раковине крошечной эстрады,
С головой, откинутой назад,
Дочь республиканца из Гренады
Запевала марш интербригад.
В раковине крошечной эстрады,
В русском парке у Москвы-реки
Худенькой москвичке из Гренады
Подпевали мертвые полки.
За ее покатыми плечами
Проходили в боевом строю
Русские, французы, англичане —

Рыцари всех стран, что защищали
Горькую Испанию мою.
Да, мою, поскольку в пятом классе
Я бежала защищать Мадрид —
Я и рыжий, конопатый Вася,
Что потом под Ельней был зарыт.
Нас домой с милицией вернули...
Шли года, была я на войне,
Но болит невынутою пулей
То воспоминание во мне.

ДОЖДЬ В СТЕПИ

С жадностью всосаны
В травы и злаки
Последние капельки
Почвенной влаги.
Полдень за полднем
Проходят над степью,
А влаге тянуться
В горячие стебли.
Ветер за ветром
Туч не приносят,
А ей не добраться
До тощих колосьев.
Горячее солнце
Палит все упорней,
В горячей пыли
Задышаются корни.
Сохнут поля,
Стонут поля,
Ливнями бредит
Сухая земля.
Я проходил
Этой выжженной степью,
Трогал руками
Бескровные стебли.
И были колючие
Листья растений
Рады моей
Кратковременной тени.
О, если б дождем
Мне пролиться на жито,
Я жизнь не считал бы
Бесцельно прожитой!
Дождем отсверкать
Благодатным и плавным —
Я гибель такую
Не счел бы бесславной!
Но стали бы плотью
И кровью моей
Тяжелые зерна
Пшеничных полей!

А ночью однажды
Сквозь сон я услышу:
Тяжелые капли
Ударили в крышу.
О нет, то не капли
Стучатся упорно,
То бьют о железо
Спелые зерна.
И мне в эту ночь
До утра будут сниться
Зерна пшеницы...
Зерна пшеницы...

1946

Николай Старшинов

* * *

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И как шальной не лезь под пули.

Приказ: «Вперед!»
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал чужую.

Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»

А шли и гибли
За нее.

1944

* * *

Солдаты мы.
И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад.
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.

О том, что было,— откровенно, честно...
А вот один литературный туз
Твердит, что совершенно неуместно
В стихах моих проскальзывает грусть.

Он это говорит, и пальцем тычет,
И, хлопая, как друга, по плечу,
Меня он обвиняет в безразличье
К делам моей страны...
А я молчу.

Нотации и чтение морали
Я сам люблю.
Мели себе, мели...
А нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.

1945

* * *

И вот в свои семнадцать лет
Я стал в солдатский строй...
У всех шинелей серый цвет,
У всех один покрой.

У всех товарищей-солдат
И в роте, и в полку —
Противогаз, да автомат,
Да фляга на боку.

Я думал, что не устою,
Что не перенесу,
Что затеряюсь я в строю,
Как дерево в лесу.

Льют бесконечные дожди,
И вся земля — в грязи,
А ты, солдат, вставай, иди,
На животе ползи.

Иди в жару, иди в пургу.
Ну что — не по плечу?..
Здесь нету слова «не могу»,
А пуще — «не хочу».

Мети, метель, мороз, морозь,
Дуй, ветер, как назло,—
Солдатам холодно поврозь,
А сообща — тепло.

И я иду, и я пою,
И пулемет несу,
И чувствую себя в строю,
Как дерево в лесу.

1946

Я БЫЛ КОГДА-ТО РОТНЫМ ЗАПЕВАЛОЙ...

Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно прошедшие года...
Вот мы с учений топаем, бывало,
А с неба хлещет ведрами вода.

И нет конца раздрызганной дороге,
Густую глину месят сапоги.
И кажется — свинцом налиты ноги,
Отяжелели руки и мозги.

А что поделать? Обратишься к другу,
Но он твердит одно: — Не отставай!..—
И вдруг наш старшина на всю округу
Как гаркнет: — Эй, Старши́нов, запевай!

А у меня ни голоса, ни слуха
И нет и не бывало никогда.
Но я упрямо собираюсь с духом,
Пою... А голос слаб мой, вот беда!

Но тишина за мною раскололась
От хриплых баритонов и басов.
О, как могуч и как красив мой голос,
Помноженный на сотню голосов!

И пусть еще не скоро до привала,
Но легче нам шагается в строю...
Я был когда-то ротным запевалой,
Да и теперь я изредка пою.

1957

* * *

Валерию Дементьеву

Она меняется с годами
В своей державной высоте.
И мы гордимся все упрямей:
«И Русь не та, и мы не те!»

Но как бы это к неким срокам,
Достигнув новой высоты,
Не исказить нам ненароком
Ее прекрасные черты.

А то потом найдем кручину:
Ну хорошо ли, если мать
Уж так изменится, что сыну,
Что даже сыну не узнать?

Вот он дождется с нею встречи,
И вдруг, смотри, беда стряслась:
Ни прежней, с детства милой речи,
Ни русых кос,
Ни синих глаз...

Россия-мать,
Святой и зримый
Да будет жребий твой велик!
Но сохрани неповторимый
Свой материнский светлый лик.

1970

ОКТАБРЮ, ЮНОШЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!

Сорок
лет —
это зрелости возраст,
когда
 виски покрываются сединой...
А ты, Октябрь, для истории —
просто
 парень,
пытливый и озорной.

И ради себя,
ради будущей жизни —
на месяц,
 на час,
 на минуту хотя б, —
во имя того,
для чего ты свершился,
историей
не становись ты,
Октябрь!

Не будь ты картинкой
 в учебниках древних!
Ты ведь
 живительный воздух для поля,
ты —
кровь для сердец
и сок
 для деревьев.
Ты — воздух
 для мира.
А мир еще болен!

Октябрь!
Ты не только салютов звучанье,
не только
парадов чеканная сила...
Давай отмечать тебя,
как отмечают
рождение
самого первого сына!

Живи
как восстание против насилья!
Восстание вечное
против неправды!

А сердце мое,
как народ победивший,
гудит.
В нем — путиловец после сраженья.
Живет в нем
суровый кронштадтский «братишка»
в тот день —
день
твоего
рождения!

Октябрь,
с днем рождения!
Победой
увенчанный,
живи
год от года
просторнее!
Расти,
как восстанье!
Будь вечен,
как вечны
народы,
надежды,
история...

С днем рождения,
Октябрь!

1957

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните

вот так — подковой.

Завяжите концы, подогнавши по росту
Все!

Осталось теперь нарядиться..

Это так интересно, и мудро, и просто,
Это вам еще пригодится!

1947

И з «СТИХОВ О ДЕТСТВЕ»

Сейчас поверят в это разве?..
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю;
Ибо и странно это и смешно.
Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,—
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был!
Я, помню, не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.

Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И я буржуя в каждом толстом
На улице подозревал.

1956

1957

547

О мальчики российские! Не вы ли
Мир потрясли когда-то в десять дней,
Комдивами садясь в автомобили,
Комбригами влезая на коней...

Да, так же, как за книжками в подвале,
На сходке иль в студенческой норе,
Они исканье правды продолжали
Под знаменем и с шашкой на бедре.

Шли на врага с тяжелыми полками,
Когда весь край мятущийся горел...
Попавши в плен, не заслонясь руками —
Спокойно выходили на расстрел.

В тяжелый час их укрепляла вера.
Сняв шлемы,
 белокуры и чисты,
Они стояли,
 в дуло револьвера
Смотря глазами,
 полными мечты.

1957

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Тому вовек рассудком не понять
Страну мою,
 как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез
 слова «Интернационала».

Практичен Запад и нетороплив,
Параграф чтущий, делающий дело...
Страна моя, прекрасен твой порыв
Во всем достичь последнего предела!

...Я верю: будет —
 пусть идут года! —
 Мир и довольство...
 Но еще не знала
 Вселенная от века никогда
 Такой великой жажды идеала!..

1961

ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.

Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.

Так только дети — кровь живая
Давно погибшего отца —
Глядят, все больше открывая
В чертах родимого лица.

1960

АЛЕША

Белеет ли в поле пороша,
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты,
Цветов он не дарит девчатам,—
Они ему дарят цветы.

Привычен, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,—
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша,
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

1967

ДАЛЕКИЙ СВЕТ

Окоп отрыли у развилки,
На бугорочке некрутом,
С горючей жидкостью бутылки
Сложили в нишу, и потом,

Тот фронт изодранный латая,
Установили ПТР —
Ефрейтор кадровый с Алтая
И подмосковный ИТР.

Их руки отдыха просили,
Их ноги верстами свело.
А небо звездное России
Горело ясно и светло.

Был небосвод полночный ярок,
Дышал над ними звездный мост.
И огоньки их двух цигарок —
Как бы следы двух давних звезд.

И как-то даже нереально
Над краем замершей земли
Непоправимо и печально
Дрожало зарево вдали.

И надвигался ровный рокот,
Неотвратимо, все слышней.
То шел на них германский робот
Спокойной поступью своей.

За фронт, за тыл, за все в ответе,
Неравный принимали бой,
Там, у развилки, на рассвете,
Прикрыв грядущее собой.

Прикрыть досталось двум солдатам
У края жизней их самих
Не все грядущее — куда там! —
А в том грядущем только миг.

Какой? Отмеченный печатью
Дождя иль солнцем залитой?
С твоею радостью, печалью,
С твоей, быть может, суетой?

Но, полны праведною местию,
Так и стоят они в веках,
Бутылки те с горючей смесью
Сжимая намертво в руках.

А на развилке, у березок,
Играют дети в дальний миг —
Их слабый отсвет, отголосок,
Воспоминание о них.

1965

МОЯ РУКА

Я слышал одного юнца,—
Он, не придав словам значенья,
Сказал для красного словца:
— Я б руку дал на отсечение...

Послушай, друг!
Когда война
Кончалась в Западной Европе,
Моя рука погребена
Была в засыпанном окопе.

С тех пор прошло немало лет
Давно зарубцевалась рана,
Но руку,
Ту,
Которой нет,
Я ощущаю непрестанно:

То пробежит по ней огонь,
То у запястья нерв забьется,
То вдруг зачесется ладонь,
А то в тугой кулак сожмется.

Пусть на приветствие в ответ
Могу и левую подать я,—
Сама рука,
Которой нет,
Рванется для рукопожатья.

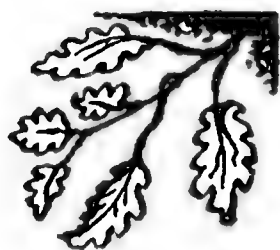
Скажи,
Ты слышал, наконец,
Как малыши хохочут звонко,
Когда смеющийся отец
Подбрасывает вверх ребенка?

Ты не жалея меня,
Твой взгляд сказал, что ты ошибся малость.

Не забывай, что я солдат,
Солдата унижает жалость.

И я смотрю спокойно вдаль,
Постигнув гордых слов значение:
Смотря за что,
А то не жаль
И две руки — на отсечение!

1955

УЧЕНИКАМ МОЕГО ОТЦА

Те, кто верить умеет и хочет,
вы поверьте мне до конца,
рядом с вами.
живет и ходит
он —
двойник моего отца.

Да,
двойник того старого мастера,
покровителя детворы,
чьи тяжелые руки в масле
были так неизменно добры.

Он с улыбкой чуть-чуть суровою,
озаряющей нас везде,
как железо,
наш дух выковывал,
чтобы мы не сгибались в беде.

Он учил
быть на слово краткими,
вдохновенными быть
у станков.
Был один он, а стал десятками
им воспитанных учеников!

Я, как он завещал мне,
мужаю.
Я, как он завещал,
не сдаю.
К жизни,
пенистой, как маджари,
припадаю
и пью
и пью!

Он оставил мне
самое лучшее —
бескорыстное сердце свое.

Он оставил мне
зов революции —
вечный чистый огонь ее!

И когда мы сидим с друзьями,
спор о чем-то
шумный ведем,
ощущаю —
незримо с нами
он, как старший,
сидит за столом.

Обращаюсь я
с этим словом
к вам,
воспитанники отца.
Я бедою
не буду сломлен,
буду к цели идти до конца.

Как его,
будил меня с люльки
заводской священный гудок.
Как и он,
я люблю вас, люди,
и кирку люблю
и станок.

Труд — основа моя и начало.
Я из крепких парней заводских.
И менялась кожа,
крепчая
от труда, на руках моих.

И когда я умру,
пусть длится
над последнею из дорог
в Пролетарском районе Тбилиси,
как над ним,
заводской гудок.
Все, что лучшее в нашей жизни,
воплощаю в стихи,
как в металл.

День всемирного коммунизма
я увижу,
как он мечтал!

Для того я,
трудом испытанный,
и дышу на этой земле.
Вы, отца моего воспитанники,
знайте —
жив мой отец во мне.

1964

Из поэмы «СУД ПАМЯТИ»

11

Вы думаете, павшие молчат?
Конечно, да — вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Пока еще стучат
Сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат.
Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.
Они кричат, когда покой,
Когда
Приходят в город ветры полевые,
И со звездой говорит звезда,
И памятники дышат, как живые.
Они кричат
И будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.
Они хотят, чтоб памятником их
Была Земля
С пятью материками.

Великая!
Она летит во мгле,
Ракетной скоростью
До глобуса уменьшена.
Жилая вся.
И ходит по земле
Босая Память — маленькая женщина.

Она идет,
Переступая рвы,
Не требуя ни визы, ни прописки.
В глазах — то одиночество вдовы,
То глубина печали материнской.

Ее шаги неслышны и легки,
Как ветерки
На травах полусонных.
На голове меняются платки —
Знамена стран, войною потрясенных.

То флаг французский,
То британский флаг,
То польский флаг,
То чешский,
То норвежский...

Но дольше всех
Не гаснет на плечах
Багряный флаг
Страны моей Советской.
Он флаг победы.
Заревом своим
Он озарил и скорбь
И радость встречи.
И, может быть, сейчас покрыла им
Моя землячка худенькие плечи.
И вот идет,
Печали не тая,
Моя тревога,
Боль моя и муза.

А может, это гданьская швея?
А может, это прачка из Тулузы?
Она идет,
Покинув свой уют,
Не о себе — о мире беспокоясь.
И памятники честь ей отдают.
И обелиски кланяются в пояс.

1962

ПОЭЗИЯ

Стоят в магазине —

уложены в стопки,
готовы к продаже — коробки духов...
И вычурной вязью

по синей коробке
«Поэзия» — надпись, букетик цветов
и ветхозаветная лира,—

едва ли
бряцал на такой даже старец Гомер...
Поэзия!

Как же тебя оболгали
работники треста «Главпарфюмер»!
Поэзия! Вспомни:

В труде ты потела,
ты кровью пропитана,

дымом костров
пропахло твое мускулистое тело
от древних

до наших,

сегодняшних строф.

Поэзия! Вспомни:

туманы лишь стынут
на бледном рассвете...

У нас за спиной
стреляют в тебя и Дантес и Мартынов,
но снова живой

ты становишься в строй.

Поэзия! Вспомни:

суровый и броский
разбег своих строк

в те большие года,
когда впереди тебя

танк «Маяковский»
в атаки ходил. Ты брала города!

Ты была всегда

безотказно и метко,
в борьбе закалила ты силу свою...

Смешна на коробке духов

ЭТИКЕТКА:

**ты порохом пахнешь,
ты вечно в строю!**

1953

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Маленький, иду по городку,
Пятками босыми пыль толку.
Я великой страстью обуян:
Я люблю трудящихся всех стран.
И хочу, чтоб мир об этом знал,
И пою «Интернационал».

Вот сейчас бы встретить иностранца:
Итальянца, немца иль испанца,
Сжать бы руку правую в кулак
И над головой поднять вот так
И сказать «Рот Фронт!» или «Салют!»,
И они поймут меня... Поймут!

1969

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Что делал я тогда? Снопы вязал,
А может быть, работал на прополке,
Когда ты тоже полем проползал,
Где каждый метр изранили осколки.

Меня поймет, кто был для фронта мал,
Мальчишка, живший на Оби иль Каме,
Он тоже географию сдавал
По карте, сплошь истыканной флажками.

Ни на минуту друга не забыв,
Я жил, ни слова о тебе не зная.
Прошла война. Коль все ж придет другая,
Нам без тебя являться на призыв.

Но как ты жив! Не памятью, не тенью,
А так, что кажется: ты здесь вот, рядом, сам,
Погибший на московском направлении,
Быть может, самый юный партизан.

А дни бегут скорее и скорее.
Они спешат. Они торопят нас.
Не по годам, а по часам стареют
Учебники истории сейчас.

От нас военные года все дальше,
Все глуше громы незабвенных битв.
Но ты спокойно спи, великий мальчик!
Как и они, не будешь ты забыт.

А дни бегут. Большой весною дружной
Украшен мир, насколько видит глаз.
Как дорожить нам нашей жизнью нужно,
Когда она во столько обошлась!

Быть может, долгий век отпущен мне.
Я должен жизнь свою прожить такою,
Чтобы зачлась она моей страной
С твоим коротким веком наравне.

1948

НАЧАЛО

Четвертый класс мы кончили в предгрозе.
Но мы о том не думали в тот год,
И детских санок легкие полозья
Несли навстречу буре — без забот.

Ты помнишь? Возле красноезвездных вышек —
Ты помнишь! — В Александровском саду
Летели дни на санках и на лыжах,
И Кремль от детства отводил беду.

Но все тревожней были передачи,
Все шире круг забот МПВО.
Горел Париж. И так или иначе
На нас ложились отсветы его.

Я помню день, когда забросил сразу
Я все свои обычные дела.
В тот вечер мама два противогаза —
Себе и мне — с работы принесла.

Я и не понял: для чего, откуда,
Но, на игру сзывая ребятню,
Таскал с собой резиновое чудо
И примерял по десять раз на дню.

Откуда-то их был десяток добыт.
И вот, пока сражение текло,
Любой из нас, растягивая хобот,
Глазел на мир сквозь потное стекло.

А на спину поваленные стулья
Строчили беспощадно по врагу,
И в светлых комнатах шальная пуля
Подстерегала на любом шагу.

И падал навзничь Петька или Сашка
Не на ковры, навстречу синяку,
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

Но в коридоре, становясь под знамя,
Мы верим ложной гибели сполна
И не догадываемся, что с нами
Играет настоящая война!

А уж случилось — свет надолго гаснул
Вслед за тревожно стонущим свистком,
А уж в парадные не понапрасну
Затаскивали ящики с песком.

И часовой на западной границе
Все зорче вглядывался в темноту,
А там росли опасные зарницы,
Стальные пушки брали высоту.

Там на дома неслись фугасок гроздь,
На океанах шли суда ко дну.
Четвертый класс мы кончили в предгрозые,
Из пятого мы перешли в войну.

Двенадцать лет — огромный, взрослый возраст.
Но разве нежным мамам объяснишь,
Что наше место там, где крики «воздух»
И ширь ничем не защищенных крыш.

Или тайком (туда, где зажигалки),
Оставив женщинам подвальную тоску,
Вслепую лезем, стучаясь о балки,
По теплomu чердачному песку!

А там, пылая в треугольной раме,
Гремит ночной московский наш июль,
Заполнен заревом, прожекторами,
Пунктирами трассирующих пуль.

Мы замерли. И ноги вдруг как вата,
Но, несмотря на то, что бел, как мел,
Наш командир сказал: — За мной, ребята! —
И по железу первым загремел.

Навстречу две дежурных комсомолки
Уже спешили, нас назад гоня.
И, как сосульки, падали осколки,
И рос напор зенитного огня.

Чердак опять. А бой ревет над крышей,
Несовершенным подвигом маня.
И вдруг внесли его, плащом укрывши,
Как, может быть, внесли бы и меня.

Он так лежал, как в этой же рубашке
Лежал однажды на своем веку
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

Он так лежал, как будто притворялся.
И мать бежала.— Петя, подымись! —
А он молчал. Не встал. Не рассмеялся.
Игра кончалась. Начиналась жизнь.

Так дни идут, как будто нет им краю.
Но этот первый воинский урок
Я в сотый раз на память повторяю
И настоящий трогаю курок!

1949

ЗНАМЕНА

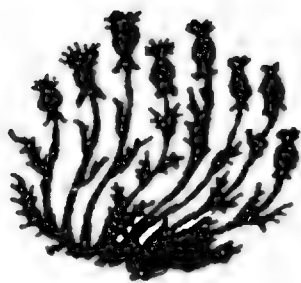
Был день: плечом к плечу с друзьями
В тот строй торжественный, под знамя,
Пришла минута стать и мне.
И марш звучал — военный, встречный,
И в верности я клялся вечной,
Целуя стяг, моей стране.

Я видел, как в музейном зале
Мальчишки у знамен стояли,
А старый воин отставной
О них рассказывал ребятам —
И хмурился, и слезы прятал,
Припомнив самый тяжкий бой...

Я знаю и о тех знаменах,
Паучьим знаком очерненных,
Что попадали к нам в полон —
И падали пред Мавзолеем...
Мы саван шить врагам умеем
Из их же собственных знамен!

...Над домом, в праздник, рано-рано
Взовью я к небу Дагестана
Флаг алый с синей полосой —
И небо улыбнется флагу,
И повторю я, как присягу,
Слова любви к земле родной.

1960

Дмитро Павлычко

ПУТЬ РАКЕТЫ

Сколько же осилила препон
На своей дороге та ракета,
Что была еще мечтой поэта,
Виделась ученому как сон?!

Ей пришлось пробить глухие стены,
Где изведаль муки Галилей,
Сквозь огонь, что пожирал людей,
Ей пришлось промчаться дерзновенно!

Ей пришлось пробить тяжелый свод
Мглы церковной, что весь мир застлала,
Лжи скалу, чью толщу сталь не брала,
Глупость и невежество господ.

Чтоб взлететь, она нуждалась в силе.
Эту силу дали ей лишь мы —
Люди, что не знают гнета тьмы,
Что над миром солнце засветили.

Что ей та космическая мгла
После пройденных во тьме столетий!
Принесет она любой планете
Нашу силу света и тепла.

1957

ПАМЯТНИК РЕВОЛЮЦИИ

Родня рыданью и страданью,
Ты — враг беспечного словца.
Тебе — как мысли и деянью —
Потребны руки и сердца.

Ни гимны не нужны, ни оды,
Ни арки вышиной с дома.
Не слова требуешь — работы,
Волненья, воли и ума.

И нужно не салютов пламя,
Но свет и дело без прикрас.
Жизнь, изменяемая нами,
Жизнь, изменяющая нас.

Нет, не чарующие дали
И не дарящая рука,
Ты как огонь для ковкой стали —
Для всех людей на все века.

Быть может, памятник и нужен.
Не камней, не холодей
Назло векам, ветрам и стужам —
Меняйся, изменяй людей.

РАЗГОВОР

Ты никогда не слышал,
Как пули свистят,
Как воют бомбы,
Не чувствовал никогда
Удушливой, прыгающей
Пустоты под сердцем.

Между всеми мертвыми в мире
Нет ни одного,
Которого ты убил,
Нападая
Или обороняясь.

Ты никогда не всматривался
В самую темную темень —
В слепоту предстоящего мига.
Ты никогда не видел
Городов, похожих на кладбища,
И кладбищ,
Ставших похожими
На безликие города.
Ты не видел ее —
Непрерывной,
Серийной,
Однообразной смерти.

Тебе не понять,
Почему полководцы
О победах толкуют,
А солдаты —
О погибших друзьях
И даже о недругах павших.

Милый мой,
Стонущий
От бесконечной обиденности,
Может быть,
Ты никогда
Не увидишь,
Ты никогда
Не услышишь...
Да пойми же,
Какое счастье
Это житье-бытье
Без непомерного лиха,
Разом на всех навалившегося!

Юрий Воронов

ИЗ ПИСЕМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Наш город в снег
До пояса закопан.
И если с крыш
На город посмотреть,
То улицы
Похожи на окопы,
В которых побывать успела
Смерть.

Вагоны
У пустых вокзалов стынут,
И паровозы мертвые молчат,—
Ведь семафоры
Рук своих не вскинут
На всех путях,
Ведущих в Ленинград.

Луна скользит по небу одиноко,
Как по щеке холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш,—
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью
 смерть
 поправ».

Мы знаем:
Клятвы говорить не просто.

И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем
 последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг!

1943—1965

В ДЕНЬ ПАМЯТИ ЛЕНИНА

Нет, не просто память,
А присяга —
В тихом полыханье кумача:
Не согнемся
От блокадных тягот,
Не оставим
Город Ильича.

Все в бою.
И, прикрывая город,
Позабыв о бремени седин,
Вновь гремят
Орудия «Авроры»!
Ты еще не слышишь их,
Берлин?

* * *

В блокаду
С этой высоты
Громили Ленинград.
Теперь — могила здесь.
Цветы
По праздникам лежат.

Он первым
Высоты достиг...
И берегут ветра
Его последнее «прости» —
Последнее «ура».

ПАМЯТЬ

Неверно,
Что сейчас от той зимы
Остались
Лишь могильные холмы.
Она жива,
Пока живые мы.

И тридцать лет и сорок лет пройдет,
А нам
От той зимы не отогреться.
Нас от нее ничто не оторвет.
Мы с нею слиты
Памятью и сердцем.

Чуть что —
Она вздымается опять
Во всей своей жестокости нетленной.
«Будь проклята!» — мне хочется кричать.
Но я шепчу ей:
«Будь благословенна».

Она щемит и давит.
Только мы
Без той зимы —
Могильные холмы.

И эту память,
Как бы нас ни жгло,
Не троньте
Даже добрыми руками.
Когда на сердце камень —
Тяжело.
Но разве легче,
Если сердце — камень?..

РЕЛЬСЫ

Минус сорок
Показывал градусник Цельсия.
На откосах смолисто
Пылали костры.
Становились молочными
Черные рельсы,
Все в примерзших чешуйках
Сосновой коры.

Мы их брали на плечи —
Тяжелые, длинные —
И несли к полотну,
Где стучат молотки.
Солнце мерзло от стужи
Над нашими спинами,
Над седыми вершинами
Спящей тайги.

С каждым часом работы
Они тяжелели,
Синеватую сталь
В наши плечи вдавив.
И сочувственно хмурились
Темные ели,
Наше дружное «взяли!»
Сто раз повторив.

Нас по восемь на рельс.
А под вечер — по десять,
По четырнадцать
Ставил порой бригадир.
И казалось нам:
Будь рукавицы из жести,
Все равно бы за смену
Протерлись до дыр.

Вы когда-нибудь знали
Такую работу?
До соленого пота,
До боли в костях!

Вы лежнёвые трассы
Вели по болотам?
Вы хоть были когда-нибудь
В этих местах?

Приходилось ли бревна
Грузить с эстакады вам,
Засыпать на снегу,
Выбиваясь из сил?..
Я не циркулем тонким
Маршруты прокладывал,
Я таежную топь
Сапогами месил!

Не на ватмане строил я
Фермы бетонные.
Но своею работой
Горжусь я вдвойне:

Я пронес *на плечах*
Магистраль многотонную!
Вот на этих плечах.
Позавидуйте мне!

1959

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года,
Победа гремит по Великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебеккер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные Дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть...

Малыш хвостистой играет у хаты...
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокаямышь.
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рощица тонких берез.

Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня.

Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Если назначена доля
Мне умереть за нее —
Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

1969

МЕЛЬНИЦЫ

Машут крыльями мельницы
В сорок третьем году.
В чистом поле чернеются
На юру, на виду.

За холодными хатами
Ветра зимнего стон.
От былых элеваторов —
Обгорелый бетон.

Но пока не рассеется,
Не откатится враг —
Машут крыльями мельницы
В черноземных степях.

Ветряные, старинные,
На скрипучей оси.
Словно в годы былинные
На Великой Руси.

Словно заново найдены
Силы древней земли.
Словно дальние прадеды
К нам на помощь пришли.

Пусть вдали за покосами
Дыма траурный креп.
Будет поле с колосьями,
И победа, и хлеб!

Машут крыльями мельницы
Сквозь лихие года.
Вся беда перемелется
Навсегда, навсегда.

1971

КАЛИНА

На русском Севере —
Калина красная,
Края лесистые,
Края озерные.

А вот у нас в степи
Калина — разная,
И по логам растет
Калина черная.

Калина черная
На снежной замети —
Как будто пулями
Все изрешечено.
Как будто горечью
Далекой памяти
Земля отмечена,
Навек отмечена.

Окопы старые
Закрыты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.
Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили.

И сердцу видится
Доныне страшная,
Войной пробитая
Дорога торная.
И кровью алою —
Калина красная.
И горькой памятью —
Калина черная.

Калина красная
Дроздами склевана.
Калина черная
Растет — качается.
И память горькая,
Печаль суровая
Все не кончается,
Все не кончается.

1976

ОТВЛЕКАЮЩИЙ ДЕСАНТ

Отвлекающий десант —
Двадцать девять краснофлотцев.
Отвлекающий десант...
Скоро, скоро кровь прольется!

Отвлекающий десант
С хрупкой маленькой подлодки.
Наливает лейтенант
По сто грамм казенной водки.

И ясна, понятна цель,
Невозможное — возможно:
Взять поселок Коктебель
И держаться — сколько можно.

Налететь, напасть, отвлечь —
Без подмоги, в непогоду.
И навеки в землю лечь.
В эту землю, в эту воду.

Отвлекающий десант.
Есть такой в морском уставе.
Отвлекающий десант —
Верный путь к посмертной славе.

...Болью полнится душа
На краю волны и суши:
Двадцать девять ППШ
Против сотни вражьих пушек!..

После всех побед и бед
Их припомнят и прославят.
Через тридцать долгих лет
Здесь им памятник поставят.

На воде растаял след...
Двадцать девять краснофлотцев!..
Через тридцать долгих лет
Лишь один сюда вернется.

Лишь один остался жив.
Плакал горькими слезами,
Две гвоздики положив
На холодный серый камень.

Юстинас Марцинкявичюс

ПРИЗНАНИЕ

Что я без трав, без дерева и птицы,
без дружеского слова или взгляда,
который провожает и встречает?

Растенье, твой цветок цветет во мне.
Я знаю, как беречь его обязан
и как нести живое это пламя.

Когда гнездо дрозда разворошили,
я словно бы и сам лишился крова —
как сиротливо было в небе, люди!

Глаза наши, я видел, словно звери,
трусливые и хищные, метались —
кто мог бы их укрыть от них самих!

Крещенный не водою, а любовью,
живу, чтобы любить, и твердо верю,
что нет иного дела на земле.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Воспеваю
высокое напряжение,
и далекие трассы,
и тревожное ощущение
Энергии, а не Массы.
Состоянье покоя — не принимаю
на словах и на деле.
Словно выстрел судьбу понимаю,
словно выстрел по цели.

НАШЕ ВРЕМЯ

Не могу отмалчиваться в спорах,
если за словами узнаю
циников, ирония которых
распалает ненависть мою.
И когда над пылом патриотов
тешатся иные остряки,
я встаю навстречу их остротам,
твердо обозначив желваки.
Принимаю бой!
Со мною вместе
встаньте здесь, сыны одной семьи,
рыцари немедленного действия,
верные товарищи мои.
Встаньте вы, слепяще белозубы, —
с вами я мужал и вырастал, —
станции Касторной жизнелюбы,
чьи ладони грубы, как металл.
Вас зову — в мерцании коптилок,
реве гроз и топоте сапог, —
с кем потом судьба меня сводила
на вокзалах тысячи дорог.
Мы из тех, кто шел босой за плугом,
помогая старшим в десять лет,
кто в депо грузил тяжелый уголь,
чтоб пойти с любимой на балет,
кто, в себя по дерзости поверив,
в двадцать лет пластуется целину,
к зрелости обдуманно намерен
повести ракету на Луну.
Принимаем имя одержимых!
Нам дремать по-рыбьи не дано —
кровью, ударяющей по жилам,
сердце в наши будни влюблено.
Пусть во всем, что сделано моими
твердыми ладонями,
живет
душу озаряющее имя,
знамя поколенья —
патриот!

1955

ЧЕТЫРЕ КАМНЯ

Как луны,
выставясь со дна,
в медлительном теченье
лежат четыре валуна —
Никитины каменья.
Они лежат который год,
и, может, больше века
по ним, как посуху, народ
пересекает реку.
Шумит камыш по руслам рек.
В протоку плиты вбиты...
Он был могучий человек,
неведомый Никита.
Не все такие силачи,
чтоб дол переиначить:
семипудовые мячи
в воде по горло нянчить.
Хрипеть, густой ивняк рубя,
вконец продрогнув за день,—
не ради княжьего рубля
да и не славы ради.
О нем былинник позабыл,
историки не спорят:
ведь он не царство покорил
и не построил город.
Он сдвинул камни в камышах,
и мы не позабудем
того, кто выйти на большак
помог когда-то людям...
Я медлю, милая.
Прости,
что от камней иду я,
не в силах кинуть на пути
застигшего раздумья.
Но и раздумье прочь гоня,
когда взойду на кручу,
я оглянусь:
они меня
любви и жизни учат.

ПЕРИФЕРИЯ

Я любому шоферу знаком.
Это я, не отличен от многих,
вскинув правую руку, рывком
заступаю машинам дороги.
Это я, до зубов пропылен,
на борту улыбаясь соседу,
от толчков подлетая,
в район
на попутной полуторке еду.
Это я. Познакомьтесь со мной.
Извините, что руки такие —
в пятнах масла. Дорога виной.
Я — провинция. Периферия.
Я, возможно, манерным кажусь,
надо б попросту: кто и откуда.
Я не против такого. И пусть
я сегодня прицепщиком буду.
Вот он я. На гулянке стою.
Голоском хрипловатым и ломким
я разбойную песню пою
и «матаню» играю на хромке.
Я «Цыганочку» с гиком пляшу
и с подругой брожу до рассвета.
Я заметки в газету пишу,
и меня уважают за это.
Если осень с дождями идет,
а в колхозе хлеба не дожаты,
я в поля поднимаю народ,
все обои содрав на плакаты.
Я из тех, кто растит зеленыя,
кто пласты поднимает сырые.
И фамилии нет у меня.
Я — провинция. Периферия.

1955

Анатолий Вертинский

РЕКВИЕМ

В годы минувшей войны погиб
каждый четвертый белорус.

(Из документов)

Ой хотела меня мать
за четвертого отдать!

(Из народной песни)

ПРОЛОГ

Вы видели лес,
где сплошной просвет?

Скажите,
вы видели бор тот,
где каждой второй сосны уже нет,
по меньшей мере —
четвертой?

То же было с землей моей.
В огне и крови прошагала
война беспощадная по ней,
и — прогалы,

прогалы.

Не зарастают они весной,
зияют пустыней мертвой...

Вы видели лес,
где прогал сквозной?

Скажите,
вы видели бор тот?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Земля моя бой принимала
от стара до мала.
От столетнего Талаша
до Казея-малыша.
И падал, распростертый,
каждый четвертый.

Если б не след падучей звезды,
было бы небо черным.

И на земле стыли следы —
каждый четвертый.

После победы стало светло.
Гремели салюты гордо.
Но не сидел за победным столом
каждый четвертый.

Долго вдовы ждали мужей,
матери ждали своих сыновей.
Не верилось им, что мертвый
каждый четвертый.

Помним потери свои и сейчас,
счет этот помним несчетный.
О, как нам не хватает вас —
каждый четвертый!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Каждый четвертый был мертвым —
мир и покой им вечный!
Каждый третий за Одером,
в неметчине был изувечен.

Каждый второй на теле
имел ожоги и шрамы.
И все, как один, имели
на душе своей раны.

Зияли воронки, траншеи,
зияли печные устья
раной одной страшенной
на теле моей Беларуси.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Считаем: четвертый каждый.
А может быть, каждый третий?
От голода и жажды
умирали дети.
А мы еще в счет не включили
тех, что лечили раны.
Раны не залечили,
рано умирали.

А сколько пропало просто
без похорон и поминок!
А сколько потом подростков
подорвалось на минах!
Считаем: каждый четвертый.
Но даже мозг электронный
с программой своею твердой
не подсчитает урона.

ЭПИЛОГ

(Урок спряжения)

Не забывается тот урон,
не зарастают прогалы...

Дети,
вы выучили урок?
Дети,
вы проспрягали?

Я иду,
ты идешь,
а он не идет —
он мертвый.
Я пою,
ты поешь,
молчит

каждый четвертый.

Мы идем,
идете вы.
Грунт под ногами твердый.
Он не ходит —

не мнет травы

каждый четвертый.

Любим мы,
любите вы.

Сколько вокруг

листвы,

синевы,—

хоть сердце настезь развертывай.

О, если бы был

еще в живых

каждый четвертый!

ЛЕНИН В ВИЛЬНЮСЕ

Это знали жандармы: придет он скоро,
Власти мечутся,
Только и слышно: «Схватить!»
Всюду сыщики рыщут, забежала свора,—
Ей приказано: Ленина
не упустить...

Как за ним ни гонялись шпики в иступленье,
Но вернулись с перрона — напрасны труды.
Нет следов — не нашли,
Хоть в местах, где был Ленин,
В землю накрепко врезались эти следы.

Словно врублены в почву,
Их не вытравить ветру,
Не размыть, не развеять летящим годам,
Ведь Литва не колеблясь
К свободе и свету
Отыскала дорогу по этим следам.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ст. Красаускасу

I

Ногам всегда нужна основа —
Прочней, чем камень и металл.
Рукам без знамени святого
Не одолеть гремящий шквал.

Нужна уму, большая твердость,
Чтоб не сворачивать с пути.
Душе нужна любовь и гордость,
Чтоб настоящий путь найти.

**Что стоит правда получаса?
Она немногим лучше лжи.**

Фальшивой храбрости гримаса
Чем лучше страха, докажи?

А в сердце пульс всего земного
Безостановочно стучит,
И так нужна ему основа —
Прочней и тверже, чем гранит.

II

Ни горные хребты,
Ни бездны моря,
Ни твердь небес,
Ни пламень преисподней,
Ни мощь толпы,
Ни сила одного —
Не одолеют никогда
Меня,
Не одолеют никогда
Тебя.

Любой из нас — пусть малая,
но все же
Твердыня Брестской крепости.
Мы бьемся
За величайшую из территорий —
Святую землю собственного сердца.
И нет врага,
Что победил бы нас,
Пока мы не склонили головы
И белого
Не выбросили флага.

Любой из нас — пусть малая,
но все же
Твердыня Брестской крепости.
Мы бьемся
За величайшую из территорий —
Святую землю собственного сердца.

1968

СОЛДАТЫ БЕЗ ШИНЕЛИ

А мы — солдаты,
Мобилизованные силою идей.
И с совести,
Как будто бы с винтовки,
Мы ржавчину счищаем каждый день.

А мы — солдаты.
Обучены. Построены в полки.
И взглядов наших острия
Сверкают, как штыки.

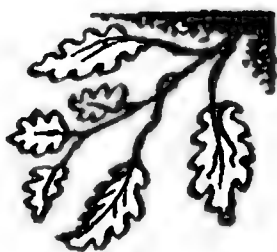
А мы — солдаты.
Солдаты с первых дней. Наверняка.
Горячая граната — наше сердце,
Всегда взорвать готовое врага.

А мы — солдаты.
Хоть не казармы стали нам судьбой.
Ведь наша доля — фронт.
Передовая.
Ежеминутный бой.

Здесь нет команд.
Об этом ты забудь.
Здесь нет парадов.
Есть
Бесконечный путь.

А мы — солдаты.
Гражданский, озабоченный народ.
Нам выше всех наград —
Уверенность, что фронт
Продвинулся вперед.

1969

ПЬЕДЕСТАЛ

Ежедневно, как только встал,
Восхожу я на пьедестал.
В обиходе известен он
Под названием террикон.
Не тщеславный я человек,
Но скажу, что за долгие годы
Я насыпал почти Казбек
Из подземной пустой породы.
Мне нашептывают облака:
«Брось, помчались искать удачу!»
Я гляжу на них свысока,
И поплеываю, и плачу.
Плакать мне помогают газы,
«Глазоедка» и «душегуб».
До чего ж ядовиты, заразы,
Извините за то, что груб!
Под ногами вулканный жар:
Кипяти, если хочешь, воду,
Шашлыки, если хочешь, жарь,
Но я сыплю и сыплю породу.
А чтоб кровь, как вода, не кипела,
Пританцовываю то и дело,
Потому-то, друзья-товарищи,
Про меня распустили молву,
Что живу я не припеваючи,—
Я приплясывая живу.
Терриконщик — губа не дура,—
Я при жизни бессмертным стал:
Каждый день, как живая скульптура,
Восхожу я на пьедестал.

1960

БАЛЛАДА О ТРУСЕ

В болоте двух солдат судьба сразит.
Их дымной крови травы отхлебнули,
Но выстрелом одним герой убит,
А в сердце труса — две смертельных пули.

Пусть будет тот, кому неведом страх,
Землей, дающей жизнь. Пусть возродится
В дыханье дня, в деревьях и цветах,
В лесу — зверьком и в синем небе — птицей!

С утра столпятся облака над ним
Торжественной и легкой пеной моря,
И можжевельник станет весь седым,
Пушица вышьет белый саван горя.

Герою солнце выстелит, как друг,
Могилу красным флагом на закате...
А трус — один оставлен. И вокруг
Немой пустыни мертвое объятье.

Его земля не хочет принимать,
Из возмущенной глубины вещает:
— Ты мне не сын, и я тебе не мать!
Прочь от меня! Смерть труса не прощает.

И вот мертвец испуганный встает
И, торопясь, бежит в пушице белой.
Стянулась рана. Память, словно лед,
В пустой его душе остекленела.

От пуль в груди — куда уйти ему?
Одну — навстречу враг послал. Другая —
Своими в спину всажена. Во тьму
Спешит он, встреч с живыми избегая,

И ждет суда. Он совестью распят,
Он дни свои считает, как сажени.
И минным полем стынет циферблат,
И дрожь шагов кидается в колени.

С мольбой протянет руку он к своим,
Но — вражья пуля в сердце повернется.
Предать решит, но — эхом огненным
Вторая пуля в горле отзовется...

Он ищет мглы — но отступает лес,
И ночь брезгливо убирает тени.
А днем, в какую б нору ни залез,
Укажет солнце в яблочко мишени

Перстом горящим! Чащей ли бежит,
Минует луг иль к лесу мчится снова —
Везде, везде трава под ним дрожит,
Он всюду слышит горестное слово

Земли родной: — Пусть грудь мою вовек
Не осквернит предателя рубаха!
Прочь от меня, трусливый человек!
Ты будешь вечно умирать от страха.

И день-деньской по пустырям кружить!
Герой несет единой смерти бремя,
Две жалких смерти труса будут жить,
Преследовать и гнать его сквозь время!

1961

АПРЕЛЬ

Апрель, апрель... Восславить мне ли
Достойно весь характер твой?
Я воздаю хвалу апрелю —
Он май приводит за собой.

И, в синеве блуждая взором,
Апрель благословляю я
За то, что он бросает зерна,
Чтоб прорастила их земля.

На иве почки распушились —
Им зябнуть по ночам не раз...
А вот — подснежник первый вылез,
Он дымчато голубоглаз.

Медведь вздохнул в берлоге тесной,
Услышав первую капель.
И — перемен великих вестник —
Уже снега крушит апрель!..

Откиньте сто апрелей долгих
До той поры, когда весной
На берегу могучей Волги
Родился мальчик — сын земной.

Апрель — и все еще в начале,
Но близко правды торжество,
И он сразится с богачами,
С царем, с министрами его,

Чтоб угнетенному народу
В нелегких схватках боевых
Добыть желанную свободу,
От пут избавить вековых!

Нелегок путь к заветной цели,
Но если так прекрасна цель,
Пройдешь сквозь тысячу апрелей...
И вот он — жданный тот апрель!

Ильич спешит из-за границы...
О, пламя ленинских идей!
Апрельских тезисов страницы,
Как вещний гром в умах людей!

С тех пор апрели за апрелем,
Сквозь будни строек грохоча,
Не шли, а бешено летели,
Чтоб встретить вновь, рукоплеща,

Апрель, принесший новость эту:
«Дверь в космос человек открыл!»
И вся приветствует планета
Того, кто это совершил.

Не бог, не царь, не важный барин,
Кому лишь злато посули,—
А коммунист, рабочий парень,
Гагарин Юрий — сын Земли!

Так, от буденновских тачанок,
Какие лихо в бой неслись,
Брала дорога та начало,
Что подняла нас в эту высь.

Апрель!.. А там за ним, ликуя,
Салютом май встречает нас,
Который, может, салютует
Тому, кто старт берет на Марс!

1961

ПОЭЗИЯ

Здоровое сердце
Не слышно как бьется,
Оно не стучит
Кулаком своим в грудь,
Мол, вот я какое,
Мол, мне достается,
Мол, ты про меня
Никогда не забудь.

Здоровое сердце
Без крика и грома
Беззвучно стучит,
Не хвалясь, не грозя,
Спокойно,
Как будто бы нет его дома,
Как будто бы нет,
А без сердца — нельзя.

Здоровое сердце
Скромнее и строже,
Без усталости бьется,
не смея устать.
Поэзия!
Спутница жизни,
Ты тоже
Должна быть
Здоровому сердцу
Под стать.

1960

ГЛАГОЛ

Это в памяти остается.
Повторяется,

как молва:

сердце бьется,
армия бьется —
одинаковые

слова!

Одинаковые глаголы —
неслучайные наверняка.

Одинаковые законы
и у сердца,
и у полка...

Говорится,

словно поется

с интонацией вихревой:

бьется армия,
сердце бьется,
бьется знамя

над головой!

* * *

Я сегодня до зари встану,
по широкому пройду полю.

Что-то с памятью моей

стало:

все, что было не со мной,—
помню!

Бьют дождинки по щекам впалым.

Для вселенной двадцать лет —
мало.

Даже не был я знаком

с парнем,

прокричавшим

«Я вернусь.

мама!...»

Обещает быть весна долгой.

Ждет отборного зерна пашня.

И живу я
 на земле доброй
за себя
и за того парня.
Я от тяжести такой горблюсь.
Но иначе жить нельзя,—
если
все зовет меня
 его голос,
все звучит во мне
 его песня...
А степная трава пахнет горечью.
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
 то ли эхо
 прошедшей войны.

1970

ГОЛОСА СТАЛИНГРАДА

(ИЗ ПОЭМЫ)

Назло всем смертям в нашем доме — «доме Павлова» — родился ребенок. Девочка. Все зовут ее Зиной, а я — Зиндаги — Жизнью..

(Из письма А х м а д а Т у р д и с е в а)

На реке полыхает огонь,
и ползет по дороге огонь.
Нет огня сейчас в очаге,
он теперь на пороге — огонь.
Даже небо в его руках.
Даже недра в его руках.
Вместо самых ярких цветов
он один расцвел в цветниках!
Он повис на ветках в саду.
Он теперь —
судья и палач...
Вдруг в таком невозможном аду
я услышал
младенческий плач!
Быть не может! Горят облака,
и обугливается рассвет,
автомат раскалился в руках!
А ребенку и дела нет!..
Я привык к разрыву гранат,
к орудийному гулу привык.

Самолеты идут на нас,
не смолкает надрывный рык...

Заглушая голос войны,
и беспомощен и велик,
из подвала,
из глубины
раздается младенческий крик!..

Этот крик не слышать нельзя.

Этот крик не понять нельзя.

Боль Земли и женщины боль
в нем слились, пощады прося.

Вековечный свершился закон,
миру жителя принесся!

И у матери молодой
 прояснились большие глаза.

Столько я по Земле шагал,
столько раз хоронил друзей,
так безжалостно мстил врагам,
столько раз ревел надо мной

Доброй памятью мирных дней,

О зерне тоскует земля

Ночью нынешнею тебе

Самолеты — в который раз.

Посреди небывалой войны

В этом доме, где столько раз

597

быть живых уже не должно,
есть любви высочайший знак,

есть грядущей жизни зерно.

Значит, все величье Земли

в этом доме заключено!

Это наш последний рубеж.

Это наш последний редут.

Если этот дом упадет,

значит, все дома упадут...

Спи, малышка. Не верь войне.

Люди ждут тебя! Очень ждут.

Будь спокойна: за этот порог

никогда враги не пройдут.

1965—1970

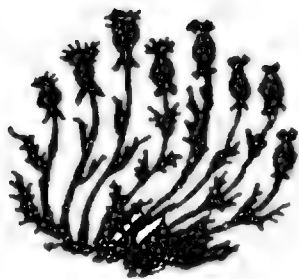

Прокопий Явтысый

* * *

Мой ненецкий язык
Сильней ветров полярных,
И голос мой метели не сотрут.
Соцветиями северных сияний
Мои слова над тундрою плывут.
Зажгут они костры в далеких чумах,
И над стадами в песнях пастухов
Вновь донесут возвышенную думу
С моей земли до самых облаков.
Придет пора, пробьются даже к солнцу
И скажут: — Льды седые убери
И вырви у мороза зубы злости,
Чтобы сады над тундрой зацвели! —
Я верю, верю, этот миг настанет:
Родной язык — воистину велик, —
Язык, перекричавший всех шаманов,
Сквозь вьюги лет пробившийся язык.

1970

РОДИТЕЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Родительские письма в сотню строк —
простые деревенские подарки,
каракули, крючки наискосок,
без адреса обратного и марки.

Им все равно, что даль теперь, что близь,
натруженно, по буковке, по слову
родители записывали жизнь
про засуху, про цены, про корову.

Мол, нужно только денег подкопить,
сруб починить
и в сенцах дверь подправить —
что свидеться за столько лет пора ведь,
до лучшего теперь, мол, не дожить.

Неторопливый склад простых забот...
Вновь перечти и сердцем успокойся —
и вновь в лицо доверчиво пахнет
медовым, горьким запахом покоса.

То ласка, то обида, то укор,
прочту опять — и слезы хлынут горлом.
Родительские письма! До сих пор
живу под вашим бережным призором.

Каракули, крючки наискосок,
где все, как есть,
записано на вздохе.
Родительские письма в сотню строк,
безвестная поэзия эпохи...

ГОЙЯ

Я — Гойя!

Глазницы воронок мне выклевал ворог, слетая на поле нагое.

Я — Горе.

Я — Голос

войны, городов головни на снегу сорок первого года.

Я — Голод.

Я горло

повешенной бабы, чье тело, как колокол,

было над площадью голой...

Я — Гойя!

О, грозди

возмездья! Взвил залпом на Запад — я пепел незваного гостя!

И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —

как гвозди.

Я — Гойя!

1959

Евг. Евтушенко

* * *

М Бернесу

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат,
и вам ответят их сыны,
хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

1961

ТРИ МИНУТЫ ПРАВДЫ

*Посвящается памяти кубинского
национального героя Хосе Анто-
нио Эчеварилья Подпольная кличка
его была «Мансана». что по-испански
означает «Яблоко»*

Жил паренек по имени Мансана
с глазами родниковой чистоты,
с душой такой же шумной,
как мансарда,
где голуби, гитары и холсты

Любил он кукурузные початки,
любил бейсбол,

детей,

деревья,

птиц

и в бешеном качании пачанги
нечаянность двух чуд из-под ресниц!

Но в пареньке по имени Мансана,
который на мальчишку был похож,
суровость отчужденная мерцала,
когда он видел ханжество и ложь.

А ложь была на Кубе разодета.

Она по всем паркетам разлилась.

Она в автомобиле президента
сидела,

по-хозяйски развальясь.

Она во всех газетах чушь порола
и, начиная яростно с утра,

порой

перемежаясь

рок-н-роллом,

по радио

орала

в рупора.

И паренек по имени Мансана
не ради славы —

просто ради всех,

чтоб Куба правду все-таки узнала,
решил с друзьями взять радиоцентр.

И вот,

туда ворвавшись с револьвером,
у шансонетки вырвав микрофон,
как голос Кубы, мужество и вера,
стал говорить народу правду он.

Лишь три минуты!

Три минуты только!

И — выстрел...

И — не слышно ничего.

Батистовская пуля стала точкой
в той речи незаконченной его.

И снова рок-н-ролл завыл исправно..

А он.

теперь уже непобедим,
отдавший жизнь за три минуты правды.
лежал с лицом счастливо-молодым

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
ее реки в разливе
и когда подо льдом,

дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно —
для России я жил.

И надеждою маюсь,
полный тайных тревог,
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда...

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я...

1965

СМЕРТЬ БРИГАДИРА

Ты умер во сне в больнице,
на узкой, чуть вздрогнувшей койке,
и рядом с ночной в изголовье
кремлевская встала звезда.
И спящий твой лоб осыпали
цементом далекие стройки,
и, волосы ветром вздувая,
шли возле щеки поезда.
Страна продолжала работать.
Студентки в ноябрьских снежинках
спешили на лекции шумно,
шахтеры спускались в забой,
а первые пятилетки,
в невыцветших красных косынках,
как будто твои медсестры,
стояли над мертвым тобой.
Морщины глубокие стали
впервые тихи, покойны.
Ты спал, как усталый слесарь,
прилегший вздремнуть чуток,
и цокало время, словно
буденновские подковы,
внутри обнимающих горько
застывшую руку
часов.
А что, Ярослав, тебе снилось?
В потрепанной кожанке Лизка,
твой Мейерхольд, Маяковский,
шамовка твоих фабзайчат,
твой Боря Корнилов, твой Павел,
и столькие-столькие лица,
которые невозвратно
сквозь вьюгу глазами кричат.
И снились тебе, наверно,
две морды собачьих прекрасных
и может быть, сын мой, который
тебе на колени влезал,
и все, что своей эпохе
сказал по-хозяйски, пристрастно,
и все, что своей эпохе
мучительно ты не сказал.
Прощай, Ярослав любимый! Бессмысленно плакать,
убого,

но слезы высокой печали,
высокого смысла из глаз.
С любимым настоящим поэтом
уходит его эпоха,
но если стихи остаются,
эпоха останется в нас.
Ты был бригадиром суровым
с такими, как мы, юнцами.
Есть гордое слово «учитель»,
но выше простое: «отец».
Теперь мы в поэзии русской
становимся тоже отцами.
Мы твой инструмент принимаем,
а ты отдохнешь наконец.
Прощай, бригадир! Заступаем —
нас вахта не миновала.
Рабочая совесть поэта
в служеньи эпохе, стране.
Ты горд был рабочей кепкой,
как шапкою Мономаха,
и как тяжело, что ты умер,
но как хорошо, что во сне.

ГЛИНЯНАЯ КРУЖКА

Шагну за порог под густую лозу
С кувшином, хранящим амброзию нашу.
Пей, путник, пей, гость мой, тебе поднесу
Напитка старинного полную чашу.

Стара неказистая кружка моя,
Хлебнешь — и прохладу почувствуешь в горле.
Как будто коснулся тех губ, что края
Сосуда, века пережившего, стерли.

Напиток, рожденный на слабом огне,
Готовили прадеды наши нередко.
Качни эту чашу — увидишь на дне
Потухшие звезды далекого предка.

Отпей — и войдет в тебя терпкость лесов,
Хранящих негромкое эхо преданий,
Услышишь раскатистый гром голосов
Под полной луной на гайдуковой поляне.

Вино пригуби — и узнаешь тогда,
Как женщины, в полдень присевшие в поле,
Грустили о том, что уходят года,
Печально шутили о прожитой доле.

В чудесную чашу вместиться смогли
И горечь, и мед, и жара, и морозы.
На дне — и печаль, и улыбка земли,
Ее вековое молчанье и слезы.

Старинных мелодий мерцают огни
В наполненной кружке, в играющем соке,
Хотя и гасили их в давние дни
Мечами вояки, словами пророки.

Тяжелую кружку мою осуши,
Пусть хмелем столетий наполнятся вены,
Почувствуешь трезвость суровой души
Людей, что подняли домов этих стены.

Ступи под узорчатый этот навес,
И выйдут к тебе все, кто жил здесь однажды.
Зеленым листом, синевою небес,
Прохладой холмов утоли свою жажду.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Армии,
к сожалению, на свете еще существуют
Но у ракет не будет
живых волнистых хвостов,
у танков не вырастет грива,—
кончилась служба твоя,
кавалерия.
Трудно тебе прощаться.
Ведь на тачанках
взмыленные кони
везли и сегодняшний день.
Свобода отцов,
жизнь сыновей
и счастье внуков
были на лезвиях сабель твоих

Простите, павшие кони,
что у ваших погибших хозяев
часто не было сена.
Простите, павшие кони,
что вам приходилось идти против танков

Во имя родины.
Во имя ваших пастбищ.
И всадники шли.
Они тоже были только из плоти,
и в этом хрупком сосуде
несли навстречу металлу
горячие, красные души...

А теперь ты уходишь,
королева степей
и гражданской войны.
В сердцах,
на страницах истории,
в граните памятников —
вечная слава твоя.
На братском кладбище ночью
доломит оживает

Встают на дыбы и ржут,
чуя запах талой земли,
гранитные кони
На языке человеческом
выразить невозможно,
как тоскуют они по плугу

1959

Новелла Матвеева

ЧЕЛОВЕК

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений.
Зажигает фонарь на вершине маячной,
По тростинке проходит над пропастью мрачной.

В тяжких недрах земли обливается потом,
На серебряных крышах стоит звездочетом,
Над морями на тихом летит монгольфьере,
Разбивается насмерть на личном примере.

Он на землю приходит то пылким Икаром,
То бесстрашным и добрым Алленом Бомбаром,—
Личным другом Надежды, врагом Заблужденья,
Чья рука равносильна руке Провиденья;

Фермопильским вождем, капитаном «Кон-Тики»,
Человеком, бегущим на дальние крики.
Летописцем, исполненным вещего рвенья,
Мудрецом, позабывшим, что значит забвенья...

В каждом веке он первый. Но в деле, в котором
Подозренье в корысти покажется вздором,
Где никем не могло бы тщеславие двигать,
Где гляди не гляди, а не выглядишь выгод.

Между койками ходит в чумном карантине,
Служит крошечным юнгою на бригантине,
Над полями сражений, как в тягостной сказке,
Кружит ангелом с красным крестом на повязке.

И на крылья свои с неизвестной минуты
Надевает суровые тайные пути,
Чтобы в грусти своей и себе не сознаться,
Чтобы в самом страданье своем — не зазнаться.

Ибо нет на земле и не будет деянья,
Чтобы стоило ангельского одеянья,
Ибо странно мечтать о блаженстве небесном,
Не ходив по земле пешеходом безвестным.

..Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений
Зажигает фонарь на вершине маячной,
Чтоб горел его свет, как венец новобрачной

И приходят титаны в раздумье глубоком,
И кончаются в муках, когда, ненароком,
Застревают, как стрелы, в их ноющем теле
Их конечные, их бесконечные цели

..Убегаем от чар, возвращаемся к чарам,
Расправляемся с чарами точным ударом
Далека же ты в небе, звезда идеала!
Но стремиться к тебе — ты сама подсказала

1972

ЧЕЛОВЕК

Я живу в тайге незначенной,
не теряясь среди гор и рек,
градом битый,
солнышком умытый,
маленький, непрочный человек.
В меру сыт и в меру безоружен,
в комарах шагаю, как в дыму,
облечен доверьем
и не нужен,
кроме государства, никому.
Не сверкнет мне ни огонь, ни вежа,
но ведь я не одинок в лесу:
все тревоги атомного века
в сердце маленьком несу.
И, своей работой доволен,
знаю я,
зачем я вышел в путь.
Это в поле я один — не воин,
но в тайге-то значу что-нибудь,
потому что не забавы ради
по долам и по горам
я ищу веселый радий,
сумрачный уран,
чтоб проникнуть в тайны тьмы и света
и в секрет вселенского огня.
И моя бесстрастная планета
с уваженьем смотрит на меня.

1963

Борис Олейник

* * *

Погоня... И выстрел... И взмыленный круп...
И ворон творит над равниною круг.

Испуганный всадник стегает коня.
А ворон — как призрак средь белого дня.

Уже остывает израненный друг,
И сердце коня замыкает свой круг.

Земля полковым барабаном гудит.
На дубе уверенно ворон сидит.

Растерянный всадник слезает с коня,
Во взгляде у ворона — вспышки огня.

Товарища всадник снимает с седла,
У ворона вздрогнула кромка крыла.

Уж всаднику мир поднебесный не люб.
У ворона вмиг разверзается клюв.

Пустая надежда — пустое седло...
У ворона чуть приподнялось крыло.

Трепещущий повод спасенье сулит...
Но всаднику что-то вернуться велит,—

Себя пересилив, он к другу бредет,
И ворон за ним мутным глазом ведет.

Вот всадник товарища поднял с земли,—
И вспышки злорадства в орбиты ушли.

Осело от тяжести лишней седло,—
У ворона вяло опало крыло.

Все стихло... Лишь месяц висит молодой
Да дремлет на дереве ворон седой

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

Засеяла поле
 летами своими, как житом,
Земле поклонилась,
 в степи нарвала спорышу
Детей научила,
 как в мире по совести жить им,
Вздохнула легонько —
 и тихо пошла за межу.
Куда же вы, мама? —
 бегут ее дети за нею.
Куда вы, бабусенька? —
 внуки кричат у ворот
— Да я недалечко...
 За солнышком... Может, успею..
Пора мне, родные...
 Живите, не знайте забот!
— Да как же без вас мы?
 Да что вы надумали, мама?
А кто нам, бабуса,
 расскажет опять про лису?
А я вам оставляю
 и радуги все, и туманы,
И золото в поле,
 и вербу, и птицу в лесу.
Не нужно нам радуг,
 не нужно нам серебра-злата,
Лишь только бы вечно
 встречали вы нас у ворот
Родная,
 мы сделаем все и на поле, и в хате.
Останьтесь, матуся!
 Пусть солнышко вас подождет! —
Она усмехнулась
 и вся почернела от боли.
Взмахнула рукою —
 и дрогнул рушник на весу.
Счастливой вам доли! —
 и стала задумчивым
 полем,
Землей, и туманом,
 и вербой, и птицей в лесу

АНКЕТА

— Ваша фамилия,
имя, отчество?

— Я.

— Год рождения?

— Тот юный год,
когда мать и отец
полюбили друг друга.

— Происхождение?

— Вспахиваю, засеваю
холмы под кодрами.
Знаю все дойны.

— Профессия?

— Край свой люблю.

— Родители?

— Мать.

Одна только мать.

— Как зовут ее?

— Мама.

— Род занятий ее?

— Ожиданье...

— Был под судом?

— Несколько лет
одионого заключения
в самом себе.

— Есть ли родственники
за границей?

— Да, отец.

Похоронен в чужой стороне
в 1945-м.

Илья Фонаков

* * *

Оптимизму учили меня
Не с трибун, по конспектам, ораторы.
Оптимизму учили меня
Те,
 в войну,
 на буренках,
 оратаи.

Оптимизму учила меня,
Над слезами смеясь непросохшими,
Тех
 пронзительных дней
 ребятня —
Беспризорщина и безотцовщина.

Оптимизму учили меня
Новобранцы,
 в машинах и пешие,
На рассвете холодного дня
Про войну
 про священную
 певшие...

И живу я, ту веру храня:
Пусть на долгие годы растянется,
И со мной
 никогда не расстанется,
И останется
 после меня!

1963

Рыгор Бородулин

* * *

Сколько лет Беларуси?
Сколько дочкам, сынам?
Сколько радости, грусти?
Сколько горестным снам?

Сколько зорям былинным
За лесами веков?
Сколько шумным вершинам
Боровых большаков?

Сколько тихому слову,
Что, издревле светло,
По небесному склону,
Словно месяц, взошло?

Над криницею чистой
Пыль скитаний омой.
Ты бессмертен Отчизной,
И Отчизна — тобой.

Под болотной крушиной,
Зной и стужу терпя,
Ты один без Единой,
Сиро ей без тебя.

Владимир Санги

* * *

Я северянин. Нивх.
Мне колыбель — метели,
С рожденья я на «ты»
С бураном и тайгой.
И где бы ни был я —
Везде мне снятся ели,
И, словно предков зов,
Я слышу ветра вой.
Конечно,
Есть края,
Где вся земля — ручная.
Конечно,
Есть края,
Где зреет виноград.
Но там — я только гость,
Там по тебе скучаю,
О край суровый мой,
Я новой встрече рад.
И я иду туда,
Где кочевали деды.
Я пью истоки рек,
И радуюсь я вновь,
Когда один в кустах
Иду медвежьим следом
И слышу, как во мне
Опять играет кровь.
Угрюмая тайга
Меня встречает нежно,
А реки резво мчат,
Играючи, звеня.
Да разве есть края
Под солнцем иль под снегом,
Чтоб звали так меня,
Как ты, моя земля!

1959—1963

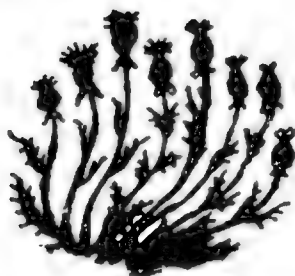
ТАНКИ

Николаю Алексеевичу
Кучеренко,
моему отцу

Какие-то строгие тайны
из дому отца увели,
а вскоре по улицам танки
гудящей волной поползли.
Я прятала руки за ватник
и следом за танками шла,
не зная, что ожил тот ватман
с его заводского стола,
что ожил тот ватман, который
похитил отцовские сны.
По длинным людским коридорам
шли новые танки страны,
мальчишечьи крики привета
неслись от ворот до ворот,
и женщина шла без жакета,
кричала: — Победа идет! —
И, стиснув руками упрямо
тугие перила крыльца,
о чем-то заплакала мама,
привыкшая жить без отца.
Я помню тот день потому лишь,
что вечером этого дня
среди старых бревенчатых улиц
отец мой окликнул меня,
мне даже теперь это снится,
как в тот незапамятный год
отцу разрешил отлучиться
домой оборонный завод,
как следом за ним я бежала
и в комнату нашу вошла,
а мама подушки взбивала,
а мама лепешки пекла,
смеялась то громко, то робко,
о том говорила о сем,
но стыла в тарелке похлебка:
отец мой уснул за столом,

а мать улыбалась все шире
и куталась в старую шаль.

Шли танки «Т-34»
в тревожную трудную даль.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О, Девятое мая сорок пятого года!
Я был тогда еще очень мал
и, радуясь вместе с толпой народа,
еще не все до конца понимал.
По Иссык-Кулю волны летели,
к берегу мчались, плечо к плечу,—
как будто все заслужить хотели
приз за добрую весть —
суюнчу.
Народ шумел, будто лес под ветром,
и лес, как народ, шумел, гомонил,
и дождик — он был коротким, но щедрым —
землю весеннюю напоил.
Но люди дождя почти не заметили,
в слезах, счастливых и горьких, стоя.
Не все своих долгожданных встретили,
ушедших в огонь великого боя!
Помню: мужчина ко мне нагнулся,
и ласку в глазах его я прочел...
А мой отец с войны не вернулся,
вместо него День Победы пришел.
Я отца никогда не видел,
я не помню его лица,
но прекрасным, как День Победы,
светлым, ясным, как День Победы,
неомрачимым, как День Победы,
я вижу лицо моего отца!

1962

Валентин Сорокин

Я СТОЯЛ У ОГНЯ

Я стоял у огня,
Плавил кремний и резал,
Потому у меня
Руки пахнут железом.

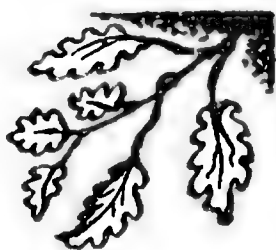
Я стоял у огня,
Где стихия клокочет,
Потому у меня
Прямо подняты очи.

Я стоял у огня
Средь моторного шума,
Потому у меня
Крепнет русская дума.

Я стоял у огня
Между тьмою и светом,
Потому у меня
Возле сердца планета.

Я стоял у огня
В миг рожденья булата,
Потому у меня
Путь-дорога крылата.

1969

Николай Рубцов

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах.

И вереницы птиц твоих, Россия,

Затмит на миг в крови и в жемчугах

Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы.

Они несут на флагах черный крест,

Они крестами небо закрестили,

И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов

в окрестности

России.

Кресты, кресты...

Я больше не могу!

Я резко стниму от глаз ладони

И вдруг увижу: смирно на лугу

Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин

Подхватит эхо медленное ржанье,

И надо мной —

бессмертных звезд Руси,

Спокойных звезд безбрежное мерцанье..

1962

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром.

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал.

Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина!
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор.

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

МОЕ СЕЛО

Все пережили: две мировых войны
и несколько войн, не таких кровавых и трудных.
Случалось, в межах валялись мышинные трупы:
когда нет хлеба,дохнут и грызуны.
Пережили наводнения, топившие и коней,
все, беспощадно терзавшие земли, танки,
и все театры, эпохальные их спектакли
про мое село, про его девчат и парней.
Вроде без подвигов мы на виду веков:
в мире и на миру, как водится, жили-были.
Занимался пожар — тогда уж в набаты били,
а враги приходили — поднимались, били врагов.
Есть ли бóльшее мужество, чем мужество быть собою...
Как сумело село мое к будущему идти,
если в нем с целой улицы — один приходил из боя,
Из двенадцати хлопцев двое лишь доживали до тридцати!
Пусть никогда никому и во сне не привидится,
как горькая доля дымно встает над светом.
В селе моем было сто пятьдесят Лидице
и сорок восемь Освенцимов,
да никто не знает про это...
Поставьте ему памятник — селу моему бессмертному,
где поле в желтых колосьях и бьют из земли ключи.
Поставьте ему памятник — хату с окнами светлыми,
пусть ловит и копит хата солнечные лучи.
А в ней — детей поселите, им в души вложите знание
законов труда, правды.
А еще вложите — любовь...
Да будет вечным село мое, красное мое знамя!
Живи, святая земля моя,
Мы — вечны, пока с тобой!

1968

АВТОГРАФЫ МАТЕРЕЙ
МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Есть что-то простое, и гордое, и трогательное до боли
В тех почерках материнских, похожих на почерк детей.
Их дети дождем проливаются, цветут васильками в поле,
Их дети детьми остались, пройдя сквозь тыщи смертей.
Давно откипели те слезы! Но шурфы болят, как когда-то,
И снова с детьми своими летят в эти прорвы они.
Галстуки им повязывают, честь отдают солдаты,
Но лица по-прежнему скорбны, как в те далекие дни.
Им с каждою встречей приходится, давясь давнишней слезою,
Молчать под пытками теми, за ночь раз по семи,
Звезды, на спинах вырезанные, своей ощущать спиною,
И жить, и смеяться снова, и быть живыми людьми!
Людские стекаются реки, великие пишутся книги,
И бронзовые герои на мирное небо глядят...
А им в миллионном рокоте слышатся давние крики,
И дети, их кровные дети, в те шурфы летят и летят.
Приходят мальчишки к ним в гости, теряются поневоле,
Волнуясь, просят автографы, стоят у раскрытых дверей...
Есть что-то щемяще-гордое и трогательное до боли
В тех почерках материнских, похожих на почерк детей...

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья, мы родились весной —
Той весной,

когда родился Ленин.
...Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру

капель роняла ветка.
Русь плыла, как тяжелая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день

через тебя легла
Трещина, чуть зримая до срока?
Пролегла среди уличных торцов,
Потянулась к тюрьмам и кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по колоннам...
Дед мой, спину гнувший до земли,
О работу в кровь стиравший руки,—
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье

неродившиеся внуки?
Будоража старое житье,
Паводком врываясь на просторы,
Шла весна —

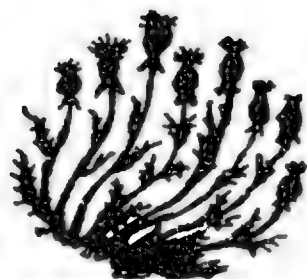
и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Аврора»...

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:

Все, друзья, мы родились весной,
В том
бессмертном
ленинском
апреле!..

1964

Владимир Фирсов

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. А. Коваленкова

Я помню сожженные села
И после победного дня
Пустую,
Холодную школу,
Где четверо, кроме меня.
Где нам однорукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна — следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.
Ему мы во всем подражали —
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

В том самом году сорок пятом
Он как-то однажды сказал:
— Любите Отчизну, ребята,—
И вдаль, за окно, указал.

Дымок от землянок лучился
Жестокон печалью земли.
— Все это, ребята, Отчизна,
Ее мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу —
Лежал в нем
Мой первый учитель
В некрашеном, светлом гробу.

Ушел, говорили, до срока,
Все беды теперь позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землей закидали,
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель,
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе —
Ты с нами идешь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе!

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

П. Е. Макаренкову

Мне жить и жить,
Пока стоят хлеба,
И петь о них,
Пока имею голос...
Как хлебороба вечная судьба,
В гербе моей страны — высокий колос.

Он тот,
Что знал тепло моей руки
И породнился
Навсегда со мною...
Голодные, мы шли по колоски,
Мальчишки, опаленные войною.

О, сколько было пройдено стерней
И сколько было отдано поклонов!
Борьба за хлеб
Была второй войной,
Где каждый колос
Равен был патрону.

И были жертвы.
Можно ли забыть,
Как мы когда-то проходили мимо
Одной межи, где затаилась мина, —
Ей было Кольку суждено убить.

И вот лежал он, маленький такой,
Еще и не вступивший в пионеры,
И что-то все искал, искал рукой
В пыли дорожной на закате сером.

Беззвучными губами шевеля,
Он все шептал о колосках... о маме...
И плакала над ним
Сама земля
Безудержными нашими слезами.

Учитель на руках его отнес
В избу, где без того хватало горя.

И предложил нам
Записать за Колей,
Все колоски,
Что сдали мы в колхоз...

О память, память!
Искрою во мгле
Вдруг высверкнет и снова замирает.
Живут не только хлебом на земле.
В борьбе за хлеб, однако,
Умирают.

Не знаю,
Какова моя судьба.
Но, с детства зная, что такое колос,
Я буду жить, пока стоят хлеба,
И петь о них, пока имею голос!

РОЗОВОЕ МЫЛО

В цветной бумажке розовое мыло,
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,
Ты пахнешь чем-то несказанно милым,
Но чем же? Память, память, помоги!
Чуть уловимый запах земляники,
Едва заметный — ржи и васильков.
И аромат лесных тропинок диких,
И душистый мед некошенных лугов,
И — вместе все...
Когда такое было?
Но память вновь меня не подвела:
Ты пахнешь детством, розовое мыло!
Как позабыть об этом я смогла?
...Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришел подарок,
Пришла посылка с надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали ей не кубик мыла,
А самородок золота с кулак.
...Намытое, давно скрипело тело,
Уж мать в предбанник выносила таз,
Но я открыть упорно не хотела
Зажмуренных от мыльной пены глаз.
Тогда впервые за четыре года
Мне снова пахло теплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим медом,
И васильками. И — живым отцом...

1960—1961

* * *

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие —
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
Храни огонь родного очага!

Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он,
Не потянись за черноземом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!

И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять.
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

Юван Шесталов

* * *

Нет у меня ружья,
Нет у меня ножа,
Лук мой тугой потерян.
Стрел давно не точу —
Ни птицу, ни злого зверя
Я убивать не хочу.
Но замахнется если
Кто-то на правду мою —
Срежу такого песней,
Словом его убью.

1959

Олег Дмитриев

ГОРОД ГАЛИЧ

Незаметны здесь,
Но не забыты
Те года далекие,
Когда
Рвали землю конские копыта
И Орда
Ломала города.
Он тогда стоял врагу укором:
— На, злодей,
Попробуй завладей! —
Сильный не высоким частоколом,
А безмерным мужеством людей.
Повсеместно рушились столицы,
И один смеялся над врагом
Галич,
Как боец широколицый,
Утиравший юшку рукавом.
Тишина какая...
Мирно дремлет,
Загасив последний огонек,
Осененный доброй славой древней
Местного значенья городок.
И под знаменитою горою
Он сейчас как сказочный мудрец,
Что давал былинному герою
В руки меч волшебный — кладенец.
Эта сталь высокого закала,
Отливая темной синевой,
Так еще недавно просверкала
В Ленинграде, в Бресте, под Москвой!

В памяти почаще освежайте
Грозно отгремевшие века.
Города России,
Приезжайте,
Навестите, что ли, старика...

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Был жесток и страшен враг,
В тундре кровь бойцов лилась.
Потому стал красен флаг
Твой, моя родная власть.
В тундре каждый красный чум
Красным флагом осенен.
Солнца красного лучу
Радостно смеется он.
За него на смертный бой
Шли сыны моей земли.
Им над Хатангой-рекой
Обелиск мы возвели.
...Спят ветра в густой траве.
Шелестит полярный мак,
И пылает в синеве
Сердцем Данко красный флаг.

Игорь Шкляревский

* * *

Плакучая, в лучах заката —
береза у военкомата!

В наш городок пришла весна,
а на стволе, сыром и сером,
опять слезятся имена,
оставленные в сорок первом.

Как будто бы за всех родных,
за всех отчаянно любимых
она оплакивает их —
бессмертных, но невозвратимых.

Вся в именах! И слава богу,
что на коре местечка нет
для тех, кто в девятнадцать лет
здесь собирается в дорогу.

ШВЕЙЦАРЦЫ В МОГИЛЕВЕ

Старинный город Могилев —
микрорайон, столбы, канавы...
А где же звон колоколов?
Где церкви, ратуши, порталы?

Швейцарцы ищут старину,
а переводчик виновато —
спиною к зареву заката —
молчит... Забыли про войну!

Забыли, как здесь все пылало,
кипело, корчилось, кричало —
и фреска, и резьба, и крест.
Из пепла город мой воскрес.

В нем старины заветной мало,
зато земля моя горда
тем, что без боя не сдавала
свои седые города!

Борис Примеров

ПАРУС ЗЕМЛИ

Бьют в лицо мне отчаянно
Ветры, грозы, моря,
И садится, как чайка,
Мне на плечи заря.

Я дождями обласкан,
Солнцем, тысячью трав,
Я не сказка, не сказка,
Настоящая явь.

Я не робкий, а ярый,
Я в простор голубой,
Как бунтующий парус,
Дерзко поднят Землей.

И несется планета
В метеорной пыли,
Упираются ветры
В крепкий парус Земли!

Пауль Эрик Руммо

БАЛЛАДА ОБ ОСКОЛКЕ
В СЕРДЦЕ

То был не я.
Нет, то был не я...
Горячий снег белел, как простыня,
Глаза слепила
Колкая пороша.
Пехота зарывалась в мерзлый грунт.

...Под утро
Рядовой из-под Воронежа
Был ранен
В грудь:
В мутном лунном свете
Разрыв снаряда
Парня подкосил.

Я через двадцать лет
Прочел в газете:
Стальной осколок
В сердце он носил
Всю жизнь мою.
Я рос,
Я кончил школу,
Под сердцем у сестры
Забился сын,
А он носил,
Носил стальной осколок,
Он каждый миг
В себе его носил.
Жил человек,
Не зная, отчего
Бывают боли
В сердце у него.

Но после операции,
В бреду,
Он снова оказался там,
В аду,
Где от разрывов
Дыбилась земля,

В аду,
Где снег белел, как простыня,
Где била косо
Колкая пороша,
Пехота зарывалась в мерзлый грунт.
В аду,
Где рядовой из-под Воронежа
Был ранен
В грудь...
Вставал больной рассвет,
Горячей простыня была, как снег,
И это был не я,

не я, не я,—

Но вот осколок в сердце у меня
С тех пор, как я
Под чей-то тихий стон
С осколком в сердце
Был в ту ночь рожден.

1963

Гульрухсор Сафиева

Р О Д И Н Е

Все, что я на этом свете,— ты.
Сердце, воля, строки и мечты.
Мне служить тебе светло и сладко.
Жизнь мою возьми всю, без остатка!
Всю!

Хоть у меня она — одна...
Жаль вот только, коротка она.

1975

У КОММЕНТАРИИ

БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1880—1921) — один из величайших русских поэтов. Его творчество уже к моменту Великой Октябрьской революции вышло далеко за рамки символизма — литературного течения, к которому он принадлежал. Его поэма «Двенадцать» явилась первым монументальным произведением об Октябре и вызвала беспрецедентный общественный резонанс (характерно позднейшее упоминание об этом в поэме С. Есенина «Анна Снегина»: «Двенадцать» вовсю гремело...). Раскованная по своей форме, смело использующая уличный говор, бойкие частушки, интонации революционных песен и митинговых речей, поэма Блока одновременно опиралась и на традиции классической русской литературы. Так, в «державном шаге», которым идут герои, в их грозном шествии ощутим отголосок одного из любимых образов поэта — гоголевской «птицы-тройки», от движения которой «гремит и становится ветром разорванный в куски воздух». К этому образу поэт часто обращался в своей знаменитой статье, предшествовавшей «Двенадцати», — «Интеллигенция и революция»: «...передо мной — Россия... та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой... Дело художника, обязанность художника... слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». Эта «музыка» ветра составляет запев поэмы и определяет всю ее образную атмосферу.

Стр. 21. Двенадцать. Учредительное собрание — парламентское учреждение, собравшееся в Петрограде в январе 1918 года и пытавшееся противостоять советской власти. **М и р о в о й п о ж а р в к р о в и...** — Блок видел в Октябрьской революции начало огромных перемен во всем мире и в человеческих душах. «Что же задумано? — писал он в упомянутой выше статье. — *Переделать все.* Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может, исполнится это желание или нет — гадать не нам), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон, который донесет в заметенные снегом страны — теплый ветер и нежный запах апельсиновых рощ; увлажнит спаленные солнцем степи юга — прохладным северным дождем». **П о м н и ш ь, К а т я, о ф и ц е р а...** — Здесь звучит смутный намек на какую-то драму, подобную той, что постигла толстовскую Катюшу Маслову, соблазненную молодым барином Нехлюдовым («Воскресение»). **Т е м я ч к о п о ч е ш у** — жаргонное выражение, означающее «убью». **Н е с л ы ш н о ш у м у г о р о д с к о г о...**

и т. д.— вариация начала популярного народного романса, источником которого послужило стихотворение Федора Глинки «Узник». В п е р е д, в п е р е д, в п е р е д, р а б о ч и й н а р о д — отзвук слов известной революционной песни «Варшавянка»: «Марш, марш вперед, рабочий народ!»

Стр. 31. Скифы. Сразу после Октябрьской революции Советское правительство выступило с призывом положить конец мировой войне. Державы Антанты игнорировали это предложение, а кайзеровская Германия на переговорах в Брест-Литовске предъявила непомерные аннексионистские требования. «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция...— возмущенно писал Блок в дневнике.— Если нашу революцию погубите, значит, вы уже не арийцы больше». В этой же записи есть и зерно фантастического сюжета «Скифов»: «Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток... Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ — будет единственно достойным человека».

Эпиграфом к «Скифам» взяты слегка измененные строки стихотворения «Панмонголизм» поэта и философа Владимира Соловьева, оказавшего большое влияние на русских символистов, в частности и на молодого Блока. В стихах Соловьева предрекалось падение растленного русского самодержавия. Не в силах предугадать действительный ход событий, поэт рисовал фантастическую картину победоносного нашествия «роя пробудившихся племен». У Блока же «дикое имя» панмонголизма становится символом некоего грандиозного возмездия, которое постигнет «подлых буржуев» Западной Европы, если они посягнут на «музыку» русской революции.

...п р о в а л и Л и с с а б о н а и М е с с и н ы! — «Безжалостный конец Мессины», как сказано в незавершенной блоковской поэме «Возмездие» о землетрясении 1908 года на юге Италии, был, по мысли Блока, грозным знаменем близящихся исторических бурь, подобно тому, как лиссабонское землетрясение 1755 года предшествовало французской революции конца XVIII века. Н а м в н я т н о в с е...— Это размышление родственно словам Достоевского в его знаменитой речи о Пушкине о всемирной отзывчивости русского национального гения, столь ярко проявившейся в творчестве великого поэта.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ (1893—1930) — величайший поэт революции, один из родоначальников советской литературы, страстный пропагандист активной гражданской роли поэзии. Не только его знаменитые поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», но и все его творчество может быть охарактеризовано собственными словами Маяковского: «песня... наших бед, побед и буден».

Стр. 34. Ода революции напечатана в первую годовщину Октября. Б л а ж е н н ы й с т р о п и л а с о б о р о в ы т щ е т н о в о з н о с и т, п о щ а д ы м о л я.— Во время установления Советской власти в Москве пришлось применить артиллерию, чтобы сломить сопротивление засевших в Кремле белогвардейцев. «С л а в а» — крейсер, погибший в бою с немцами осенью 1917 года.

Стр. 35. *Левый марш* впервые был прочтен поэтом во время выступления в Матросском экипаже в Петрограде 17 декабря 1918 года. Строки стихотворения приобрели необычайную известность.

Стр. 36. *Мы не верим!* Написано в марте 1923 года в связи с болезнью Ленина.

Стр. 37. *Блек энд уайт*. Написано во время поездки Маяковского в Америку.

Б л е к э н д у а й т — черное и белое. *К о л л а р и о* — цветы. *В е д а д о* — квартал богачей. *П р а д о* — главная улица Гаваны. *К о м и н т е р н* — Коммунистический Интернационал, Третий Интернационал, международное объединение коммунистических партий и организаций, основанное по инициативе В. И. Ленина в марте 1919 года. Исполнительный комитет Коминтерна находился в Москве.

Стр. 40. *Товарищу Нетте, пароходу и человеку*. Теодор Нетте — советский дипломатический курьер, убитый в 1926 году в поездке, в Латвии, при защите дипломатической почты. Именем Нетте был назван пароход, встреченный поэтом в Одессе. *Р о м а н Я к о б с о н* — известный ученый, лингвист, общий знакомый Маяковского и Нетте.

Стр. 43. *Разговор с товарищем Лениным*. Написано к пятой годовщине смерти Ильича. В рабочем кабинете поэта висела известная фотография В. И. Ленина, выступающего на Театральной площади (пл. Свердлова) 5 мая 1920 года.

Стр. 45. *Стихи о советском паспорте*. Написаны после поездки поэта за границу весной 1929 года. ...что это за географические новости? — Польское государство, переставшее существовать в конце XVIII века, было снова восстановлено только после первой мировой войны.

Стр. 48. *Во весь голос*. Первое вступление в поэму о пятилетке, задуманную Маяковским в последние месяцы жизни. Непосредственным поводом для создания этих стихов явилась организованная поэтом в начале 1930 года выставка «20 лет работы». ...п е в е ц к и п я ч е н о й и я р ы й в р а г в о д ы с ы р о й. — Эта ироническая аттестация стихотворных плакатов Маяковского на «санитарные» темы затем будет страстно оспорена поэтом: «Для вас, которые здоровы и ловки, поэт вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката». *К у д р е в а т ы е М и т р е й к и*, *м у д р е в а т ы е К у д р е й к и* — молодые тогда поэты К. Митрейкин и А. Кудрейко, стихи которых Маяковский едко критиковал. *Т а р а - т и н а*, *т а р а - т и н а*, *т - э н - н...* — цитата из стихотворения «Цыганский вальс на гитаре» Ильи Сельвинского, одного из вожаков группы конструктивистов, резко полемизировавших с Маяковским. *Ц е К а К а* — ЦКК, Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б), высший контрольный орган партии в 1930—1934 годах, впоследствии Комиссия партийного контроля.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ (1883—1945) — один из зачинателей советской литературы. Член Коммунистической партии с 1912 года. Активнейший сотрудник большевистской печати, приобретший своими весьма доходчивыми сатирическими стихами, баснями, песнями огромную популярность в годы гражданской войны и первое послереволюционное десятилетие (см. стихотворение Павла Васильева «Демьяну Бедному»).

ДЖАБАЕВ ДЖАМБУЛ (1846—1945) — казахский народный поэт-певец (акын). Лауреат Государственной премии СССР.

СТАЛЬСКИЙ СУЛЕЙМАН (1869—1937) — народный лезгинский поэт.

Стр. 68. *Молодым поэтам. В е к и л ь* — представитель, доверенный. *Ш а и р* — поэт.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1873—1924) — один из основоположников русского символизма, выдающийся деятель советской культуры. В 1920 году вступил в Коммунистическую партию.

Стр. 69. *Товарищам интеллигентам. Инвектива* — резкое выступление против кого-либо. *П ь е р Л е р у* — французский философ, утопический социалист (ввел само слово «социализм»).

Стр. 70. *Я вырастал в глухое время... ..г л у х о с л ы ш а л и с ь м н е в б е з д н а х...* — В стихотворении Брюсова «Грядущим гуннам» (1905) говорилось: «Слышу ваш топот чугунный по еще неоткрытым Памирам». Гунны, кочевой народ, достигший наибольшего могущества под главенством своего вождя Аттилы; в этом стихотворении — аналогично «рою племен» в «Панмонголизме» Владимира Соловьева — символически обозначали какую-то еще неведомую поэтам силу, призванную сокрушить старый мир. *Ц у с и м а* и *М у к д е н* — места наиболее значительных сражений на море и на суше в русско-японской войне 1904—1905 годов.

ГУЛИА ДМИТРИЙ ИОСИФОВИЧ (1874—1960) — зачинатель абхазской литературы, народный поэт Абхазской АССР.

ИСААКЯН АВЕТИК СААКОВИЧ (1875—1957) — выдающийся армянский поэт, многие стихи которого стали народными песнями. На родине его уважительно называли Варпет — Мастер. Лауреат Государственной премии СССР.

ЯНКА КУПАЛА (1882—1942) — народный поэт Белорусской ССР, лауреат Государственной премии СССР.

ЯКУБ КОЛАС (1882—1956) — народный поэт Белорусской ССР, лауреат Государственных премий СССР.

ХЛЕБНИКОВ ВЕЛИМИР (ВИКТОР) ВЛАДИМИРОВИЧ (1885—1922) — один из крупнейших поэтов русского футуризма, экспериментатор. В стихах последних лет стремился отразить революционную действительность. Так, в стихотворении «Не шалить!» высказано негодование автора против быта нэпманов.

КНЯЗЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1887—1937) — русский поэт. В годы революции написал несколько стихотворений, ставших очень популярными, в частности *Песню Коммуны* (стр. 79) с ее знаменитым рефреном: «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!»

МАРШАК САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ (1887—1964) — русский поэт, один из создателей советской литературы для детей, автор многочисленных стихов, сказок, пьес, переводов. Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР.

АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА (1889—1966) — одна из замечательнейших русских поэтов. Начала свой литературный путь в среде акмеистов, стремившихся, в противовес символистам, вернуться от туманно-многозначительных образов к конкретному изображению предметного мира, но вскоре значение ее поэзии, психологически богатой и ясной по форме, далеко вышло за рамки группы.

ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ ХАМЗА (1889—1929) — народный поэт Узбекской ССР, активный борец за новую жизнь. Убит националистами. «Глашатаем Красного Востока» назвал его поэт Ярослав Смеляков, писавший в стихотворении «Хамза»: «Он воплощал начало эры, ее энергию и суть».

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1889—1963) — русский поэт. Начал печататься еще до революции, но окончательно сформировался как поэт в годы Советской власти под влиянием Хлебникова и Маяковского. «Лирик по складу своей души, по самой строчечной сути», по собственному признанию, Асеев вместе с тем явился автором нескольких поэм, наиболее значительная из которых — «Маяковский начинается» — была отмечена Государственной премией СССР.

Стр. 85. *Марш Буденного.* Стихотворение сделалось популярной песней.

Стр. 86. *Синие гусары.* Написано к столетию восстания декабристов.

Стр. 89. *Еще за деньги люди держатся.* Асеев считал это стихотворение одним из лучших своих произведений. *К е р ж е н е ц* — левый приток Волги, в прошлом один из центров раскольничьих скитов.

ПОЛЕТАЕВ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ (1889—1935) — русский поэт. Начал серьезно заниматься литературой после революции. Входил в группу «Кузница», но избежал характерных для произведений большинства ее участников романтической риторики и отвлеченности.

Стр. 91. *«Портретов Ленина не видно...»* — одно из первых значительных стихотворений о В. И. Ленине в советской поэзии.

ПАСТЕРНАК БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ (1890—1960) — русский поэт, прошедший сложный творческий путь — от усложненной, разветвленно-ассоциативной образности первых книг до стремления к «неслыханной простоте».

Стр. 92. *Зима приближается* — характерное для позднего Пастернака стихотворение, в котором обычный русский пейзаж, будни «медвежьих углов» порождают в поэте уверенность в грядущей победе над фашизмом: «На вас, захоластные логова, написано: «Сим победиши». По старинной легенде, одному из римских императоров накануне решающей битвы явилось видение креста, сопровождаемое словами: «Сим знаменем победиши».

Стр. 93. *Весна.* Стихотворение навеяно наступлением советских армий в 1944 году и предчувствием дальнейших побед. Замечательно, что строки: «...улицы старинной Праги... заиграют, как овраги» оказались почти пророческими: весной следующего года столица Чехословакии героически восстала против фашистских оккупантов.

ИНБЕР ВЕРА МИХАЙЛОВНА (1890—1972) — русский поэт. Начинала свой литературный путь стихами сугубо личного, камерного звучания, но, не изме-

няя мягкой лирической интонации (характерно название одной из книг поэтессы — «Вполголоса»), постепенно и неуклонно расширяла свою тематику. В блокадном Ленинграде написала поэму «Пулковский меридиан», удостоенную Государственной премии СССР.

Стр. 94. Пять ночей и дней — один из самых проникновенных откликов на смерть Ленина.

Стр. 94. Трамвай идет на фронт. В том же ноябре 1941 года, когда написано стихотворение, известный советский писатель Всеволод Вишневский, выступая по ленинградскому радио, говорил: «Город-фронт живет, в нем по-прежнему бьется сердце революции. По-русски, по-ленински спокойный, уверенный. Репродукторы передают очерк Льва Толстого «Севастополь зимой 1854 года». Толпа стоит как зачарованная. Это рассказ о сегодняшних днях! Толстовский «Четвертый бастион» — это сегодняшний Ленинград. Все, все у Толстого абсолютно точно, верно, как у нас сегодня. Спокойный русский героизм, скромный, чистый. И затемненный трамвай номер девять идет на передний край, на четвертый бастион...»

ТЫЧИНА ПАВЛО ГРИГОРЬЕВИЧ (1891—1967) — украинский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 96. На площади. Поэт свидетельствовал, что в основу стихотворения лег реальный эпизод из жизни его родного села Пески, где пастух, дед Ремез, ушел в красные партизаны. Стихотворение сразу же приобрело широкую популярность на Украине. «В украинской поэзии того времени, пожалуй, нет другого такого произведения, которое с такой музыкальной завершенностью воплощало бы новую, революционную народность поэтического содержания и поэтической формы», — пишет исследователь творчества поэта Леонид Новиченко.

Стр. 96. Чувство семьи единой. Название стихотворения сделалось крылатым выражением, обозначающим дружбу народов СССР. Тема эта — одна из важнейших для П. Г. Тычины. «Когда сходятся народы — что может быть лучше? — писал он. — Когда встречаются культуры — какой же там высекается огонь! Высекается приязнь, и на давних надеждах и мечтах вырастает дружба».

ЭРЕНБУРГ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ (1891—1967). Видный прозаик и публицист начинал как поэт и впоследствии писал и переводил стихи до последних лет жизни. Лауреат Международной Ленинской премии и Государственных премий СССР.

Стр. 100. «В кастильском нищенском селенье...» Навечно гражданской войной в Испании, во время которой Эренбург был корреспондентом советских газет.

ПОМОРСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1891—1977) — один из ранних пролетарских поэтов, начавший свой путь в большевистской печати.

Стр. 101. Дальневосточная — одна из популярнейших песен конца 20-х и начала 30-х годов, посвященная Особой Дальневосточной Красной Армии, которая под командованием героя гражданской войны В. К. Блюхера, впоследствии Маршала Советского Союза, отбила несколько вражеских нападений на советскую землю.

ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА (1892—1941) — русский поэт, прошедшая сложный творческий путь и прожившая жизнь, которая, по выражению И. Эренбурга, «была клубком прозрений и ошибок». Трагически напряженная, как бы задыхающаяся от любви и горя интонация ее стихов во многом определяется долголетней оторванностью Цветаевой от родины, по которой она страстно тосковала.

Стр. 103. Челюскинцы. Стихотворение вдохновлено эпопеей спасения экипажа ледокольного парохода «Челюскин», погибшего в феврале 1934 года во время дрейфа в Арктике. **Н о б и л е** — итальянский полярный исследователь, возглавлявший в 1928 году неудачную экспедицию к Северному полюсу на дирижабле. **Р о д и л и д и т е.** — Во время челюскинской экспедиции у одной из ее участниц родилась дочь. **В т о р о й у ж е Ш м и д т** — О. Ю. Шмидт, известный советский ученый, начальник экспедиции на «Челюскине»; **п е р в ы й** — лейтенант П. П. Шмидт, руководитель восстания на крейсере «Очаков» в 1905 году; подростком Цветаева относилась к нему восторженно.

Стр. 104. Из цикла «Март». В черновике было озаглавлено: «Немцы входят в Прагу». Это событие произошло, как и окончательное падение Испанской республики, в марте 1939 года. Цветаева долго жила в Чехословакии и любила эту страну. **Т в о р ц у в е р н у т ь б и л е т** — отзвук знаменитых слов Ивана Карамазова («Братья Карамазовы» Достоевского), не согласного с установленным богом мировым порядком.

ТАБИДЗЕ ГАЛАКТИОН ВАСИЛЬЕВИЧ (1892—1959) — народный поэт Грузинской ССР. «Поэт с легендарной славой» назвал его Максим Горький, а его современник Симон Чиковани писал после безвременной смерти поэта: «Вся Грузия была ему домом. Вся Грузия была ему семьей и очагом. Она была вместилищем его мятущейся души, возлюбленной его песни».

ЗВЯГИНЦЕВА ВЕРА КЛАВДИЕВНА (1894—1972) — русский поэт.

СУДРАБКАЛН ЯНИС (1894—1975) — народный поэт Латвийской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Латвийской ССР.

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895—1925) — один из величайших русских поэтов. Начал публиковать стихи до революции. Впоследствии яркая образность его поэзии свела его с группой имажинистов, отстаивавших «самоценность» образа, но творчество Есенина было несравненно шире этих умозрительных установок и вдохновлялось любовью к России и страстным интересом к ее революционной нови и к судьбам родных деревень.

Стр. 112. Кантата. Написана к торжественному открытию мемориальной доски (работы скульптора С. Т. Коненкова) на Кремлевской стене в честь бойцов, павших в боях за установление Советской власти.

Стр. 112. Баллада о двадцати шести. **Г. Я к у л о в** — художник, автор проекта памятника 26 бакинским комиссарам (С. Шаумяну, А. Джапаридзе и др.), расстрелянным интервентами в песках, возле станции Ахча-Куйме.

Стр. 117. *Капитан Земли*. Написано накануне первой годовщины смерти В. И. Ленина.

БАГРИЦКИЙ ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ (1895—1934) — русский поэт. В своих стихах и поэме «Дума про Опанаса» воспевал романтику революции и гражданской войны.

Стр. 120. *Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым*. Николай Дементьев — поэт, автор известной поэмы «Мать». Е х а л и к а з а к и д а е х а л и к а з а к и... — строки из стихотворения И. Сельвинского. П р е с л о в у т ы й в о р о н... К а р к н е т «п е в е г т о г о» о н... — Речь идет о знаменитом стихотворении Э. По «Ворон» с рефреном: «Никогда».

Стр. 123. *Смерть пионерки*. Н а с б р о с а л а м о л о д о с т ь н а к р о н ш т а д т с к и й л е д. — Весной 1921 года в Кронштадте произошел антисоветский мятеж, ликвидированный частями Красной Армии, наступавшими на крепость по льду.

РЫЛЬСКИЙ МАКСИМ ФАДЕЕВИЧ (1895—1964) — выдающийся украинский поэт. Лауреат Ленинской и Государственных премий.

Стр. 129. *Слово о матери-родине*. Т а р а с — Т. Г. Шевченко. Г р и г о р и й С к о в о р о д а — украинский философ. ...«Э н е и д ы» к о л к и й с т и х. — Речь идет об ирои-комической поэме И. П. Котляревского, опубликованной в конце XVIII века и содержащей описание жизни разных общественных слоев тогдашней Украины. И в а н Ф р а н к о — знаменитый украинский писатель. Л ы с е н к о — композитор, автор оперы «Наталка-Полтавка». М а р и я З а н ь к о в е ц к а я — известная украинская актриса. С е м ь е — в е л и к о й, в о л ь н о й, н о в о й — слова из стихотворения Т. Г. Шевченко «Завещание». Л и с и ц ы б р е ш у т н а щ и т ы... и т. д. — Здесь широко использованы образы «Слова о полку Игореве».

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895—1977) — русский поэт.

АНТОКОЛЬСКИЙ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ (1896—1978) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 136. *Поэт и время*. Одно из ранних стихотворений Антокольского также называлось «Поэт и время». О н а в н е с л а м о й р а н н и й я м б н а с ц е н у... — Поэт начинал как актер студии Е. Б. Вахтангова, для которой писал и стихотворные пьесы. О п л а к а в с ы н а м о е г о... — Речь идет о поэме П. Г. Антокольского «Сын», отмеченной Государственной премией СССР.

ТИХОНОВ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ (1896—1979) — русский поэт, один из зачинателей советской поэзии, оказавший на современных ему и более молодых авторов большое влияние своими балладами, воспевавшими верность суровому воинскому долгу. Герой Социалистического Труда. Лауреат Международной Ленинской, Ленинской литературной премий и Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 144. *Киров с нами*. Поэма написана в осажденном Ленинграде. «Вдохно-

вление этой прекрасной поэмы, — писал Алексей Толстой, — сурово и возвышенно, как суров и нравственно возвышен великий город Ленина. Ритмика стиха — непреклонный марш, как поступь колонн, идущих в бой... Стих почти хрестоматийно ясен...»

Стр. 148. Ночной Сплит. Стихотворение порождено впечатлениями от первой послевоенной поездки в Югославию. Я д р а н — Адриатическое море.

ЧАРЕНЦ ЕГИШЕ (1897—1937) — армянский поэт.

ГАЛКИН САМУИЛ ЗАЛМАНОВИЧ (1897—1960) — еврейский поэт.

Стр. 153. Грозная поступь. Речь идет о знаменитом параде на Красной площади 7 Ноября 1941 года, когда враг стоял у ворот столицы.

БЕЗЫМЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ (1898—1973) — русский поэт. Наибольшей популярностью пользовался в двадцатых годах среди комсомольской молодежи. *Молодая гвардия* — знаменитая песня тех лет, ставшая комсомольским гимном.

КАЗИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1898—1981) — русский поэт.

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1898—1949) — русский поэт. Автор ряда популярных массовых песен. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

ЩИПАЧЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ (1899—1980) — русский поэт. Наибольшую популярность получили его лирические «Строки любви». Лауреат Государственных премий СССР.

УШАКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1899—1973) — русский поэт.

СУРКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (род. в 1899) — русский поэт. Автор многих стихов и песен о героях гражданской и Великой Отечественной войн. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

ЛЕОНИДЗЕ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1899—1966) — народный поэт Грузинской ССР. Лауреат Государственной премии.

Стр. 172. Зазет. ...п а т а р д з е у л ь с к о й м я т ы з а п а х. П а т а р д з е у л и — кахетинское селение, родина поэта. *Н е т, у ф р а н ц у з о в н е б ы л в р а б с т в е я...* — намек на увлечение некоторых грузинских поэтов начала века французскими символистами.

СЕЛВИНСКИЙ ИЛЛЯ ЛЬВОВИЧ (1899—1968) — русский поэт, участник Великой Отечественной войны.

СЕСПЕЛЬ МИШШИ (1899—1922) — чувашский поэт.

ИСАКОВСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (1900—1973) — русский поэт. Автор многих популярных песен и стихов о колхозной деревне, гражданской и Великой Отечественной войнах. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР.

АДАЛИС АДЕЛИНА ЕФИМОВНА (1900—1969) — русский поэт.

Стр. 187. Надпись на скале у дороги.— Возможно, что поэтесса избрала эту форму не без влияния своего поэтического наставника — Брюсова, написавшего стихотворение «Ассаргадон (Ассирийская надпись)»: «Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон. Владыки и вожди, вам говорю я: горе!.. Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон». Герой стихов А. Адалис — как бы антипод брюсовского, упивающегося своим мрачным и надменным величием.

ПРОКОФЬЕВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (1900—1971) — русский поэт, тяготеющий к красочной фольклорной образности. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Участник обороны Ленинграда.

ЛУГОВСКОЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1901—1957) — русский поэт. Воспел романтику гражданской войны и мирного строительства. В поэмах, собранных в книгу «Середина века», стремился философски осмыслить историю своего времени.

Стр. 193. Песня о ветре. У л а г а й — белогвардейский генерал. Э х, ш а р а б а н м о й... — песенка времен гражданской войны.

БРАУН НИКОЛАЙ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ (1902—1975) — русский поэт.

ЗАБОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1903—1958) — русский поэт. Лауреат Государственной премии Грузинской ССР.

ЧИКОВАНИ СИМОН ИВАНОВИЧ (1903—1966) — грузинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 208. Древняя Мухета. М у х е т а — в прошлом столица Грузии.

УТКИН ИОСИФ ПАВЛОВИЧ (1903—1944) — русский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

САЯНОВ ВИССАРИОН МИХАЙЛОВИЧ (1903—1959) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Наибольшую известность приобрели его стихи о гражданской войне.

Стр. 212. Современники. К а й е п н с к а я т ю р ь м а — французская каторга в Гвиане, где содержались политические заключенные. Ольга Берггольц вспоминала, что комсомольцы конца двадцатых — начала тридцатых годов пели это стихотворение на мотив «Марсельезы».

СВЕТЛОВ МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ (1903—1964) — русский поэт. В его творчестве оригинально сплелись лиризм и юмор. Наиболее популярны романтические стихи поэта о героях гражданской и Великой Отечественной войны и лирика последних лет. Лауреат Ленинской премии и премии Ленинского комсомола (посмертно). Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 224. Песня о Каховке. Получила огромную известность в тридцатые годы.

ГОЛОДНЫЙ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ (1903—1949) — один из группы «комсомольских» поэтов, выдвинувшихся в двадцатые годы (М. Светлов, И. Уткин, А. Жаров). Его *Песня о Щорсе* (стр. 227) и *Партизан Железняк* (стр. 228) стали популярными песнями тридцатых годов.

МИРЦХУЛАВА АЛИО АНДРЕЕВИЧ (1903—1971) — грузинский поэт.

ФРЕНКЕЛЬ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ (р. в 1903) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

НЕРИС САЛОМЕЯ (1904—1945) — народный поэт Литовской ССР. Была прозвана на родине «литовским соловьем». Лауреат Государственной премии СССР.

КАЛАДЗЕ КАРЛО (р. в 1904) — грузинский поэт.

ЖАРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (р. в 1904) — русский поэт, один из зачинателей комсомольской поэзии.

Стр. 235. *Взвейтесь кострами* — стало популярной пионерской песней двадцатых — тридцатых годов.

БАЖАН МИКОЛА (р. в 1904) — украинский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР и Украинской ССР.

РУДЕРМАН МИХАИЛ ИСААКОВИЧ (р. в 1905) — русский поэт.

Стр. 238. *Песня о тачанке* получила большую популярность в тридцатые годы.

БРОВКА ПЕТРУСЬ УСТИНОВИЧ (1905—1980) — народный поэт Белорусской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и Государственной премии Белорусской ССР.

МАРТЫНОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ (1905—1980) — русский поэт, отличавшийся стремлением к афористичности формы. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР.

ШВЕДОВ ЯКОВ ЗАХАРОВИЧ (р. в 1905) — русский поэт.

Стр. 247. *Орленок* — популярная песня тридцатых годов.

ИНГЕ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1905—1941) — русский поэт. Погиб во время героического перехода Балтийского флота из Таллина в Кронштадт.

ДЖАЛИЛЬ МУСА МУСТАФОВИЧ (1906—1944) — татарский поэт. Восвал на Волховском фронте, был взят в плен тяжелораненым. В концлагере вел активную подпольную деятельность, за что был заключен в тюрьму, где создал цикл замечательных стихов. Казнен фашистами. Герой Советского Союза. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР (посмертно).

Стр. 251. *Другу*. Стихотворение обращено к татарскому детскому писателю и фронтовому товарищу поэта Абдулле Алишу, который тоже оказался в плену и был расстрелян фашистами.

ВУРГУН САМЕД (1906—1955) — народный поэт Азербайджанской ССР. Лауреат Государственных премий СССР.

Стр. 254. *Азербайджан. Э й л а г* — летнее пастбище.

КИРСАНОВ СЕМЕН ИСАКОВИЧ (1906—1972) — русский поэт. Неутомимый экспериментатор в области поэтической формы. Автор нескольких поэм, одна из которых — «Макар Мазай» — отмечена Государственной премией СССР.

БАРТО АГНИЯ ЛЬВОВНА (1906—1981) — одна из основателей советской детской поэзии. Лауреат Ленинской и Государственной премии СССР.

ДЕМЕНТЬЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1907—1935) — русский поэт.

КОРНИЛОВ БОРИС ПЕТРОВИЧ (1907—1938) — русский поэт.

Стр. 266. *Песня о встречном* получила большую популярность в тридцатые годы. *В с т р е ч н ы й* — имеется в виду встречный план, принимаемый в социалистическом соревновании.

КЕДРИН ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ (1907—1945) — русский поэт.

ОРМАНОВ ГАЛИ (р. в 1907) — казахский поэт.

КУДРЕЙКО АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (р. в 1907) — русский поэт.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ЛЕОНИД СОЛОМОНОВИЧ (1908—1973) — украинский поэт, лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

САРЫГ-ООЛ СТЕПАН (р. в 1908) — народный поэт Тувинской АССР.

ЖАРОКОВ ТАИР (1908—1965) — казахский поэт.

ГУСЕВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ (1909—1944) — русский поэт. Лауреат Государственных премий СССР.

Стр. 283. *Песня о Москве* приобрела большую популярность.

РЫЛЕНКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1909—1969) — русский поэт.

ГИТОВИЧ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ (1909—1970) — русский поэт.

КАРИМ ФАТЫХ (ФАТЫХ ВАЛЕЕВИЧ КАРИМОВ) (1909—1945) — татарский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

«Пулями прошита не только его шинель, которая хранится как священная реликвия в казанском музее, но и страницы его последних рукописей», — говорил писатель Кави Наджми на Втором Всесоюзном съезде писателей СССР в 1954 году.

БУКОВ ЕМИЛИАН НЕСТЕРОВИЧ (р. в 1909) — молдавский поэт. Лауреат Государственной премии Молдавской ССР.

НУРБЕРДЫЕВ ПОММА (1909—1972) — туркменский поэт.

БЕРГГОЛЬЦ ОЛЬГА ФЕДОРОВНА (1910—1975) — русский поэт, завоевавшая огромное признание своей общественно-литературной деятельностью в осажденном Ленинграде. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 293. *Февральский дневник*. «Я счастлива, — писала впоследствии поэтесса, — что и мне выпала честь принять участие в этой неповторимой непрерывной, честнейшей беседе воинов и тружеников Ленинграда, что очень многие мои стихи были написаны для радио — для Большой земли на эфир, для моих сограждан. Даже «Февральский дневник» писала я в феврале сорок второго года для радио ко Дню Красной Армии, потому-то и построен он как лирический разговор с ленинградцами».

ТВАРДОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ (1910—1971) — выдающийся русский поэт, завоевавший в годы Великой Отечественной войны всенародную любовь своей знаменитой *Книгой про бойца — Василий Теркин*. Автор других замечательных поэм — «Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью — даль» — и лирических стихов. Лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны. Один из главных мотивов творчества поэта, особенно в военные и послевоенные годы, — память о павших за свободу и счастье народа (см. финал главы «Бой в болоте» и др. стихи).

Стр. 309. *Я убит подо Ржевом*. «Стихотворение... написано после войны, в конце 1945 и в самом начале 1946 года, — говорит автор. — В основе его была уже неблизкая память поездки под Ржев осенью 1942 года... Впечатления этой поездки были за всю войну одними из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце. Бои шли тяжелые, потери были очень большие, боеприпасов было в обрез... Вернувшись в редакцию своей фронтовой «Красноармейской правды»... я ничего не смог дать для газетной страницы, заполнив лишь несколько страничек дневника невеселыми записями... Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, непрерывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. Они составляют, как говорится, пафос и написанного после «Я убит подо Ржевом» стихотворения «В тот день, когда окончилась война» и многих других...»

ЧЕКМАРЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1910—1933) — русский поэт. Трагически погиб во время коллективизации. Стихи его были опубликованы только в пятидесятых годах. Лауреат премии Ленинского комсомола (посмертно).

ВАСИЛЬЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (1910—1937) — русский поэт.

ДАЯН КАДЫР (1910—1975) — башкирский поэт.

ГРИБАЧЕВ НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ (р. в 1910) — русский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, Участник Великой Отечественной войны.

РЗА РАСУЛ (1910—1981) — народный поэт Азербайджанской ССР.

Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

УХСАЙ ЯКОВ ГАВРИЛОВИЧ (р. в 1911) — народный поэт Чувашской АССР. Лауреат Государственной премии РСФСР.

СОФРОНОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (р. в 1911) — русский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 339. Как у дуба старого — стало популярной песней тридцатых годов.

ТУРСУН-ЗАДЕ МИРЗО (1911—1977) — народный поэт Таджикской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и Государственной премии Таджикской ССР.

КОМАРОВ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ (1911—1949) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 344. На краю России. Е р о ф е й — русский путешественник Хабаров.

ВАСИЛЬЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1911—1975) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ЛУПАН АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ (р. в 1912) — молдавский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Молдавской ССР.

МАЛЫШКО АНДРЕЙ САМОЙЛОВИЧ (1912—1970) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

ОШАНИН ЛЕВ ИВАНОВИЧ (р. в 1912) — русский поэт. Автор многих популярных песен и в их числе *Гимна демократической молодежи мира*. Лауреат Государственной премии СССР.

ТАНК МАКСИМ (р. в 1912) — народный поэт Белорусской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и Государственной премии Белорусской ССР.

СМЕЛЯКОВ ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ (1913—1972) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 361. Сердце Байрона. Байрон участвовал в греческом восстании против турецкого владычества и умер в городе Миссолунги. Пу л е м е т н ы м и т р а с с а м и о с в е щ е н а н а д а л е к и х Б а л к а н а х ч у ж а я с т р а н а.— В 1947—1948 годах в Греции происходили ожесточенные бои между партизанами и правительственными войсками.

Стр. 364. Трактор — фрагмент из задуманной Я. Смеляковым второй части поэмы «Строгая любовь».

Стр. 365. Магнитка. В начале тридцатых годов Я. Смеляков некоторое время

жил в Магнитогорске, где строился металлургический комбинат; поэт принимал участие в работе местного литературного объединения и в стихотворной переписке между Магниткой и входившим тогда в строй Днепрогэсом.

Стр. 366. Воспоминанье. Поэт учился в полиграфической фабрично-заводской школе имени Ильича и, став наборщиком, впоследствии сам набирал свою первую книгу стихов «Работа и любовь». Встретаться муза стала мне.— Нарочитая параллель со строками из «Евгения Онегина»: «Являться муза стала мне». Юн г ш т у р м о в к а — одежда полувоенного образца, которую любила молодежь двадцатых годов.

ЛИСЯНСКИЙ МАРК САМОЙЛОВИЧ (р. в 1913) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны. *Моя Москва* — стало популярной песней.

МИХАЛКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (р. в 1913) — русский поэт, один из создателей советской литературы для детей. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и Государственной премии РСФСР.

ЯШИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ (1913—1968) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

РУЧЬЕВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (1913—1973) — русский поэт, один из активных строителей Магнитогорска. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ЛИФШИЦ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1913—1978) — русский поэт, участник Великой Отечественной войны.

СМИРНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (р. в 1913) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

КУЛЕШОВ АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1914—1978) — народный поэт Белорусской ССР. Лауреат Государственных премий СССР и Государственной премии Белорусской ССР. Участник Великой Отечественной войны.

ОЗЕРОВ ЛЕВ АДОЛЬФОВИЧ (р. в 1914) — русский поэт.

ШУБИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (1914—1951) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

БОКОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ (р. в 1914) — русский поэт.

ШЕФНЕР ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ (р. в 1914) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 388. Шагая по набережной. В э д ы м а е т к о н ь к о п ы т а... Речь идет о памятнике Петру I. И конь еще покуда копыт не опустил — намек на строки «Медного всадника»: «Куда ты скачешь, гордый конь? И где опустишь ты копыта?»

НЕДОГОНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1914—1948) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

ДОЛМАТОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ (р. в 1915) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 395. *Песня о Днепре* и *Родина слышит* — стали популярными песнями.

МАТУСОВСКИЙ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ (р. в 1915) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР. Автор ряда популярных песен, в частности — *На безымянной высоте*. Участник Великой Отечественной войны.

АЛИГЕР МАРГАРИТА ИОСИФОВНА (р. в 1915) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

СИМОНОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ (1915—1979) — русский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны.

Стр. 406. *Генерал. М а т е З а л к а* — венгерский писатель-коммунист, погибший в Испании, где участвовал в гражданской войне под именем генерала Лукача.

Стр. 410. *Немец*. Прототипом героя стихотворения послужил прославленный певец и общественный деятель Эрнст Буш.

ТУШНОВА ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА (1915—1965) — русский поэт.

МАРКАРЯН МАРО (р. в 1915) — армянский поэт.

ДУДИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. в 1916) — русский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

ВААРАНДИ ДЕБОРА (р. в 1916) — эстонский поэт. Лауреат Государственной премии Эстонской ССР.

Стр. 423. *Цветок и улыбка*. Посвящено известному греческому коммунисту Никосу Белояннису, казненному в 1952 году.

ЛВОВ МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ (р. в 1917) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ПАНЧЕНКО ПИМЕН ЕФИМОВИЧ (р. в 1917) — народный поэт Белорусской ССР. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

КУЛИЕВ КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ (р. в 1917) — народный поэт Кабардино-Балкарской АССР. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

ДАНИЛОВ СЕМЕН ПЕТРОВИЧ (1917—1978) — якутский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ТАРБА ИВАН (р. в 1917) — абхазский поэт.

КОГАН ПАВЕЛ ДАВЫДОВИЧ (1918—1942) — русский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

ЛУКОНИН МИХАИЛ КУЗЬМИЧ (1918—1976) — русский поэт. Лауреат Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны.

ФЕДОРОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (р. в 1918) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР.

ПРОНЧАТОВ ИВАН (р. в 1918) — мордовский поэт.

МАЙОРОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (1919—1942) — русский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

КУЛЬЧИЦКИЙ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ (1919—1943) — русский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

НАРОВЧАТОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (1919—1981) — русский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

СУВОРОВ ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ (1919—1944) — русский поэт. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

СЛУЦКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ (р. в 1919) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

КАПУТИКЯН СИЛЬВА БАРУНАКОВНА (р. в 1919) — армянский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 467. Слово моему народу. Э в а р т н о ц — знаменитый армянский храм. *М г е р* — один из главных героев народного эпоса, сын Давида Сасунского.

КАРИМ МУСТАЙ (р. в 1919) — народный поэт Башкирской АССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны.

МЕЖЕЛАЙТИС ЭДУАРДАС (р. в 1919) — народный поэт Литовской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии Литовской ССР. Участник Великой Отечественной войны.

ЭМИН ГЕВОРГ (р. в 1919) — армянский поэт. Лауреат Государственных премий СССР. Участник Великой Отечественной войны.

КИЛЬЧИЧАКОВ МИХАИЛ (р. в 1919) — хакасский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

АРАКЧЕЕВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (р. в 1919) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

САМОЙЛОВ ДАВИД САМУИЛОВИЧ (р. в 1920) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ЖУКОВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ (р. в 1920) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР Участник Великой Отечественной войны.

РЕШЕТНИКОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ (р. в 1920) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР Участник Великой Отечественной войны.

КЭБИРЛИ ИБРАГИМ (р. в 1920) — азербайджанский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

СУББОТИН ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ (р. в 1921) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ОРЛОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (1921—1977) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР Участник Великой Отечественной войны.

ДЖАНГАЗИЕВ МУСА (р. в 1921) — киргизский поэт.

ЭРАЛИЕВ СУЮНБАЙ (р. в 1921) — народный поэт Киргизской ССР Участник Великой Отечественной войны.

БАБАДЖАН РАМЗ (р. в 1921) — узбекский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

ЛЕВИТАНСКИЙ ЮРИЙ ДАВЫДОВИЧ (р. в 1922) — русский поэт Участник Великой Отечественной войны.

КУГУЛЬТИНОВ ДАВИД НИКИТИЧ (р. в 1922) — народный поэт Калмыкской АССР. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

АТАДЖАНОВ АТА (р. в 1922) — туркменский поэт.

ГУДЗЕНКО СЕМЕН ПЕТРОВИЧ (1922—1953) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

СИКОРСКИЙ ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ (р. в 1922) — русский поэт.

МЕЛЬНИКОВ ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ (р. в 1922) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ЧЕПУРОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (р. в 1922) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР Участник Великой Отечественной войны.

ВИКУЛОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (р. в 1922) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

СЕМАКИН ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ (р. в 1922) — русский поэт.

ГАМЗАТОВ РАСУЛ ГАМЗАТОВИЧ (р. в 1923) — аварский поэт,

народный поэт Дагестанской АССР Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР и РСФСР.

РАМАЗАНОВ ГИЛЕМДАР (р. в 1923) — башкирский поэт.

МЕЖИРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (р. в 1923) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

БАЛЦАН ИОСИФ (р. в 1923) — молдавский поэт.

КОЧЕТКОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ (р. в 1923) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

АГАШИНА МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА (р. в 1924) — русский поэт.

ОКУДЖАВА БУЛАТ ШАЛВОВИЧ (р. в 1924) — русский поэт, автор многих популярных песен. Участник Великой Отечественной войны.

ДРУНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА (р. в 1924) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР Участница Великой Отечественной войны.

СОЛОУХИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ (р. в 1924) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР

СТАРШИНОВ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (р. в 1924) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

СЕВАК ПАРУЙР (1924—1971) — армянский поэт. Лауреат Государственной премии Армянской ССР

ВИНОКУРОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ (р. в 1925) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ВАНШЕНКИН КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ (р. в 1925) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

Стихотворение *Алеша* стало популярной песней. Алешей болгары прозвали статую советского солдата, воздвигнутую над городом Пловдив.

Стр. 550. *Далекий свет П Т Р* — противотанковое ружье. *И Т Р* — характерное для языка двадцатых—тридцатых годов сокращение: инженерно-технический работник.

НИКОЛАЕВ АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ (р. в 1925) — русский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

ЧЕЛИДЗЕ ОТАР (р. в 1925) — грузинский поэт.

ИСАЕВ ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. в 1926) — русский поэт. Лауреат Ленинской премии.

ТОРОПЫГИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ (1928—1980) — русский поэт.

БЕРЕСТОВ ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ (р. в 1928) — русский поэт.

СОКОЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (р. в 1928) — русский поэт.

РАШИДОВ РАШИД (р. в 1928) — даргинский поэт.

ПАВЛЫЧКО ДМИТРО (р. в 1929) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии Украинской ССР.

МАЛДОНИС АЛЬФОНСАС (р. в 1929) — литовский поэт. Лауреат Государственной премии Литовской ССР.

ВОРОНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ (р. в 1929) — русский поэт. Участник обороны Ленинграда.

ЖИГУЛИН АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (р. в 1930) — русский поэт.

МАРЦИНКЯВИЧЮС ЮСТИНАС (р. в 1930) — народный поэт Литовской ССР. Лауреат Государственной премии Литовской ССР.

ГОРДЕЙЧЕВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ (р. в 1930) — русский поэт.

ВЕРТИНСКИЙ АНАТОЛЬ (р. в 1930) — белорусский поэт.

БАЛТАКИС АЛЬГИМАНТАС (р. в 1930) — литовский поэт. Лауреат Государственной премии Литовской ССР.

Стр. 585. *Брестская крепость. К р а с а у с к а с С т а с и с* — народный художник Литовской ССР. Лауреат Государственной премии СССР.

АНЦИФЕРОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ (1930—1964) — русский поэт.

БЕЛШЕВИЦ ВИЗМА (р. в 1931) — латышский поэт.

ДАМДИНОВ НИКОЛАЙ (р. в 1932) — бурятский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

БЛЫНСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1932—1965) — русский поэт.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОБЕРТ ИВАНОВИЧ (р. в 1932) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

КАНОАТ МУМИН (р. в 1932) — таджикский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Таджикской ССР.

ЯВТЫСЫЙ ПРОКОПИЙ (р. в 1932) — ненецкий поэт.

ЦЫБИН ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ (р. в 1932) — русский поэт.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ (р. в 1933) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 602. *Гойя. Г о й я* — знаменитый испанский художник, создавший, в частности, графическую серию «Бедствия войны».

ЕВТУШЕНКО ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. в 1933) — русский поэт.

Стр. 604. «Хотят ли русские войны?» — стало популярной песней.

Стр. 607. *Смерть бригадира*. Посвящено памяти Ярослава Смелякова, одно из ранних стихотворений которого носило такое же название. ...р я д о м с н о ч н о й в и з г о л о в ь е... — В стихотворении Смелякова «Если я заболею, то к врачам обращаться не стану...» есть строки: «...в изголовье поставьте ночную звезду». *Лизка* — героиня поэмы Смелякова «Строгая любовь». *Боря Корнилов, Павел (Васильев)* — друзья Смелякова в молодости.

БОЦУ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (р. в 1933) — молдавский поэт. Лауреат Государственной премии Молдавской ССР.

ВАЦИЕТИС ОЯР (р. в 1933) — латышский поэт. Лауреат Государственной премии Латвийской ССР. Лауреат Государственной премии СССР.

МАТВЕЕВА НОВЕЛЛА НИКОЛАЕВНА (р. в 1934) — русский поэт.

ПРЕЛОВСКИЙ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (р. в 1934) — русский поэт.

ОЛЕЙНИК БОРИС ИЛЛАРИОНОВИЧ (р. в 1935) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

ВИЕРУ ГРИГОРЕ ПАВЛОВИЧ (р. в 1935) — молдавский поэт. Лауреат Государственной премии Молдавской ССР.

ФОНЯКОВ ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ (р. в 1935) — русский поэт.

БОРОДУЛИН РЫГОР ИВАНОВИЧ (р. в 1935) — белорусский поэт. Лауреат Государственной премии Белорусской ССР.

САНГИ ВЛАДИМИР (р. в 1935) — первый нивхский поэт.

ВАСИЛЬЕВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА (р. в 1935) — русский поэт.

СУЛТАНОВ ОМОР (р. в 1935) — киргизский поэт.

РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1936—1971) — русский поэт.

СОРОКИН ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ (р. в 1936) — русский поэт. Лауреат премии Ленинского комсомола.

КОРОТИЧ ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (р. в 1936) — украинский поэт. Лауреат премии ЦК ВЛКСМ Украины.

ДРАЧ ИВАН ФЕДОРОВИЧ (р. в 1936) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии Украинской ССР.

УКАЧИН БОРИС (р. в 1936) — алтайский поэт.

ФИРСОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (р. в 1937) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ФОКИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (р. в 1937) — русский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ (р. в 1937) — мансийский поэт. Лауреат Государственной премии РСФСР.

ДМИТРИЕВ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ (р. в 1937) — русский поэт.

АКСЕНОВА ОГДО (р. в 1937) — долганский поэт.

ШКЛЯРЕВСКИЙ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ (р. в 1938) — русский поэт.

ПРИМЕРОВ БОРИС ТЕРЕНТЬЕВИЧ (р. в 1939) — русский поэт.

РУММО ПАУЛЬ ЭРИК (р. в 1942) — эстонский поэт. Лауреат Государственной премии Эстонской ССР

САФИЕВА ГУЛЬРУХСОР (р. в 1947) — таджикский поэт. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

А Л Ф А В И Т Н Ы Й У К А З А Т Е Л Ь А В Т О Р О В

Агашина Маргарита	стр. 532	Вааранди Дебора	стр. 423
Адалис Аделина	стр. 187	Ваншенкин Константин	стр. 549
Аксенова Огдо	стр. 639	Васильев Павел	стр. 332
Алигер Маргарита	стр. 401	Васильев Сергей	стр. 346
Антокольский Павел	стр. 133	Васильева Лариса	стр. 620
Анциферов Николай	стр. 588	Вацетис Ояр	стр. 609
Аракчеев Сергей	стр. 483	Вертинский Анатоль	стр. 582
Асеев Николай	стр. 85	Виеру Григоре	стр. 616
Атаджанов Ата	стр. 507	Викулов Сергей	стр. 513
Ахматова Анна	стр. 82	Винокуров Евгений	стр. 546
		Вознесенский Андрей	стр. 601
Бабаджан Рамз	стр. 501	Воронов Юрий	стр. 569
Багрицкий Эдуард	стр. 120	Вургун Самел	стр. 254
Бажан Микола	стр. 237		
Балтакис Альгимантас	стр. 585	Галкин Самуил	стр. 153
Балцан Иосиф	стр. 530	Гамзатов Расул	стр. 517
Барто Агния	стр. 260	Гитович Александр	стр. 286
Безыменский Александр	стр. 154	Голодный Михаил	стр. 227
Бедный Демьян	стр. 57	Гордейчев Владимир	стр. 579
Белшевиц Визма	стр. 589	Грибачев Николай	стр. 335
Берггольц Ольга	стр. 291	Гудзенко Семен	стр. 508
Берестов Валентин	стр. 560	Гулиа Дмитрий	стр. 72
Блок Александр	стр. 21	Гусев Виктор	стр. 283
Блынский Дмитрий	стр. 593		
Боков Виктор	стр. 386	Дамдинов Николай	стр. 591
Бородулин Рыгор	стр. 618	Данилов Семен	стр. 437
Боцу Павел	стр. 608	Даян Кадыр	стр. 334
Браун Николай	стр. 202	Дементьев Николай	стр. 261
Бровка Петрусь	стр. 239	Джабаев Джамбул	стр. 65
Брюсов Валерий	стр. 69	Джалиль Муса	стр. 249
Буков Емельян	стр. 289	Джангазиев Муса	стр. 497

Дмитриев Олег	стр. 638	Лебедев-Кумач Василий	стр. 159
Долматовский Евгений	стр. 395	Левитанский Юрий	стр. 504
Драч Иван	стр. 628	Леонидзе Георгий	стр. 172
Друнина Юлия	стр. 534	Лисянский Марк	стр. 368
Дудин Михаил	стр. 418	Лифшиц Владимир	стр. 376
		Луговской Владимир	стр. 193
Евтушенко Евгений	стр. 602	Луконин Михаил	стр. 444
Есенин Сергей	стр. 112	Лупан Андрей	стр. 350
		Львов Михаил	стр. 426
Жаров Александр	стр. 235		
Жароков Таир	стр. 282	Майоров Николай	стр. 454
Жигулин Анатолий	стр. 572	Малдонис Альфонсас	стр. 567
Жуков Владимир	стр. 485	Малышко Андрей	стр. 352
		Маркарян Маро	стр. 417
Заболоцкий Николай	стр. 203	Мартынов Леонид	стр. 243
Звягинцева Вера	стр. 108	Марцинкявичюс Юстинас	стр. 578
		Маршак Самуил	стр. 81
Инбер Вера	стр. 94	Матвеева Новелла	стр. 611
Инге Юрий	стр. 248	Матусовский Михаил	стр. 397
Исаакян Аветик	стр. 73	Маяковский Владимир	стр. 34
Исаев Егор	стр. 557	Межелайтис Эдуардас	стр. 475
Исаковский Михаил	стр. 179	Межиров Александр	стр. 523
		Мельников Юрий	стр. 511
Казин Василий	стр. 158	Мицхулава Алио	стр. 229
Каладзе Карло	стр. 234	Михалков Сергей	стр. 369
Каноат Мумин	стр. 596		
Капутикян Сильва	стр. 467	Наровчатов Сергей	стр. 458
Карим Мустай	стр. 470	Недогонов Алексей	стр. 390
Карим Фатых	стр. 288	Нерис Саломея	стр. 232
Кедрин Дмитрий	стр. 270	Николаев Александр	стр. 552
Кильчичаков Михаил	стр. 481	Нурбердыев Помма	стр. 290
Кирсанов Семен	стр. 258		
Князев Василий	стр. 79	Озеров Лев	стр. 384
Коган Павел	стр. 441	Окуджава Булат	стр. 533
Колас Якуб	стр. 77	Олейник Борис	стр. 614
Комаров Петр	стр. 344	Орлов Сергей	стр. 491
Корнилов Борис	стр. 266	Орманов Гали	стр. 277
Коротич Виталий	стр. 627	Ошанин Лев	стр. 356
Кочетков Виктор	стр. 531		
Кугультинов Давид	стр. 505	Павлычко Дмитро	стр. 566
Кудрейко Анатолий	стр. 278	Панченко Пимен	стр. 429
Кулешов Аркадий	стр. 380	Пастернак Борис	стр. 92
Кулиев Кайсын	стр. 431	Первомайский Леонид	стр. 279
Кульчицкий Михаил	стр. 456	Полетаев Николай	стр. 91
Купала Янка	стр. 76	Поморский Александр	стр. 101
Кэбирли Ибрагим	стр. 489	Преловский Анатолий	стр. 613

Примеров Борис	стр. 641	Тарба Иван	стр. 440
Прокофьев Александр	стр. 188	Твардовский Александр	стр. 301
Прончатов Иван	стр. 453	Тихонов Николай	стр. 139
		Торопыгин Владимир	стр. 559
Рамазанов Гилемдар	стр. 521	Турсун-заде Мирзо	стр. 342
Рашидов Рашид	стр. 565	Тушнова Вероника	стр. 416
Решетников Леонид	стр. 487	Тычина Павло	стр. 96
Рза Расул	стр. 336		
Рождественский Всеволод	стр. 132	Укачин Борис	стр. 629
Рождественский Роберт	стр. 594	Уткин Иосиф	стр. 209
Рубцов Николай	стр. 624	Ушаков Николай	стр. 164
Рудерман Михаил	стр. 238	Ухсай Яков	стр. 338
Руммо Пауль Эрик	стр. 642		
Ручьев Борис	стр. 374	Федоров Василий	стр. 447
Рыленков Николай	стр. 284	Фирсов Владимир	стр. 631
Рыльский Максим	стр. 129	Фокина Ольга	стр. 635
		Фоняков Илья	стр. 617
		Френкель Илья	стр. 230
Самойлов Давид	стр. 484		
Санги Владимир	стр. 619	Хаким-заде Ниязи Хамза	стр. 84
Сарыг-оол Степан	стр. 281	Хлебников Велимир	стр. 78
Сафиева Гульрухсор	стр. 644		
Саянов Виссарион	стр. 212	Цветаева Марина	стр. 103
Светлов Михаил	стр. 216	Цыбин Владимир	стр. 600
Ссвак Паруйр	стр. 543		
Сельвинский Илья	стр. 175	Чаренц Егише	стр. 150
Семакин Владимир	стр. 515	Чекмарев Сергей	стр. 328
Сеспель Мишши	стр. 178	Челидзе Отар	стр. 554
Сикорский Вадим	стр. 510	Чепуров Анатолий	стр. 512
Симонов Константин	стр. 406	Чиковани Симон	стр. 208
Слуцкий Борис	стр. 463		
Смеяков Ярослав	стр. 360	Шведов Яков	стр. 247
Смирнов Сергей	стр. 378	Шесталов Юван	стр. 637
Соколов Владимир	стр. 561	Шефнер Вадим	стр. 388
Солоухин Владимир	стр. 537	Шкляревский Игорь	стр. 640
Сорокин Валентин	стр. 623	Шубин Павел	стр. 385
Софронов Анатолий	стр. 339		
Стальский Сулейман	стр. 68	Щипачев Степан	стр. 161
Старшинов Николай	стр. 539		
Субботин Василий	стр. 490	Эмин Геворг	стр. 478
Суворов Георгий	стр. 462	Эралиев Суюнбай	стр. 498
Судрабкалн Янис	стр. 110	Эренбург Илья	стр. 100
Султанов Омор	стр. 622		
Сурков Алексей	стр. 167	Явтысый Прокопий	стр. 599
		Яшин Александр	стр. 372
Табидзе Галактион	стр. 106		
Танк Максим	стр. 358		

СОДЕРЖАНИЕ

А. Турков. «Души прекрасные порывы»	3
<i>Александр Блок</i>	
Двенадцать	21
Скифы	31
<i>Владимир Маяковский</i>	
Ода революции	34
Левый марш (Матросам)	35
Мы не верим!	36
Блек энд уайт	37
Товарищу Нетте, пароходу и человеку	40
Разговор с товарищем Лениным	43
Стихи о советском паспорте	45
Во весь голос. Первое вступление в поэму	48
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	54
<i>Демьян Бедный</i>	
Мой стих	57
Труд	—
Главная улица	58
Снежинки	62
Никто не знал... (22 апреля 1870 года)	63
Я верю в свой народ	64
<i>Джамбул Джабаев</i>	
Песня о братстве народов. Перевод с казахского К. Алтайского	65
<i>Сулейман Стальский</i>	
Молодым поэтам. Перевод с лезгинского Н. Ушакова	68
<i>Валерий Брюсов</i>	
Товарищам интеллигентам Инвектива	69
«Я вырастал в глухое время...»	70
Ленин	71
<i>Дмитрий Гуля</i>	
Год двадцать первый. Перевод с абхазского М. Соболя	72
<i>Аветик Исаакян</i>	
«Когда ты тесней...» Перевод с армянского Вс. Рождественского	73
«Пускай от Родины вдали...» Перевод с армянского К. Арсеновой	—
Дым отечества. Перевод с армянского С. Мар	74
День великой Победы (9 мая 1945 г.). Перевод с армянского Н. Тихонова	75
<i>Янка Купала</i>	
За все... Перевод с белорусского Г. Куренева	76

<i>Якуб Колас</i>	
Эхо. Перевод с белорусского М. Исаковского	77
<i>Велимир Хлебников</i>	
Не шалить!	78
<i>Василий Князев</i>	
Песня Коммуны	79
<i>Самуил Маршак</i>	
Наш герб	81
<i>Анна Ахматова</i>	
«Мне голос был. Он звал утешно...»	82
Мужество	—
С самолета	—
Памяти друга	83
<i>Хамза Хаким-заде Ниязи</i>	
Эй, эй, стреляем! (Песня). Перевод с узбекского Н. Асеева	84
<i>Николай Асеев</i>	
Марш Буденного	85
Синие гусары	86
Мы живем...	88
Еще за деньги люди держатся	89
<i>Николай Полетаев</i>	
«Портретов Ленина не видно...»	91
<i>Борис Пастернак</i>	
Зима приближается	92
Весна	93
<i>Вера Инбер</i>	
Пять ночей и дней	94
Трамвай идет на фронт	—
<i>Павло Тычина</i>	
На площади. Перевод с украинского Н. Ушакова	96
Чувство семьи единой. Перевод с украинского Н. Брауна	—
В сердце моем. Перевод с украинского М. Комиссаровой	97
<i>Илья Эрэнбург</i>	
«В кастильском нищенском селенье...»	100
<i>Александр Поморский</i>	
Дальневосточная	101
<i>Марина Цветаева</i>	
Лучина	103
Челюскинцы	—
Из цикла «Март». «О, слезы на глазах!..»	104
<i>Галактион Табидзе</i>	
Не оставляй его, как сироту... Перевод с грузинского К. Симонова	106
«...Однажды ночью мы сквозь снег...» Перевод с грузинского И. Поступальского	—

Со всех уголков необозримой страны. <i>Перевод с грузинского</i> <i>О. Ивинской</i>	107
<i>Вера Звягинцева</i>	
«Я пишу, как дышу...»	108
«К первым годам революции...»	—
<i>Янис Судрабкalis</i>	
Русскому народу. <i>Перевод с латышского Вл. Невского</i>	110
<i>Сергей Есенин</i>	
Кантата	112
Баллада о двадцати шести	—
Капитан земли	117
«Неуютная, жидкая лунность...»	119
<i>Эдуард Багрицкий</i>	
Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым	120
Смерть пионерки	123
<i>Максим Рыльский</i>	
Слово о матери-родине. <i>Перевод с украинского Б. Турганова</i>	129
<i>Всеслав Рождественский</i>	
Октябрьская погода	132
<i>Павел Антокольский</i>	
Из «Октябрьских стихов»	133
Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным	134
Поэт и время	136
<i>Николай Тихонов</i>	
Сами	139
Баллада о гвоздях	142
Перекоп	—
«Не заглушить, не вытоптать года...»	144
Киров с нами	—
Ночной Сплит	148
<i>Египше Чаренц</i>	
«Ленин! Ленин — но не митинговый...» <i>Перевод с армянского</i> <i>М. Павловой</i>	150
Кудрявый мальчик. <i>Перевод с армянского Б. Пастернака</i>	—
<i>Самуил Галкин</i>	
Грозная поступь. <i>Перевод с еврейского О. Колычева</i>	153
<i>Александр Безыменский</i>	
Молодая гвардия	154
Партбилет № 224332	155
Я брал Париж!	—
Закон сердца	157
<i>Василий Казин</i>	
Рабочий май	158
<i>Василий Лебедев-Кумач</i>	
Марш веселых ребят	159
Священная война	160

<i>Степан Шипачев</i>	
22 июня 1941 года	161
Павшим	—
День	163
<i>Николай Ушаков</i>	
Ночь на 25-е	164
Мастерство	—
На переднем крае обороны	165
Харьков	166
<i>Алексей Сурков</i>	
Конармейская песня	167
Песня смелых	—
«Бьется в тесной пещурке огонь...»	168
«Видно, выписал писарь мне дальний билет...»	169
«Частоколы, колючка, траншеи, рвы...»	—
Шапка по кругу!	170
<i>Георгий Леонидзе</i>	
Завет. Перевод с грузинского Евг. Евтушенко	172
Грузинский язык. Перевод с грузинского Евг. Евтушенко	173
<i>Илья Сельвинский</i>	
Баллада о ленинизме	175
<i>Миши Сеспель</i>	
Пашня нового дня. Перевод с чувашского Е. Евстафьева	178
<i>Михаил Исаковский</i>	
Вдоль деревни	179
Прощание (Прощальная комсомольская)	—
Катюша	180
В прифронтовом лесу	181
Русской женщине...	182
Враги сожгли родную хату...	184
Летят перелетные птицы...	185
<i>Аделина Адалис</i>	
Надпись на скале у дороги	187
<i>Александр Прокофьев</i>	
«Когда мы в огнеметной лаве...»	188
Матрос в Октябре	—
«Есть что вспомнить всем нам,— будем живы...»	189
Фронтальная дорога	190
Стихи о России	191
<i>Владимир Луговской</i>	
Песня о ветре	193
Письмо к Республике от моего друга	195
Послесловие	198
Курсантская венгерка	200
<i>Николай Браун</i>	
Медаль	202

<i>Николай Заболоцкий</i>	
Голубиная книга	203
Ходоки	204
Стирка белья	206
Не позволяй душе лениться	—
<i>Симон Чиковани</i>	
Древняя Мцхета. Перевод с грузинского А. Тарковского . . .	208
<i>Иосиф Уткин</i>	
Комсомольская песня	209
Песня об убитом комиссаре	210
Пейзаж	211
<i>Виссарион Саянов</i>	
Современники	212
Шлем	213
Трубачи Первой Конной (Легенда)	214
<i>Михаил Светлов</i>	
Гренада	216
Рабфаковке	218
В разведке	220
Пирушка	221
Песня о Каховке	224
Итальянец	225
<i>Михаил Голодный</i>	
Песня о Щорсе	227
Партизан Железняк	228
<i>Алио Мирцхулава</i>	
Родина. Перевод с грузинского Евг. Евтушенко	229
<i>Илья Френкель</i>	
Давай закурим!	230
<i>Саломея Нерис</i>	
Мой рядовой. Перевод с литовского С. Маршака	232
Родине. Перевод с литовского М. Петровых	—
Соловей не петть не может. Перевод с литовского С. Мар . . .	233
<i>Карло Каладзе</i>	
Цветы на развалинах. Перевод с грузинского В. Левика . . .	234
<i>Александр Жаров</i>	
Взвейтесь кострами	235
Заветный камень	236
<i>Микола Бажан</i>	
Клятва. Перевод с украинского Б. Турганова	237
<i>Михаил Рудерман</i>	
Песня о тачанке	238
<i>Петрусь Бровка</i>	
Огонек. Перевод с белорусского Я. Хелемского	239
«Немало годов пролетело...» Перевод с белорусского Я. Хелем- ского	—

Капля крови. Перевод с белорусского Я. Хелемского	241
В шинель бессрочную одетый... Перевод с белорусского Я. Хелемского	—
Л е о н и д М а р т ы н о в	
Двадцатые годы	243
«О годовщины, годовщины...»	244
Эхо	—
Люди	245
Я к о в Ш в е д о в	
Орленок	247
Ю р и й И н г е	
Порох	248
М у с а Д ж а л и л ь	
Прости, Родина! Перевод с татарского И. Френкеля	249
Другу. Перевод с татарского А. Шпирта	251
Перед судом. Перевод с татарского П. Антокольского	252
С а м е д В у р г у н	
Азербайджан. Перевод с азербайджанского А. Адалис	254
Банкет. Перевод с азербайджанского П. Антокольского	256
С е м е н К и р с а н о в	
Горсть земли	258
О наших книгах	—
А г н и я Б а р т о	
Без названия	260
Н и к о л а й Д е м с е н т ь е в	
Мать	261
Б о р и с К о р н и л о в	
Песня о встречном	266
Продолжение жизни	267
Д м и т р и й К е д р и н	
Зодчие	270
Родина	274
Колокол	275
Красота	276
Г а л и О р м а н о в	
Огонек революции. Перевод с казахского Ф. Моргуна	277
А н а т о л и й К у д р е й к о	
Мои колосья	278
Л е о н и д П е р в о м а й с к и й	
Земля. Перевод с украинского М. Алигер	279
С т е п а н С а р ы г - о о л	
Вечная слава. Перевод с тувинского С. Гудзенко	281
Т а и р Ж а р о к о в	
Октябрьская заря. Перевод с казахского Я. Смелякова	282
В и к т о р Г у с е в	
Песня о Москве	283

<i>Н и к о л а й Р ы л е н к о в</i>	
«Куда ни посмотришь — родные...»	284
Надпись на старинной книге	—
«Что есть гражданственность? — не надо вопрошать...»	285
<i>А л е к с а н д р Г и т о в и ч</i>	
Солдаты Волхова	286
С чего начинается	287
<i>Ф а т ы х К а р и м</i>	
Моя серая шинель. Перевод с татарского Б. Дубровина	288
<i>Е м и л и а н Б у к о в</i>	
Победа. Перевод с молдавского С. Мар	289
<i>П о м м а Н у р б е р д ы е в</i>	
Путь моих сапог. Перевод с туркменского Г. Веселкова	290
<i>О л ь г а Б е р г г о л ь ц</i>	
«Не утаю от Тебя печали...»	291
Разговор с соседкой	—
Февральский дневник	293
Накануне	298
«А я вам говорю, что нет...»	300
<i>А л е к с а н д р Т в а р д о в с к и й</i>	
Бой в болоте (Из книги про бойца «Василий Теркин»)	301
Кремль зимней ночью	308
Я убит подо Ржевом	309
О родине	314
В тот день, когда окончилась война	316
Памяти Ленина	319
Космонавту	325
Слово о словах	326
<i>С е р г е й Ч е к м а р е в</i>	
Размышления на станции Карталы	328
<i>П а в е л В а с и л ь с е в</i>	
Демьяну Бедному	332
<i>К а д ы р Д а я н</i>	
Победитель. Перевод с башкирского Н. Новоселова	334
<i>Н и к о л а й Г р и б а ч е в</i>	
Наша станция	335
<i>Р а с у л Р з а</i>	
Свеча. Перевод с азербайджанского М. Алигер	336
Статуя Свободы. Перевод с азербайджанского П. Ангокольского	—
<i>Я к о в У х с а й</i>	
Песня про Волгу. Перевод с чувашского С. Обрадовича	338
<i>А н а т о л и й С о ф р о н о в</i>	
Как у дуба старого	339
Колокольчик	—
Нагасаки	340

<i>М и р з о Т у р с у н - з а д е</i>	
Братьям казахам. Перевод с таджикского В. Державина	342
Материнское слово. Перевод с таджикского Я. Козловского	—
<i>П е т р К о м а р о в</i>	
На краю России	344
<i>С е р г е й В а с и л ь е в</i>	
Голубь моего детства	346
<i>А н д р е й Л у п а н</i>	
Звезда. Перевод с молдавского Ю. Левитанского	350
Право на имя. Перевод с молдавского Б. Мариана	351
<i>А н д р с й М а л ы ш к о</i>	
Баллада о дружбе. Перевод с украинского Я. Хелемского	352
Современная баллада. Перевод с украинского Я. Козловского	353
<i>Л е в О ш а н и н</i>	
Гимн демократической молодежи мира (Гимн ВФДМ)	356
Песня о тревожной молодости	357
<i>М а к с и м Т а н к</i>	
Товарищи, здравствуйте! Перевод с белорусского Вс. Рождественского	358
Переписка с землей. Перевод с белорусского Я. Хелемского	—
<i>Я р о с л а в С м е л ь а к о в</i>	
«Вот опять ты мне вспомнилась, мама...»	360
Сердце Байрона	361
Наш герб	362
Трактор	364
Магнитка	365
Воспоминая	366
<i>М а р к Л и с ь а н с к и й</i>	
Моя Москва	368
<i>С е р г е й М и х а л к о в</i>	
Не быть России покоренной!	369
Партия — наш рулевой!	370
<i>А л е к с а н д р Я ш и н</i>	
Поле	372
Не умру	—
<i>Б о р и с Р у ч ь е в</i>	
Две песни о Магнит-горе	374
<i>В л а д и м и р Л и ф ш и ц</i>	
Баллада о черстве куске	376
<i>С е р г е й С м и р н о в</i>	
Обратный путь	378
Откровенный разговор	—
«Он стоит уверенно и крепко...»	379
<i>А р к а д и й К у л е ш о в</i>	
Коммунисты. Перевод с белорусского Я. Смелякова	380

«На митингах людных немало...» Перевод с белорусского Я. Хелемского	381
«Мне что ни год, то жизнью жить иной...» Перевод с белорусского Я. Хелемского	—
«Я после хвори долгой, как на фронте...» Перевод с белорусского Я. Хелемского	382
Сосна и береза. Перевод с белорусского Я. Хелемского	—
Лев Озеров	
«Поэзия — горячий цех...»	384
Павел Шубин	
Полмига	385
Виктор Боклов	
«Мне Коммуна досталась...»	386
Вадим Шефнер	
Верим в Победу!	388
Весть	—
Шагая по набережной	389
Алексей Недогонов	
Башмаки	390
«Когда ученик в «мессершмитте»...»	392
Долг	393
Евгений Долматовский	
Песня о Днепре	395
Родина слышит	—
Михаил Матусовский	
Быль о Макаре Мазае	397
На безымянной высоте	398
С чего начинается Родина?	399
Маргарита Алигер	
«Слезу из глаз, как искру из кремня...»	401
Письмо к одному знакомому	—
Разговор в дороге	402
Константин Симонов	
Генерал	406
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»	407
«Жди меня, и я вернусь...»	409
Слава	410
Немец	—
Друг-приятель	412
«Напоминает море — море...»	415
Вероника Тушнова	
«Вот говорят: Россия...»	416
Маро Маркарян	
Родине. Перевод с армянского М. Максимова	417

<i>М и х а и л Д у д и н</i>	
Соловьи	418
Песня незнакомой девочке	421
<i>Д е б о р а В а а р а н д и</i>	
Ткачиха. Перевод с эстонского С. Евсеевой	423
Цветок и улыбка. Перевод с эстонского С. Евсеевой	—
О, если б оживали грезы. Перевод с эстонского А. Ахматовой	424
<i>М и х а и л Л ь в о в</i>	
Маяковский за границей	426
Время	—
«Чтоб стать мужчиной, мало им родиться...»	427
Высота	—
У входа в Скалат	428
<i>П и м е н П а н ч е н к о</i>	
Моя география. Перевод с белорусского М. Светлова	429
«Митинги великой революции...» Перевод с белорусского Б. Слуцкого	430
<i>К а й с ы н К у л и с в</i>	
Родной язык. Перевод с балкарского Н. Тихонова	431
Старым горским мастерам. Перевод с балкарского Н. Гребнева	—
Мой Кавказ. Перевод с балкарского Д. Долинского	433
Стихи, написанные по пути из Польши. Перевод с балкарского Н. Гребнева	434
<i>С е м е н Д а н и л о в</i>	
Синэ. Перевод с якутского И. Фонякова	437
«Читатель мой, стихи тебе даря...» Перевод с якутского В. Шар- гунова	438
<i>И в а н Т а р б а</i>	
Язык Октября. Перевод с абхазского А. Кронгауза	440
<i>П а в е л К о г а н</i>	
Письмо	441
<i>М и х а и л Л у к о н и н</i>	
Пришедшим с войны	444
Сталинградский театр	445
<i>В а с и л и й Ф е д о р о в</i>	
Сердца	447
Рабская кровь	—
Совесть	448
С тобой, Россия	451
<i>И в а н П р о н ч а т о в</i>	
Поэт. Перевод с мордовского Б. Соколова	453
<i>Н и к о л а й М а й о р о в</i>	
Мы	454
<i>М и х а и л К у л ь ч и ц к и й</i>	
Красный стяг	456
Столица	—

<i>Сергей Наровчатов</i>	
Дорога в Тчев	458
Костер	459
О главном	461
<i>Георгий Суворов</i>	
«Еще утрами черный дым клубится...»	462
<i>Борис Слуцкий</i>	
Кельнская яма	463
Памятник	464
«Я говорил от имени России...»	466
<i>Сильва Капутикян</i>	
Слово моему народу (Фрагмент). Перевод с армянского Е. Николаевской	467
Песня о наших камнях. Перевод с армянского Евг. Евтушенко	468
<i>Мустай Карим</i>	
Отчий дом. Перевод с башкирского М. Светлова	470
Я — россиянин. Перевод с башкирского М. Дудина	471
«В дальний путь седлают непременно...» Перевод с башкирского И. Снеговой	472
«Мой край, возлюбленный навеки!...» Перевод с башкирского Е. Николаевской	473
Птиц выпускаю... Перевод с башкирского Е. Николаевской	474
<i>Эдуардас Межлайтис</i>	
Человск. Перевод с литовского Б. Слуцкого	475
Трубы. Перевод с литовского Л. Мартынова	476
<i>Геворг Эмин</i>	
У родника-памятника. Перевод с армянского В. Звягинцевой	478
«Кто свинец добывает в поте лица?..» Перевод с армянского Л. Гинзбурга	—
Первый бой. Перевод с армянского Ю. Левитанского	479
<i>Михаил Кильчицаков</i>	
«Пуста, безжизненна, бескровна...» Перевод с хакасского И. Фомякова	481
<i>Сергей Аракчеев</i>	
Безымянное болото	483
<i>Давид Самойлов</i>	
Сороковые	484
<i>Владимир Жуков</i>	
Якову Шведову	485
«Не солгу, не прикинусь, не струшу...»	486
<i>Леонид Решетников</i>	
Ночная атака	487
<i>Ибрагим Кэбирли</i>	
Старый окоп. Перевод с азербайджанского А. Межирова	489

В а с и л и й С у б б о т и н	
Эпилог	490
30 апреля 1945 года	—
С е р г е й О р л о в	
«Его зарыли в шар земной...»	491
Шестнадцать лет тому назад	—
Мой лейтенант	492
«Опять на старую гляжу...»	495
«Когда это будет, не знаю...»	—
М у с а Д ж а н г а з и е в	
Я землю родную хочу обнять. <i>Перевод с киргизского М. Ватагина</i>	497
С у ю н б а й Э р а л и е в	
Я иду. <i>Перевод с киргизского Ст. Куняева</i>	498
Минута, воскресившая года. <i>Перевод с киргизского С. Куняева</i>	499
Р а м з Б а б а д ж а н	
«Не печалься напрасной обидою...» <i>Перевод с узбекского С. Куз-</i> <i>нецовой</i>	501
Творец Интернационала. <i>Перевод с узбекского А. Наумова</i> . . .	—
Ю р и й Л е в и т а н с к и й	
Мое поколение	504
Д а в и д К у г у л ь т и н о в	
«Приснились джунгли нынче мне во сне...» <i>Перевод с калмыцкого</i> <i>Ю. Нейман</i>	505
Золотая земная звезда. <i>Перевод с калмыцкого А. Голембы</i> . . .	—
Боль. <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	506
А т а А т а д ж а н о в	
Заповедь отца. <i>Перевод с туркменского В. Жукова</i>	507
С е м е н Г у д з е н к о	
Мое поколение	508
«Я был пехотой в поле чистом...»	509
В а д и м С и к о р с к и й	
Значок	510
Ю р и й М е л ь н и к о в	
Гайда	511
А н а т о л и й Ч е п у р о в	
«Маленькие станции России...»	512
«Давайте поклоняться доброте...»	—
С е р г е й В и к у л о в	
«Оглядываюсь с гордостью назад...»	513
Плуг и борозда	—
В л а д и м и р С е м а к и н	
«Отцу, как и деду когда-то...»	515
Р а с у л Г а м з а т о в	
Дети дома одного... <i>Перевод с аварского Я. Козловского</i>	517
Журавли. <i>Перевод с аварского Н. Гребнева</i>	—

«Двадцатый век сурово хмурит брови...» Перевод с аварского Н. Гребнева	518
«Поэт обходить не научен беду...» Перевод с аварского Н. Греб- нева	—
На свадьбы не ходите вы, поэты. Перевод с аварского Я. Коз- ловского	519
<i>Г и л е м д а р Р а м а з а н о в</i>	
«Ну чем, скажите, кичится он?..» Перевод с башкирского В. Ви- ноградова	521
<i>А л е к с а н д р М с ж и р о в</i>	
Коммунисты, вперед!	523
Воспоминание о пехоте	525
Саратов	527
Музыка	529
<i>И о с и ф Б а л ц а н</i>	
Ильич и слово. Перевод с молдавского В. Кочеткова.	530
<i>В и к т о р К о ч е т к о в</i>	
«Шел смертный бой...»	531
Отгремела война	—
<i>М а р г а р и т а А г а ш и н а</i>	
Стихи о моем солдате	532
<i>Б у л а т О к у д ж а в а</i>	
Сентиментальный марш	533
<i>Ю л и я Д р у н и н а</i>	
Зинка	534
«...В раковине крошечной эстрады...»	535
<i>В л а д и м и р С о л о у х и н</i>	
Дождь в степи	537
<i>Н и к о л а й С т а р ш и н о в</i>	
«Ракет зеленые огни...»	539
«Солдаты мы...»	—
«И вот в свои семнадцать лет...»	540
Я был когда-то ротным запевалой...	541
«Она меняется с годами...»	—
<i>П а р у й р С е в а к</i>	
Октябрю, юноше, в день рождения! Перевод с армянского Р. Рождественского	543
<i>Е в г е н и й В и н о к у р о в</i>	
Скатка	546
Из «Стихов о детстве»	—
Основа	547
«На чердаках и в полутьме подвалов...»	—
«Интернационал»	548
<i>К о н с т а н т и н В а н ш е н к и н</i>	
Ленинский портрет	549

Алеша	549
Далекий свет	550
<i>Александр Николас</i>	
Моя рука	552
<i>Отар Челидзе</i>	
Ученикам моего отца. Перевод с грузинского Евг. Евтушенко .	554
<i>Егор Исас</i>	
Из поэмы «Суд памяти»	557
<i>Владимир Торопыгин</i>	
Поэзия	559
<i>Валентин Берестов</i>	
Первая любовь	560
<i>Владимир Соколов</i>	
Памяти товарища	561
Начало	562
<i>Рашид Рашидов</i>	
Знамена. Перевод с даргинского В. Корчагина	565
<i>Дмитро Павлычко</i>	
Путь ракеты. Перевод с украинского П. Жура	566
<i>Альфонсас Малдонис</i>	
Памятник революции. Перевод с литовского Е. Ефремова . . .	567
Разговор. Перевод с литовского Л. Миля	—
<i>Юрий Воронов</i>	
Из писем на Большую землю	569
В день памяти Ленина	570
«В блокаду с этой высоты...»	—
Память	571
<i>Анатолий Жигулин</i>	
Рельсы	572
Утиные Дворики	573
«Тихое поле над логом...»	574
Мельницы	575
Калина	—
Отвлекающий десант	577
<i>Юстинас Марцинкявичюс</i>	
Признание. Перевод с литовского Ю. Левитанского	578
Декларация. Перевод с литовского Ст. Куняева	—
<i>Владимир Гордейчев</i>	
Наше время	579
Четыре камня	580
Периферия	581
<i>Анатолий Вертинский</i>	
Реквием. Перевод с белорусского Г. Куренева	582
<i>Альгимантас Балтакис</i>	
Ленин в Вильнюсе. Перевод с литовского Л. Озерова	585

Брестская крепость. Перевод с литовского Н. Мальцевой	585
Солдаты без шинели. Перевод с литовского Р. Рождественского	587
<i>Н и к о л а й А н ц и ф с р о в</i>	
Пьедестал	588
<i>В и з м а Б е л и с в и ц</i>	
Баллада о трусе. Перевод с латышского Н. Мальцевой	589
<i>Н и к о л а й Д а м д и н о в</i>	
Апрель. Перевод с бурятского В. Карпеско	591
<i>Д м и т р и й Б л ы н с к и й</i>	
Поэзия	593
<i>Р о б е р т Р о ж д е с т в е н с к и й</i>	
Глагол	594
«Я сегодня до зари встану...»	—
<i>М у м и н К а н о а т</i>	
Голоса Сталинграда. (Из поэмы). Перевод с таджикского Р. Рождественского	596
<i>П р о к о п и й Я в т ы с ы й</i>	
«Мой ненецкий язык...» Перевод с ненецкого Н. Журавлева	599
<i>В л а д и м и р Ц ы б и н</i>	
Родительские письма	600
<i>А н д р е й В о з н е с с е н с к и й</i>	
Гойя	601
<i>Е в г . Е в т у ш е н к о</i>	
«Хотят ли русские войны?..»	602
Три минуты правды	—
«Идут белые снеги...»	604
Смерть бригадира	606
<i>П а в е л Б о ц у</i>	
Глиняная кружка. Перевод с молдавского Р. Ольшевского	608
<i>О я р В а ц и е т и с</i>	
Демобилизация. Перевод с латышского Л. Азаровой	609
<i>Н о в с л л а М а т в с с е в а</i>	
Человек	611
<i>А н а т о л и й П р е л о в с к и й</i>	
Человек	613
<i>Б о р и с О л е й н и к</i>	
«Погоня... И выстрел... И взмыленный круп...» Перевод с укра- инского Н. Котенко	614
Песня о матери. Перевод с украинского Л. Смирнова	615
<i>Г р и г о р е В и е р у</i>	
Анкета. Перевод с молдавского Я. Акима	616
<i>И л ь я Ф о н я к о в</i>	
«Оптимизму учили меня...»	617
<i>Р ы г о р Б о р о д у л и н</i>	
«Сколько лет Беларуси?..» Перевод с белорусского И. Шклярев- ского	618

<i>Владимир Санги</i>	
«Я северянин. Нивх...» Перевод с нивхского автора	619
<i>Лариса Васильева</i>	
Танки	620
<i>Омор Султанов</i>	
День Победы. Перевод с киргизского И. Фонякова	622
<i>Валентин Сорокин</i>	
Я стоял у огня	623
<i>Николай Рубцов</i>	
Звезда полей	624
Тихая моя родина	—
Видения на холме	625
<i>Виталий Коротич</i>	
Мое село. Перевод с украинского М. Борисовой	627
<i>Иван Драч</i>	
Автографы матерей молодогвардейцев. Перевод с украинского Л. Смирнова	628
<i>Борис Укачин</i>	
Рожденные весной. Перевод с алтайского И. Фонякова	629
<i>Владимир Фирсов</i>	
Первый учитель	631
Хлебный колос	633
<i>Ольга Фокина</i>	
Розовое мыло	635
«Храни огонь родного очага...»	—
<i>Юван Шесталов</i>	
«Нет у меня ружья...» Перевод с мансийского Г. Семнова	637
<i>Олег Дмитриев</i>	
Город Галич	638
<i>Огдо Аксенова</i>	
Красный флаг. Перевод с долганского В. Кравца	639
<i>Игорь Шкляревский</i>	
«Плакучая, в лучах заката...»	640
Швейцарцы в Могилеве	—
<i>Борис Примеров</i>	
Парус Земли	641
<i>Пауль Эрик Руммо</i>	
Баллада об осколке в сердце. Перевод с эстонского Ю. Медведева	642
<i>Гульрухсор Сафисва</i>	
Родине. Перевод с таджикского Р. Казаковой	644
<i>Комментарии</i>	645
<i>Алфавитный указатель авторов</i>	669

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(т о м 28)

ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА
СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ

*

ИБ 5814

*

Ответственный редактор

Е. М. П о л к о н а с е в а

Художественный редактор

А. Б. С а п р ы г и н а

Технический редактор

И. П. С а в е н к о в а

Корректоры

Л. И. Д м и т р ю к и О. И. И в а н о в а

*

Сдано в набор 08.02.82. Подписано к печати 04.11.82. Формат 60×90¹/₁₆. А03828. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 44,13. Усл. кр.-отт. 47,88. Уч.-изд. л. 31,92+9 вкл.—32,49. Тираж 407 000 (1—200 000) экз. Заказ № 418. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Г 75 Гражданская лирика советских поэтов/Вступит. статья и коммент. А. Туркова; Рис. Л. Дурасова.— М.: Дет. лит., 1982.— 687 с., 9 л. ил.— (Б-ка мировой литературы для детей, т. 28).

В пер.: 2 р. 10 к.

В этом томе собраны гражданские стихи поэтов, представляющих все республики Советского Союза.

Г 4803010102—548 Подп. изд.
М101(03)82

РС

Scan Kreyder - 14.06.2016
STERLITAMAK

2 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»